

ОНС

ISSN 0869-0499

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
И СОВРЕМЕННОСТЬ

3

SOCIAL SCIENCES
AND CONTEMPORARY
WORLD

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

2023

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ОНС

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ
И СОВРЕМЕННОСТЬ

Журнал издается под руководством Президиума РАН,
выходит с 1976 г. 6 раз в год

Журнал входит в Перечень ВАК,
индексируется в РИНЦ и RSCI на платформе Web of Science.

3

2023

Москва

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ONS

SOCIAL SCIENCES
AND CONTEMPORARY WORLD

**The journal is published by Russian Academy of Sciences.
Founded in 1976
6 issues per year**

The journal is included in the Higher Attestation Commission List of peer reviewed scientific publications. Indexed in the Russian Scientific Citation Index by “Electronic Scientific Library” (elibrary.ru) and RSCI by Web of Science.

3

2023

Moscow

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Громько Ал. А. член-корр. РАН, профессор РАН, директор Института Европы РАН (Москва, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Ананьева Е. В. к. филос. н., в. н. с. Института Европы РАН (Москва, Россия)

НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

Белоусов Л. С. д. и. н., декан исторического ф-та МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАО (Москва, Россия)

Валентей С. Д. д. э. н., профессор Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, руководитель научно-исследовательского объединения (Москва, Россия)

Дынкин А. А. академик РАН, президент ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН (Москва, Россия)

Кокошин А. А. академик РАН, зам. научного руководителя ВШЭ, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Полтерович В. М. академик РАН, руководитель научного направления «Математическая экономика» ЦЭМИ РАН, зам. директора Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Торкунов А. В. академик РАН, ректор МГИМО (У) МИД России (Москва, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Абрамова И. О. член-корр. РАН, д. э. н., директор Института Африки РАН (Москва, Россия)

Байсингер Марк Р.

(Beissinger) профессор политологии Принстонского университета (Принстон, США)

Буторина О. В. член-корр. РАН, д. э. н., зам. директора Института Европы РАН (Москва, Россия)

Войтоловский Ф. Г. член-корр. РАН, д. полит. н., директор ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН, профессор РАН (Москва, Россия)

Габов А. В. член-корр. РАН, д. ю. н., г. н. с. Института государства и права РАН, член НИСО РАН (Москва, Россия)

Гарбузов В. Н. член-корр. РАН, д. и. н., директор Института США и Канады РАН (Москва, Россия)

Глинчикова А. Г. д. полит. н., профессор кафедры политологии МГПУ (Москва, Россия)

Дискин И. Е. д. э. н., с. н. с. Высшей школы экономики, член научно-экспертного совета ВЦИОМ (Москва, Россия)

Кондаков И. В. д. филос. н., в. н. с. Института искусствознания РАН, профессор кафедры истории и теории культуры факультета культурологии РГГУ (Москва, Россия)

Либман А. М. профессор Свободного университета Берлина (Libman) (Берлин, Германия)

Наумкин В. В. академик РАН, председатель Учёного совета Института востоковедения РАН (Москва, Россия)

Нестик Т. А. д. психол. н., г. н. с. Института психологии РАН, профессор РАН (Москва, Россия)

Паин Э. А. д. полит. н., профессор Высшей школы экономики (Москва, Россия)

Петренко В. Ф. член-корр. РАН, профессор ф-та психологии МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Порфирьев Б. Н. академик РАН, научный руководитель Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (Москва, Россия)

Синеокая Ю. В. член-корр. РАН, д. филос. н., заместитель директора Института философии РАН (Москва, Россия)

Фомин-Нилов Д. В. к. и. н., ректор ГАУГН (Москва, Россия)

Хабриева Т. Я. академик РАН, директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (Москва, Россия)

Чубарьян А. О. академик РАН, научный руководитель Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия)

Яковлев А. А. к. э. н., директор Института анализа предприятий и рынков Высшей школы экономики (Москва, Россия)

© Российская академия наук, 2023

© Составление. Редколлегия журнала «Общественные науки и современность», 2023

Издатель: Российская академия наук, 119991 Москва, Ленинский просп., 14
Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-130-22 ООО «Объединённая редакция»,
109028, г. Москва, Подкопаевский пер., д. 5, каб. 6
Адрес редакции: Мароновский пер., 26, каб. 310, Москва, 119049
Тел. (495) 544-20-50. E-mail: ons_journal@mail.ru
Адрес в Интернете: <https://ons-journal.ru>

EDITOR-IN-CHIEF

Alexey Gromyko Corresponding Member of the RAS, Professor of the RAS, Director of the Institute of Europe of the RAS (Moscow, Russia)

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Elena Ananieva Candidate of Sciences (Philosophy), Leading Research Fellow of the Institute of Europe of the RAS (Moscow, Russia)

SCIENTIFIC ADVISORY BOARD

Lev Belousov Doctor of Sciences (History), Head of the Faculty of History of Lomonosov Moscow State University, Academician of the Russian Academy of Education (Moscow, Russia)

Sergey Valentey Doctor of Sciences (Economics), Professor of Plekhanov Russian University of Economics, Head of Research Association (Moscow, Russia)

Alexander Dynkin Academician of the RAS, President of the Primakov Institute of World Economy and International Relations (Moscow, Russia)

Andrey Kokoshin Academician of the RAS, Deputy Research Director of the Higher School of Economics, Professor of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Victor Polterovich Academician of the RAS, Deputy Director of the Moscow School of Economics, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Anatoly Torkunov Academician of the RAS, Rector of Moscow State Institute of International Relations (Moscow, Russia)

EDITORIAL BOARD

Irina Abramova Corresponding Member of the RAS, Director of the Institute for African Studies of the RAS (Moscow, Russia)

Mark R. Beissinger Professor of Political Science at Princeton University (Princeton, USA)

Olga Butorina Corresponding Member of the RAS, Deputy Director of the Institute of Europe of the RAS (Moscow, Russia)

Feodor Voitlovsky Corresponding Member of the RAS, Director of the Primakov Institute of World Economy and International Relations, Professor of the RAS (Moscow, Russia)

Andrey Gabov Corresponding Member of the RAS, Chief Research Fellow of the Institute of State and Law of the RAS (Moscow, Russia)

Valery Garbuzov Corresponding Member of the RAS, Doctor of Sciences (History), Director of the Institute for US and Canadian Studies of the RAS (Moscow, Russia)

Alla Glinchikova Doctor of Sciences (Politics), Professor of the Department of Political Science of Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russia)

Isosif Diskin Doctor of Sciences (Economics), Senior Research Fellow of the Higher School of Economics

Igor Kondakov Doctor of Sciences (Philosophy), Leading researcher of the State Institute for Art Studies, Professor Russian State University for Humanities (Moscow, Russia)

Aleksandr Libman Professor of FU Berlin (Berlin, Germany)

Vitaly Naumkin Academician of the RAS, President of the Institute of Oriental Studies of the RAS (Moscow, Russia)

Timofey Nestik Doctor of Sciences (Psychology), Chief Research Fellow of the Institute of Psychology of the RAS, Professor of the RAS (Moscow, Russia)

Emil Pain Doctor of Sciences (Politics), Professor of the Higher School of Economics (Moscow, Russia)

Victor Petrenko Corresponding Member of the RAS, Professor of the Faculty of Psychology of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Boris Porfiriev Academician of the RAS, Scientific Director of the Institute for Economic Forecasting of the RAS (Moscow, Russia)

Julia Sineokaya Corresponding Member of the RAS, Deputy Director of the Institute of Philosophy of the RAS (Moscow, Russia)

Denis Fomin-Nilov Candidate of Sciences (History), Rector of the State Academic University for Humanities (Moscow, Russia)

Talia Khabrieva Academician of the RAS, Director of the Institute of Legislation and Comparative Law of the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Aleksandr Chubaryan Academician of the RAS, Scientific Director of the Institute of World History of the RAS (Moscow, Russia)

Andrei Yakovlev Candidate of Sciences (Economics), Director of the Institute for Industrial and Market Studies Higher School of Economics University (Moscow, Russia)

© Russian Academy of Sciences, 2023

© Formation. Editorial board of "Social Sciences and Contemporary World", 2023

Publisher: Russian Academy of Sciences
 Executor under contract No. 4Y-3A-130-22 LLC "United Editorial Office",
 109028, Moscow, Podkopaevsky lane, 5, office 6
 Address: Maronovskiy pereulok, 26, office 310, Moscow, 119049 Russia.
 Tel. (495) 544-20-50. E-mail: ons_journal@mail.ru.
 Website: <https://ons-journal.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

- Сунгуров А.Ю., Киселева Д.А.** Гражданское общество: либеральное или разнообразное? 7
- Егоров Д.Г.** Модель человека как ключ к пониманию идеологии (о немарксистской альтернативе либерализму) 23

ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ

- Криволапов О.О.** Региональная ПРО США и их партнеров в западной части Тихого океана: влияние на региональную безопасность 39

ИССЛЕДОВАНИЯ КОММУНИКАЦИИ

- Пушкарева Г.В.** Политический менталитет и ментальные ловушки политической коммуникации 54
- Лукушин В.А.** Внешнее информационное давление на российскую молодежь как инструмент глобального противоборства 68
- Кукарников Д.Г., Гаршин Н.А.** Проблема коммуникации в обществе риска: вызовы медиареальности 83

ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

- Кирчанов М.В.** Историческая политика и мемориальная культура в Латвии в начале 2020-х гг. 94
- Манукян С.А.** Общественное мнение Армении о Большом российском пространстве до и после Второй карабахской войны 109

ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Мухаметов Р.С.** Представленность женщин в региональных парламентах: тестирование модели традиционных гендерных ролей 131

ЦЕННОСТИ И ИННОВАЦИИ

- Коваленко А.А., Малышев М.А.** Ценностные ориентации руководителей и управление инновациями на предприятиях 146

CONTENTS

SOCIAL PHILOSOPHY

- Sungurov A., Kiseleva D.** Civil Society: Liberal or Diverse? 7
Egorov D. Human Model as a Key to Understanding Ideology
(on the Non-Marxist Alternative to Liberalism) 23

PROBLEMS OF SECURITY

- Krivolapov O.** Regional Missile Defense Architecture of the US and
Their Partners in the Western Pacific: Impact On Regional Security 39

COMMUNICATION STUDIES

- Pushkareva G.** Political Mentality and Mental Traps of Political Communication 54
Lukushin V. External Information Pressure on Russian Youth
as a Tool of Global Confrontation 68
Kukarnikov D., Garshin N. Communication Problem in Risk Society:
Challenges of the Media Reality 83

POSTSOVIET SPACE

- Kyrchanoff M.** Historical Policy and Memorial Culture in Latvia in the Early 2020s 94
Manukyan S. Public Opinion in Armenia on the Greater Russian Space Before
and After the Second Karabakh War 109

GENDER STUDIES

- Mukhametov R.** Representation of Women in Regional Parliaments:
Testing the Model of Traditional Gender Roles 131

VALUES AND INNOVATION

- Kovalenko A., Malyshev M.** Value Orientations of Managers and
Innovation Management at Enterprises 146

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ SOCIAL PHILOSOPHY

Оригинальная статья/ Original article

Гражданское общество: либеральное или разнообразное?¹

© А.Ю. СУНГУРОВ, Д.А.КИСЕЛЕВА

Сунгуров Александр Юрьевич, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Россия), asungurov@hse.ru. ORCID: 0000-0003-4834-063X

Киселева Дарья Александровна, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Россия), kiseleva-d@yandex.ru. ORCID: 0009-0000-6858-4477

Статья посвящена концепции гражданского общества. Кратко рассмотрена эволюция представлений о ней, в том числе развитие L- и M-представлений. В рамках исследования M-концепции, в которой под гражданским обществом понимают относительно автономные от государства общественные организации и многообразные связи между ними, выделены нормативный и позитивистский подходы. Обосновано утверждение, что нормативный подход, согласно которому гражданское общество рассматривают как сообщество организаций с либеральными взглядами, заимствует представления из L-концепции. Проанализированы современные российские тренды, связанные с разделением организаций гражданского общества по критерию лояльности «сверху». Предпринята попытка выделить категории нелиберальных гражданских организаций. Представлен вывод о целесообразности использовать концепцию «разнообразного гражданского общества» в научном анализе.

Ключевые слова: гражданское общество, либеральные организации, консервативные организации, нормативный подход, позитивистский подход

Цитирование: Сунгуров А.Ю., Киселева Д.А. (2021) Гражданское общество: либеральное или разнообразное? // Общественные науки и современность. № 3. С. 7–22. DOI: 10.31857/S0869049923030012, EDN: GHFOUD.

¹ Финансирование. Статья подготовлена в ходе исследования (№ 22-00-032) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)» в 2022 г. Funding. The article was prepared during study (No. 22-00-032) within the framework of the Program «Science Foundation of the National Research University Higher School of Economics» (HSE University) in 2022.

Civil Society: Liberal or Diverse?

© A. SUNGUROV, D. KISELEVA

Alexander Yu. Sungurov, National Research University “Higher School of Economics” (St. Petersburg, Russia), asungurov@hse.ru. ORCID: 0000-0003-4834-063X

Daria A. Kiseleva, National Research University “Higher School of Economics” (St. Petersburg, Russia), kiseleva-d@yandex.ru. ORCID: 0009-0000-6858-4477

Abstract. The article discusses the concept of civil society. The evolution of ideas is studied, including the creation of L- and M- conceptions. As part of the M-concept, in which civil society is understood as public organizations relatively autonomous from the state and diverse connections between them, normative and positivist approaches are distinguished. It is substantiated that the normative approach, in which civil society is understood as a community of organizations with liberal views, is associated with the L-concept. Modern Russian trends related to the division “from above” of civil society organizations according to the criterion of loyalty are analyzed. The first steps have been taken to single out the categories of non-liberal civil organizations. The conclusion is made about the expediency of using the concept of a “diverse civil society” in scientific analysis.

Keywords: civil society, liberal organizations, conservative organizations, normative approach, positivistic approach

Citation: Sungurov A., Kiseleva D. (2023) Civil Society: Liberal or Diverse? *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 7–22. DOI: 10.31857/S0869049923030012, EDN: GHFOUD.

В 2018 г. на заключительном пленарном заседании Ежегодной научной конференции в Александровском институте при Хельсинкском университете Мария Мальксоо представила оценки эволюции политических режимов в таких посткоммунистических странах, как Польша и Венгрия. На основе этих данных исследователь пришла к выводу, что гражданское общество может быть и нелиберальным². В том же году Фонд Карнеги опубликовал доклад «Мобилизация консервативного гражданского общества», в котором анализировалась активизация нелиберальных НКО (некоммерческих организаций) в девяти странах мира, включая США, Бразилию, Индию, Польшу и Украину [Mobilization... 2018].

Понятие «гражданское общество» в современной России и в других странах сегодня используют достаточно часто, однако ни среди политиков, ни среди журналистов и российских ученых нет согласия по поводу содержания данного термина. Цель данной статьи – разъяснить содержание термина «гражданское общество» и предложить свою трактовку.

История гражданского общества: L- и M- концепции

Термин «гражданское общество» использовали в своих работах еще Аристотель и Цицерон. Они толковали его как синоним «политического общества» и самого полиса, так как для них общественная жизнь была неотделима от его жизни. История этого понятия изложена в различных работах [Seligman 1992; Cohen, Arato 1995], включая и учебное пособие авторов, представленное в электронной библиотеке «Гражданское общество в России» [Сунгуров 2008].

² Aleksanteri Conference 2018: plenary session III and closing ceremony. YouTube. (<https://www.youtube.com/watch?v=8XEXQG9Gvkg>).

На рубеже XVIII и XIX вв. просветители – прежде всего А. Фергюсон, а также Ж.-Ж. Руссо и И. Кант – предложили различные определения гражданского общества. Так, Кант писал о нем как об обществе, в котором «свобода в рамках существующих законов сочетается с максимально возможным развитием несдерживаемых ничем усилий, тенденций, иными словами, общества с полностью гражданским устройством» [Keane 1988, 40]. Подобной позиции придерживался и английский философ XVII в. Дж. Локк, который определял гражданское общество как этическое сообщество в дополитическом состоянии, где государство играет минимальную роль. В рамках этой модели гражданское общество определяется цивилизованным общением: дела в нем решают без насилия.

Уже в конце XX в. канадский философ Ч. Тэйлор назвал данную концепцию L-традицией понимания гражданского общества, чтобы отделить ее от M-традиции. Последняя основана на идеях французского мыслителя Ш.Л. де Монтескье. Согласно концепции, гражданское общество представляет собой совокупность автономных объединений, которые выступают посредниками между государством и индивидами [Taylor 1995]. В современной России концепцию в двух ее значениях развивали в своих работах О. Хархордин [Хархордин 1997] и Е. Белокурова [Белокурова 2003].

Б. Клиффорд в Оксфордском учебнике по гражданскому обществу предлагает три пересекающихся трактовки концепта «гражданского общества»: 1) гражданское общество как совокупность ассоциаций граждан; 2) гражданское общество как либеральная демократия; 3) гражданское общество как публичная сфера [Clifford 2012]. Первая позиция соответствует M-концепции гражданского общества, а вторая – L-концепции. Представление о гражданском обществе как о публичной сфере развивал немецкий философ Ю. Хабермас, в данной работе оно не рассматривается.

Следует отметить, что в течение почти всего XIX и первой половины XX в. концепция гражданского общества не привлекала большого внимания исследователей. Внимание к теме привлек итальянский философ и политический деятель А. Грамши в своих «Тюремных тетрадах». Он считал, что развитое гражданское общество могло бы противостоять приходу к власти фашизма [Грамши 1959]. В середине 1970-х гг. интерес к концепции возник у западных политологов в связи с тем, что интеллектуалы Восточной Европы опирались на нее, чтобы противопоставлять свои воззрения коммунистической идеологии [Havel 1993; Михник 2011].

В западноевропейских странах в середине 1990-х гг. идею гражданского общества пытались взять на вооружение европейские левые. Так, в 1995 г. Фонд Ф. Эберта³ опубликовал коллективную монографию «На пути к глобальному гражданскому обществу» [Toward 1995]. Заключительный раздел книги назывался «Европейский социализм и американская социальная реформа». Редактор монографии американский политический философ М. Уолцер определял гражданское общество как «пространство свободных ассоциаций индивидов, а также набор сетей взаимоотношений, образованных на основе семьи, веры, интересов и идеологии и заполняющих это пространство» [Walzer 1995]. Характер таких взаимоотношений всегда зависит от разделяемых (shared) ценностей. Соответственно, понятие гражданского общества может иметь как либеральную, так и коммунитаристскую интерпретацию в зависимости от того, лежит в его основе свобода индивида или солидарность ассоциаций [Сунгуров 1997]. Иначе говоря, уже четверть века тому назад авторы не сводили гражданское общество к сообществу исключительно либеральных организаций.

³ Исключен Минюстом РФ из реестра филиалов и представительств международных организаций и иностранных некоммерческих неправительственных организаций в 2022 г.

В своих работах о развитии гражданского общества в России в середине 1990-х гг. авторы данной статьи брали за основу М-традицию. Такой выбор основан на аргументе, что другое понимание (L-традиция) по сути совпадает с понятием демократического либерального государства.

Таким образом, гражданское общество в этой статье рассматривается как совокупность свободных ассоциаций граждан (и многообразных связей между ними), которые уважают и соблюдают законы государства (оно, в свою очередь, соблюдает права человека), но не позволяют ему вмешиваться в свою ежедневную деятельность [Сунгуров 1997, 56]. Тезис об уважении к законам государства позволяет отделить гражданское общество от террористических и криминальных организаций.

Следует отметить, что такая трактовка не относится к общепринятым. Так, российский и немецкий экономист А.М. Либман предлагает определять гражданское общество «на основе трех критериев: речь идет о (1) спонтанной самоорганизации общества, (2) направленной на воздействие на политические решения государства, но (3) не являющиеся интегральной частью политической системы. Часто добавляется еще один, значительно более сомнительный: ценностную ориентацию спонтанной самоорганизации (для отсеивания, скажем, структур типа ХАМАС, формально соответствующих трем критериям)» [Либман 2011, 130]. Авторы не считают уважение к законам государства нормативным критерием, однако данный фактор позволяет выделить область негражданского общества. Подобную точку зрения высказывает советский и российский философ Р.Г. Апресян: «Гражданское общество задается деятельностью и отношениями суверенных индивидов. Однако оно в свою очередь и определяет стандарт поведения людей: как суверенных, лояльных (законопослушных), но свободных граждан» [Апресян 1997, 9].

Гражданское общество в рамках М-концепция: нормативный и позитивистский подходы

Для дальнейшего анализа структур гражданского общества логично использовать представление о трех секторах жизнедеятельности нации: первый сектор – государственная власть, правительство; второй – экономика и бизнес, третий – негосударственные некоммерческие организации («организации третьего сектора»). Детализация трехсекторной структуры [Сунгуров 1997, 57] представлена в таб. 1.

Таблица 1

Секторы и уровни организации общества

Table 1

Sectors and levels of society's organization

Сектор/уровень	I сектор	II сектор	III сектор
Деятельностный уровень	Государство	Экономика Рынок	Сфера деятельности НКО
Гражданское общество	Политическое общество (партии и др.)	Экономическое общество (бизнес-ассоциации, профсоюзы и др.)	Сообщества третьего сектора (НКО)
Не гражданское общество	Подпольные и террористические организации	Организованная преступность	Агрессивные секты

Гражданское общество не следует ограничивать рамками НКО: в него входят и низовые звенья политических партий, и объединения участников рынка (профессиональные союзы, бизнес-ассоциации и др). Исходя из сегодняшних реалий, к схеме на таб. 1 следует добавить СМИ, которые могут быть связаны со всеми тремя секторами, а также и группы в социальных сетях и независимых блогеров (с учетом развития цифровизации).

Далее следует выделить четыре типа НКО на основе различия их целевых групп. Первый, наиболее многочисленный из них составляют НКО, фокусной группой которых выступают сами члены этих организаций: «НКО взаимопомощи», которые объединяют людей по принципу общей беды или проблемы, а также «НКО клубного типа» (спортивные клубы, разнообразные группы самосовершенствования, клубы по интересам и т. д.). Ко второму типу относятся организации, направленные на решение общественных проблем: НКО социальной направленности, нацеленные на решение проблем других людей, благотворительные фонды и экологические НКО (под экологией понимается не только природная, но и культурная среда).

Третий тип включает в себя организации, которые фокусируются на властных структурах и их взаимоотношениях с гражданами и обществом – правозащитные организации. Наконец, последний, четвертый тип состоит из так называемых «инфраструктурных» организаций, миссией которых выступает содействие деятельности других НКО или развитие публичной политики в целом [Сунгуров 2008].

Согласно данной классификации, из всех типов НКО к либеральным структурам можно априори отнести только правозащитные организации, которые составляют не более 10% от всех сообществ третьего сектора. Организации четвертой группы встречаются еще реже, чем правозащитные. Они могут носить как либеральный или социал-демократический, так и консервативный характер.

Среди благотворительных НКО существенную часть составляют религиозные группы, которые нельзя причислить к либеральным. В экологических группах также встречаются люди с разными убеждениями. Наконец, в организациях первого типа может участвовать кто угодно: в спортивных клубах и секциях здорового образа жизни доля людей с либеральными взглядами явно не выше, чем в целом по стране. Реальное гражданское общество, основу которого составляют различные НКО, разнообразно.

О данной особенности гражданского общества писал и Р.Г. Апресян: «Гражданское общество плюралистично. Плюралистично идеологически, поскольку оно не знает господствующей, то есть властью и законом поддерживаемой идеологии. Плюралистично экономически, поскольку различные формы собственности и свобода каждого гражданина от властного давления в выборе поприща представляют собой реальную основу для разнообразия форм общественного самоосуществления человека. Гражданское общество плюралистично и в сфере политики» [Апресян 1997, 12].

О. Хархордин, исходя из того, что L-традиция основана на протестантской культурной традиции, а M-традиция – на католической, предполагал, что для российского гражданского общества возможна П-традиция, связанная с православием и православными общинами [Kharkhordin 1998]. Согласно его концепции, основой российского гражданского общества могут служить не либеральные, а православные, т. е. преимущественно консервативные НКО.

В коллективной монографии «Гражданское общество: зарубежный опыт и российская практика» (2011 г.) Института экономики РАН С.Г. Кирдина пишет: «В исследованиях гражданского общества роль идеологии проявляется наиболее ярко. Идеология не только задает направления анализа, но и сама определяет характер основных идеологических установок, или ценностей, формирует содержание понятия граждан-

ского общества и делает его характерной идеологемой западного общества, носителем соответствующих ему базовых ценностей... Принято, во-первых, противопоставлять гражданское общество государству и, во-вторых, подчеркивать роль свободного индивидуального выбора при самоорганизации гражданского общества. Более того, роль ценностей при характеристике особенностей гражданского общества становится едва ли не доминирующей» [Кирдина 2011, 43, 45]. Автор выступает против господства либерального понимания российского гражданского общества. Однако, как показывают приведенные выше примеры, исключительно либерального понимания гражданского общества не существует.

Об отсутствии такой тенденции в российских научных публикациях свидетельствует и коллективная монография под редакцией Л.И. Якобсона [Факторы 2008], и более поздняя обзорная статья И.В. Мерсияновой [Мерсиянова 2011].

При анализе социальной базы гражданского общества И.В. Мерсиянова взяла за основу следующие критерии: «готовность объединяться с другими людьми для каких-либо совместных действий, если их интересы и идеи совпадают; вовлеченность в добровольческую деятельность и частную филантропию; информированность об общественных объединениях и других негосударственных некоммерческих организациях, гражданских инициативах; членство и/или участие в деятельности общественных объединений и других негосударственных некоммерческих организаций, гражданских инициатив» [Мерсиянова 2008, 194]. В данный перечень не включены какие-либо нормативные критерии.

Все же следует отметить, что существует и ценностно нагруженное понимание концепта «гражданское общество». Как правило, такая трактовка имеет место, когда развитие гражданского общества анализируют в контексте транзита той или иной страны от авторитаризма к либеральной демократии. Так, в духе данной доктрины американский политолог и дипломат, бывший посол США в РФ, М. Макфол писал, что в странах Восточной Европы до 1989 г. степень успеха политической модернизации была пропорциональна уровню развития структур гражданского общества [McFaul 1993]. Также российский исследователь Т. Ворожейкина, рассматривая состояние гражданского общества в России в контексте массовой политической активности в России зимой 2011/2012 гг., отмечает, что «гражданская ассоциация, по определению, ориентирована на индивида, на ценность и права отдельного человека, принадлежащего к данному сообществу. Иначе говоря, “гражданское общество” в современной теории – это нормативно нагруженное понятие, включающее толерантность, плюрализм, уважение к личности в качестве фундаментальных этических оснований» [Ворожейкина 2014].

В дискуссиях по поводу гражданского общества можно различить две группы участников. Первая считает гражданское общество важным условием создания политического режима либеральной демократии, ориентируясь именно на ростки либерального гражданского общества. Одновременно в первой группе игнорируют проявления нелиберального гражданского общества. Вторая группа учитывает все возникающие в стране инициативные объединения, не ограничиваясь только организациями, о которых говорит Т. Ворожейкина.

Взгляды первой группы точно выразила в своем экспертном интервью советская диссидентка и российский общественный деятель Л.М. Алексеева, описывая свое участие в Московском гражданском форуме 2001 г., когда по решению оргкомитета именно она должна была открывать этот форум и дать слово президенту РФ В.В. Путину: «Я должна сказать, что мне было очень страшно, потому что я знала, что из четырех тысяч собравшихся в зале наших, таких, понятных мне людей пятьсот человек, а остальные, как Мария

Слободская любовно о них говорила – тетки с авоськами – ну это там социалка всякая, и какие-то там казачий хор, досуговые организации – хрен знает кто такие»⁴.

В данном случае, под «нашими» Л.М. Алексеева подразумевала именно организации либерального гражданского общества – правозащитные, экологические, а также центры публичной политики. Так, гуманитарно-политологический центр «Стратегия» представлял на форуме один из авторов данной статьи. Опираясь на приведенные Л.М. Алексеевой данные, оценим долю либеральных организаций на Московском форуме – примерно 20%. Там же присутствовала упомянутая выше М.А. Слободская, президент Института проблем гражданского общества, которую можно отнести ко второй группе исследователей. Она работала с той частью гражданского общества, которую Л.М. Алексеева охарактеризовала как «тетки с кошелками» [Российские... 1998]. Позже М.А. Слободская стала председателем комиссии по взаимодействию со структурами гражданского общества Общественной палаты РФ первого и второго созывов. Сегодня в том же направлении работает Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ под руководством И. В. Мерсияновой [Мерсиянова 2008, 2011].

Можно предположить, что представители первой группы придерживаются нормативно-нагруженного подхода к понятию гражданского общества, а второй – позитивистского.

Следует также указать на статью российского ученого Д.В. Гончарова, в которой автор обосновал разнообразие нормативных подходов к концепции гражданского общества, выделяя, наряду с либеральным и коммунитаристским, также постмарксистский метод. Он вместе с тем отмечал, что «антимодернистская критика государственных и транснациональных институтов современного общества парадоксальным образом сближает пост-марксистский проект с коммунитаристским и консервативным видением» [Гончаров 2012, 154].

Зарубежные исследования: преодолевая нормативный подход

В работах зарубежных исследователей гражданского общества до недавнего времени преобладал именно нормативный подход. По мнению словацкого романиста и политолога П. Копецкого, данный факт можно объяснить тем, что концепция гражданского общества стала обретать популярность во многом под влиянием диссидентов-интеллектуалов стран Восточной Европы. В своих работах в 1960–1970-х гг. они противопоставляли гражданское общество «про-советским коммунистическим», идеологически нагруженным авторитарным режимам этих стран [Копецку 2005]. Тем самым гражданское общество, с одной стороны, приравнивали к оппозиции, а с другой – представляли как цель этой оппозиции – фактически отождествляя его с демократическим политическим режимом, то есть подразумевая L-концепцию гражданского общества.

Однако противники полутоталитарных режимов того времени преследовали разные политические цели. Среди них были диссиденты-интеллектуалы, которые выступали за установление либерального демократического режима с приоритетом прав человека и уважением прав меньшинств; националисты, которые ставили цель возродить (или создать) национальные моноэтнические государства (с единственным государственным языком); консерваторы, которые хотели восстановить разрушенное коммунистами влияние господствующей религии, и др.

В постсоветский период в государствах Восточной Европы и странах бывшего СССР стали развиваться националистические или религиозно-консервативные силы. Такого рода политические партии и неправительственные организации никак нельзя было отнести к

⁴ Интервью с Л.М. Алексеевой, Москва, 2 ноября 2012 г.

либеральным. Исследователи их не причисляли к гражданскому обществу, а определяли как «плохое гражданское общество» и «негражданское общество». Такие оценки вызвали возражения экспертов уже в середине 2000-х гг. Например, об этом свидетельствует коллективная монография 2005 г., в самом названии которой отражается недоверие экспертов к подобным подходам («Негражданское общество? Спорная политика в посткоммунистической Европе») [Uncivil... 2005].

Во вступительной статье к книге ее редактор П. Копецкий пишет о том, что развиваемая диссидентскими кругами стран Восточной Европы концепция гражданского общества как альтернатива полутоталитарному советскому режиму понимала под гражданским обществом либеральную демократию (т.е. в рамках L-концепции). По мнению П. Копецкого, в результате организациями гражданского общества считали только либерально ориентированные структуры, а все остальные игнорировали. В итоге был сделан вывод о слабости гражданского общества в таких странах. Данное заключение можно считать справедливым в отношении гражданского общества в рамках L-концепции, но его переносили и на M-концепцию – на сообщество общественных организаций. В реальности же оно развивалось достаточно активно, включая в себя гораздо более широкий круг организаций. П. Копецкий предлагает расширить фокус исследований за пределы либеральных и про-демократических структур. Он считает необходимым отказаться от исчерпавших кредит доверия границ, которые исключают из гражданского общества связанные с рынком и государством образования, а также обратить внимание на протестные группы или организации «спорной» (contentious) политики, которые ранее относили к «темной» стороне гражданского общества. Из названий глав данной монографии можно понять, о каких организациях идет речь: «Другое гражданское общество в Сербии: негосударственный национализм. Случай Сербского движения сопротивления»; «Не-гражданственность гражданского общества: скинхеды в Венгрии»; «Спорная политика в Хорватии: движение ветеранов войны»; «Государство, общество и протест в условиях посткоммунизма: Украинские шахтеры и их поражение».

В то же время другие исследователи продолжали рассматривать группы нелиберальной направленности как организации негражданского общества. Например, итальянский политолог К. Руза предложил следующую их классификацию: ксенофобные, националистические, популистские и авторитарные. К первой группе он относит прежде всего расистские организации, а также неонацистов и скинхедов, которые нападают на мигрантов или геев, считая их «негражданскими». По мнению исследователя, сторонники подобных взглядов часто встречаются среди болельщиков футбольных клубов.

Националистические группы включают в себя приверженцев национализма как идеологии объединения, так и идеологии разъединения, которая приводит к сепаратизму. Примером разновидностей второго варианта он считает организации евроскептиков. Во всех случаях конкретные территории для членов националистических организаций играют существенную роль. К. Руза полагает, что популистская часть негражданского общества шире, чем две предыдущие. Она включает в себя как экстремистские, так и неэкстремистские группы, которые объединяют антиэлитистские настроения [Ruzza 2009].

В своей статье «Гражданское и негражданское общество» Б. Клиффорд приводит убедительные аргументы в пользу того, что было бы ошибкой использовать определение «структуры негражданского общества», чтобы обозначать организации с нелиберальными взглядами. Действительно, если понимать гражданское общество как сферу добровольных ассоциаций, созданных свободными индивидами, то негражданским обществом можно считать нехватку самих добровольных ассоциаций. А. Токвиль, говоря о данном феномене, приводил пример атомизированного общества Франции (сравнивая его с США). О низкой гражданственности организаций юга Италии писал американский фило-

соф Х. Патнэм. Соответственно, для анализа добровольных ассоциаций нелиберального толка корректнее использовать термины «консервативное» или «нелиберальное» гражданское общество [Clifford 2012].

Такой подход использовали в вышедшем в 2018 г. под эгидой Фонда Карнеги сборнике «Мобилизация консервативного гражданского общества» [Mobilization... 2018]. Редактор Р. Янг пишет, что во многих странах – как посткоммунистических или развивающихся, так и в государствах со стабильной демократией – консервативные формы гражданского активизма становятся сильнее и получают поддержку. Он подчеркивает, что сегодня антикапиталистические кампании, протесты гражданского общества, действия в защиту прав человека и глобального правосудия уже достаточно рассмотрены. Возникает потребность изучить и консервативное гражданское общество. Важно определить общие характерные черты и особенности, которые присущи различным консервативным группам: правые, националисты, нативисты, антииммигрантские сообщества, популисты, сторонники иллиберализма и авторитаризма. Важно также выделять группы, склонные к антидемократическим взглядам или к насилию. Некоторые консервативные группы имеют поддержку «снизу», другие, напротив, пользуются поддержкой элитных групп. В любом случае – они могут эффективно влиять на публичную повестку. Следует выделить финальное замечание Р. Янга о том, что многие консервативные группы имеют более глубокие и аутентичные социальные корни, чем либеральные гражданские организации, которые часто создают по запросу иностранных спонсоров.

Современное российское гражданское общество: выделенные государством классы и естественное разнообразие

Вернемся к российскому гражданскому обществу. При его анализе следует учитывать влияние российского государства, которое на рубеже первого и второго десятилетий XXI в. начало разделять организации российского гражданского общества на классы. Так, в апреле 2010 г. были приняты поправки к закону 1996 г. «Об общественных организациях», в соответствии с которыми был введен статус «социально-ориентированные НКО». Их вносили в специальный реестр, государство обязано было оказывать им поддержку. В то же время «во многих регионах стали считать, что все взаимодействие НКО и власти сводится лишь к государственной поддержке организаций 3-го сектора, и никакого другого участия НКО в процессе решения проблем государства не требовалось» [Горный 2018, 37]. В первую очередь к таким НКО стали относить благотворительные и волонтерские организации.

Через два года после возвращения В.В. Путина на пост президента РФ в этот закон внесли новые поправки. В соответствии с ними составляли список НКО, которые получают финансирование из иностранных источников и занимаются политической деятельностью. Таким организациям присваивают статус «иностранных агентов» [Flikke 2018]. В перечень были внесены прежде всего правозащитные организации, которые получают финансовую поддержку от международных фондов.

Данный тренд внутренней политики поддержали российские консервативные организации, которые ранее были на периферии публичного поля, – например, Евразийское движение А. Дугина. В 2012 г. большинство из них стали организаторами Изборского клуба (при участии министра культуры РФ В.Р. Мединского), который активно продвигает в России консервативные ценности⁵.

⁵ Изборский клуб. (<https://izborsk-club.ru/>).

С другой стороны, в 2013 г. начал свои ежегодные встречи Общероссийский гражданский форум⁶, работавший под эгидой Комитета гражданских инициатив во главе с А.М. Кудриным. В них принимали активное участие правозащитные и экологические организации, а также общественные деятели либеральных воззрений. Таким образом, в период третьего президентского срока В.В. Путина в российском гражданском обществе установилось определенное равновесие между организациями либерального толка, которые участвовали в Общероссийском гражданском форуме, и организациями консервативной направленности, лидеры которых входили в Изборский клуб либо разделяли взгляды его основателей. Существовали также два сообщества центристской ориентации – созданная в 2006 г. Общественная палата РФ (ОПРФ), которая формировалась преимущественно из представителей лояльно настроенных к российскому руководству организаций [Сунгуров 2021], а также созданный в 2011 г. по инициативе В.В. Путина Объединенный народный фронт. Наиболее либеральную позицию из всех совещательных структур при Президенте РФ до недавнего времени занимал Совет по развитию гражданского общества и правам человека (СПЧ) – особенно в периоды председательства Э.А. Памфиловой и М.А. Федотова [Сунгуров 2020].

В рамках исследования нелиберальной части российского гражданского общества в первую очередь были проанализированы организации, представленные в настоящее время (начало 2023 г.) в ОПРФ и в СПЧ. Для изучения организаций, представители которых входят в состав обеих структур, использовался метод качественного контент-анализа. Была сформирована база данных нелиберальных организаций в ОПРФ и в СПЧ. В первую часть этой базы вынесены все члены упомянутых структур последнего созыва. Во второй части выделены организации гражданского общества, которые они представляют. В случаях, когда они были избраны от конкретной организации, было указано название именно этой организации. В то же время следует учитывать, что процесс назначения не всегда связан с выдвижением кандидатов от НКО, а в СПЧ членов приглашают лично. В таких случаях были указаны все организации, в которых участвуют данные лица. Наибольшую ценность представляли организации, близкие к тем, с которыми член ОПРФ или СПЧ работает в этих институтах: например, если он(а) входит в состав экологической комиссии, больший интерес представляет экологическая организация, членом которой он(а) является, чем спортивная ассоциация, которая также может входить в его/ее сферу деятельности.

Далее изучались программные тексты организаций на официальных сайтах, а также заявления и новости, размещенные на их электронных ресурсах. Фиксировались события, которые привлекли внимание организации, и оценки этих событий. Были исследованы характерные черты представителей этих организаций в ОПРФ и СПЧ, на основании следующих критериев: опубликованные выступления членов ОПРФ и СПЧ и их страницы в социальных сетях, их личное отношение к специфике деятельности своей организации. Пишут ли они об этих темах? Оставляют ли ссылки на свои организации? Совпадает ли их мнение с официальной позицией НКО? Также учитывались упоминания этих представителей на сайтах и в социальных сетях организаций. Эта информация была зафиксирована в третьей части базы.

Для разделения организаций на либеральные и нелиберальные были проанализированы выступления их лидеров в СМИ. В четвертой колонке представлены взгляды членов организаций в зависимости от их приверженности либеральным или нелиберальным идеям. Под «либералами» имеются в виду люди, «ставящие такие ценности, как свобода и права человека, выше других ценностей (государство, традиции и т. д.)». После форми-

⁶ Общероссийский гражданский форум. (<https://civil-forum.ru/>).

рования списка нелиберальных организаций нужно было разделить их на группы и классифицировать. В рамках данной задачи были вновь проанализированы тексты, упомянутые выше, чтобы выделить отличительные черты различных взглядов. После сравнения позиций различных организаций между собой похожие по системе ценностей объединяли в одну группу. В некоторых случаях результаты были неоднозначны. Для более четкого понимания позиции организаций и/или их представителей проводился анализ дополнительных материалов.

В результате в ОПРФ и СПЧ были выделены следующие группы нелиберального гражданского общества: религиозные, военно-патриотические и лоялисты. Первые смотрят на социальные и политические проблемы через призму религии и предлагают соответствующие решения. Так, на сайте «Союза православных женщин» цели организации сформулированы следующим образом: «Важным направлением своей деятельности члены Союза считают восстановление православного образа жизни в семье, оказание помощи школе в воспитании учащихся в духе традиционных православных ценностей, помощь детям, оставшимся без попечения родителей и детям из неблагополучных семей, малоимущим матерям-одиночкам, социально незащищенным членам общества»⁷. Представители военно-патриотических и большинства ветеранских организаций выступают за сильное, суверенное государство, важную роль в котором играет армия. Зачастую они настроены против «коллективного Запада». Например, в описании проекта «Армия и общество» в журнале «Арсенал Отечества» указано: «Глобалисты правят западным миром, есть их влиятельная “пятая колонна” и в российских элитах. Суверенная Россия им “как кость в горле”. Важно подчеркнуть в этом контексте, что сегодня в условиях развязанной условным “Западом” информационной антироссийской кампании, деятельность армейских структур по налаживанию и поддержанию связей с обществом должна быть инициативной и активной, наступательной и атакующей в прямом смысле этих терминов»⁸. Примерами организаций подобного толка также можно считать «Ассоциацию сотрудников и ветеранов органов внутренних дел – участников локальных войн и военных конфликтов», «Национальную Ассоциацию объединений офицеров запаса Вооруженных Сил», ДОСААФ и др.

Лоялистские организации не продвигают какие-либо конкретные идеи. Они поддерживают инициативы политических элит в своих социальных сетях и помогают в продвижении «нужных» кандидатов через квоты от общественных организаций. В список лоялистских организаций включены «Общероссийский народный фронт» и «Российский книжный союз». Представителем последнего в Общественной палате стал экономист А. Галушка, чья деятельность не связана с литературой и полиграфией, а имя его не упоминается в социальных сетях организации. Еще одним примером лоялистской организации может служить Ассоциация юристов России, членом президиума которой является д.ю.н., заместитель секретаря ОПРФ и единственный член всех семи ее созывов В.В. Гриб (председатель Попечительского совета ассоциации – Д.А. Медведев).

Также были выявлены организации, которые нельзя однозначно отнести к какой-либо из выделенных трех групп. Прежде всего они представляют собой различные профессиональные ассоциации – Российская ассоциация политической науки (РАПН), Русское географическое общество, Союз театральных деятелей и т. д., а также ассоциации бизнеса. С другой стороны, в эту категорию входят благотворительные фонды, многие из которых

⁷ Жукова Нина Борисовна. Союз православных женщин. (<http://xn--80aafbfpcowwcbdbmqnh4f3dsb6.c.xn--1ai/direction/management/zhukova-nina-borisovna>).

⁸ Армия и общество. Арсенал Отечества. 19 Июля 2017. (<https://arsenal-otechestva.ru/article/937-armiya-i-obshchestvo>).

не относятся к религиозным организациям. Многие из них относятся к первому (самому многочисленному) типу НКО согласно представленной ранее классификации, что делает более очевидной узость разделения структур гражданского общества на либеральные и нелиберальные.

К такому же выводу можно прийти при анализе организаций, представленных в СПЧ. Тем не менее, в совете гораздо шире представлены либеральные общественные организации. В том числе в него входят члены правления Московской Хельсинкской группы (Г. Резник), фонда «Либеральная миссия» (Е. Ясин), общества «Мемориал»⁹ (Т. Марголина). В совете хорошо представлены различные профессиональные ассоциации (журналистов, писателей), а также благотворительные фонды. Представителей военно-патриотических организаций в нем существенно меньше.

В заключение можно сделать следующие выводы. Структура современного российского гражданского общества существенно шире его либерального сегмента. Соответственно, сводить гражданское общество исключительно к сообществу либеральных организаций неконструктивно, так как данный подход исключает из поля зрения исследователей большую часть российских общественных организаций, которые также должны быть объектом анализа. Такое нормативно нагруженное сужение гражданского общества могло стать результатом неосознанного заимствования представлений из L-концепции гражданского общества, которая ограничивает данный концепт либерально-ориентированным демократическим государством. Наконец, среди современных нелиберальных организаций также присутствует существенное разнообразие, и при их анализе не следует использовать дихотомию либеральных и нелиберальных организаций, которая несет в себе нормативную оценку. Соответственно, при изучении разнообразных организаций российского (и не только) гражданского общества более корректно и правомерно применять такое определение, как разнообразное гражданское общество (Diversity civil society).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян Р.Г. (1997) Гражданское общество // В: Гражданское участие: ответственность, сообщество, власть. Неконцептуальный сборник. М.: Изд-во Аслан. С. 8–19.
- Белокурова Е. (2003) Концепция гражданского общества и современная российская политика // Политическая наука. № 1. С. 79–102.
- Ворожейкина Т. (2014) Гражданское общество: что дальше? // Отечественные записки. № 3. (<https://intelros.ru/readroom/otechestvennye-zapiski/o3-2014/23969-grazhdanskoe-obschestvo-chtodalshe.html>).
- Гончаров Д.В. (2012) Разнообразие нормативных проектов гражданского общества // Вестник Тверского государственного университета. Серия Философия. № 33. С. 143–156.
- Горный М.Б. (2018) Взаимодействие власти и гражданского общества: реформы от 1991 года и до наших дней // В: Российские реформы: взгляд из 2017 года: коллективная монография. СПб: Норма. С. 32–41.
- Грамши А. (1959) Тюремные тетради. В: Избранные произведения в 3-х т. Т. 3. М.: Издательство иностранной литературы. 565 с.
- Кирдина С.Г. (2011) Институциональные основы гражданского общества // В: Гражданское общество: зарубежный опыт и российская практика. Ред.: А.Е. Лебедев, А.Я. Рубинштейн. СПб.: Алетейя. С. 36–82.

---

⁹ Признан иностранным агентом в РФ – прим. ред.

Либман А.М. (2011) Межстрановые сопоставления институтов гражданского общества: эмпирический анализ // В: *Гражданское общество: зарубежный опыт и российская практика*. СПб: Алетейя. С. 117–175.

Мерсиянова И.В. (2008) Роль индивидуального субъекта и его персональных практик в формировании гражданского общества в России // В: *Факторы развития гражданского общества и механизмы его взаимодействия с государством*. М.: Вершина. С. 167–208.

Мерсиянова И.В. (2011) Определение понятия «гражданское общество»: опыт систематизации // *Гражданское общество в России и за рубежом*. № 4. С. 2–6.

Михник А. (2011) *Антисоветский русофил*. Москва: Летний сад. 352 с.

Российские некоммерческие организации: лучший практический опыт (1998) Составитель: М.М. Слободская. М.: Институт проблем гражданского общества.

Сунгуров А.Ю. (1997) Становление гражданского общества в Санкт-Петербурге и России // *Общественные науки и современность*. № 3. С. 55–64.

Сунгуров А.Ю. (2008) *Гражданское общество и его развитие в России*. Учебное пособие. СПб: Издательство «ЮТАС». (http://www.civisbook.ru/files/File/Sungurov_gr_ob.pdf).

Сунгуров А.Ю. (2020) Президентский совет по развитию гражданского общества и правам человека: эволюция за четверть века // *Общественные науки и современность*. № 4. С. 90–106. (<https://doi.org/10.31857/S086904990010752-9>).

Сунгуров А.Ю. (2021) *Общественная палата РФ: возникновение и этапы развития* // *Общественные науки и современность*. № 6. С. 104–118. DOI:10.31857/S086904990017877-6.

Факторы развития гражданского общества и механизмы его взаимодействия с государством (2008) Ред.: Л. И. Якобсон. М.: Вершина.

Хархордин О. (1997) Проект Достоевского // *Pro at Contra*. Т. 2. № 4. С. 38–59.

Clifford B. (2012) *Civil and Uncivil Society* // In: *The Oxford Handbook of Civil Society*. Ed(s): M. Edwards. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780195398571.013.0017.

Cohen J., Arato A. (1995) *Civil Society and Political Theory*. Cambridge, London: The MIT Press. 771 p.

Havel V. (1993) *Anti-Political Politics* // In: *Civil Society and the State*. Ed(s): John Keane. London, New York. Pp. 381–398.

Flikke G. (2018) *Conflicting Opportunities or Patronal Politics? Restrictive NGO Legislation in Russia 2012–2015* // *Europe-Asia Studies*. Vol. 70. No. 4. Pp. 564–590. DOI:10.1080/09668136.2018.1455806.

Keane J. (1988) *The Origin and Development of the Distinction between Civil Society and the State 1750–1850* // In: *Civil Society and the State: New European Perspectives*. Ed(s): J. Keane. London, New York: Verso. Pp. 35–71.

Kharkhordin O. (1998) *Civil Society and Orthodox Christianity* // *Europe-Asia Studies*. Vol. 50. No. 6. Pp. 949–968.

Kopecký P. (2005) *Civil Society, Uncivil Society and Contentious Politics in Post-Communist Europe* // In: *Uncivil Society? Contentious Politics in Post-Communist Europe*. London, New York: Routledge. Pp. 1–17.

McFaul M. (1993). *Post-Communist Politics. Democratic Prospects in Russia and Eastern Europe*. Washington, D.C.: The Center for Strategic and International Studies. 132 p.

The Mobilization of Conservative Civil Society (2018) Ed(s): R. Youngs. Beijing: Carnegie Endowment for International Peace. 82 p. (https://carnegieendowment.org/files/Youngs_Conservative_Civil_Society_FINAL.pdf).

Seligman A. (1992) *The Idea of Civil Society*. New York: Free Press. 241 p.

Taylor C. (1995) *Philosophical Arguments*. Cambridge: Harvard University Press.

Toward a Global Civil Society (1995) Ed(s): M. Walzer. New York, Oxford: Berghahn Books. 352 p.

Walzer M. (1995) *The Concept of Civil Society* // In: *Toward a Global Civil Society*. New York, Oxford: Berghahn Books. 352 p. Pp. 7–27.

Ruzza C. (2009) Populism and Euroscepticism: Towards Uncivil Society? // *Policy and Society*. Vol. 28. No. 1. Pp. 87–98. DOI: 10.1016/j.polsoc.2009.02.007.

Uncivil Society? Contentious Politics in Postcommunist Europe (2005) Ed(s): P. Kopecký, C. Mudde. London, New York: Routledge. 184 p.

REFERENCES

Apresyan R.G. (1997) Grazhdanskoe obshchestvo [Civil Society]. In: *Grazhdanskoe uchastie: otvetstvennost', soobshchestvo, vlast'. Nekonceptual'nyj sbornik*. Moscow: Izd-vo Aslan. Pp. 8–19.

Belokurova E. (2003) Koncepciya grazhdanskogo obshchestva i sovremennaya rossijskaya politika [Concept of Civil Society and Contemporary Political Science]. *Politicheskaya nauka*. no. 1, pp. 79–102.

Clifford B. (2012) Civil and Uncivil Society. In: *The Oxford Handbook of Civil Society*. Ed(s): M. Edwards. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780195398571.013.0017.

Cohen J., Arato A. (1995) *Civil Society and Political Theory*. Cambridge, London: The MIT Press. 771 p.

Faktory razvitiya grazhdanskogo obshchestva i mekhanizmy ego vzaimodejstviya s gosudarstvom [Factors of Civil Society Development and Mechanisms of It Interaction with the State] (2008) Ed(s): L.I. Yakobson. Moscow: Vershina.

Flikke G. (2018). Conflicting Opportunities or Patronal Politics? Restrictive NGO Legislation in Russia 2012–2015. *Europe-Asia Studies*. vol. 70, no. 4, pp. 564–590. DOI:10.1080/09668136.2018.1455806.

Goncharov D.V. (2012) Raznoobrazie normativnyh proektov grazhdanskogo obshchestva [Diversity of Normative Projects of Civil Society]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Filosofiya*. no. 3, pp. 143–156.

Gornyj M.B. (2018). Vzaimodejstvie vlasti i grazhdanskogo obshchestva: reformy ot 1991 goda i do nashih dnei [Interaction of State and Civil Society: Reforms from 1991 up to Our Days]. In: *Rossijskie reformy: vzglyad iz 2017 goda: kollektivnaya monografiya*. Saint-Petersburg: Norma. Pp. 32–41.

Gramsci A. (1959) Tyuremnye tetradi [Prison Notebooks]. In: *Izbrannye proizvedeniya v 3-h tt. T. 3. Tyuremnye tetradi*. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoj literatury. 565 p.

Harhordin O. (1997) Proekt Dostoevskogo [Dostoevskiy Project]. *Pro at Contra*. vol. 2, no. 4, pp. 38–59.

Havel V. (1993) Anti-Political Politics. In: *Civil Society and the State*. Ed(s): J. Keane. London, New York. Pp. 381–398.

Keane J. (1988) The Origin and Development of the Distinction between Civil Society and the State 1750–1850. In: *Civil Society and the State: New European Perspectives*. Ed(s): J. Keane. London, New York: Verso. Pp. 35–71.

Kharkhordin O. (1998) Civil Society and Orthodox Christianity. *Europe-Asia Studies*. vol. 50, no. 6, pp. 949–968.

Kirdina S.G. (2011) Institucional'nye osnovy grazhdanskogo obshchestva [Institutional Background of Civil Society]. In: *Grazhdanskoe obshchestvo: zarubezhnyj opyt i rossijskaya praktika*. Ed(s): A.E. Lebedev, A.Ya. Rubinshtejn. Saint-Petersburg: Aletejya. Pp. 36–82.

Kopecký P. (2005) Civil Society, Uncivil Society and Contentious Politics in Post-Communist Europe. In: *Uncivil Society? Contentious Politics in Post-Communist Europe*. London and New York: Routledge. Pp. 1–17.

Libman A.M. (2011) Mezhranovye sopostavleniya institutov grazhdanskogo obshchestva: empiricheskij analiz [Intercountry Comparison of Civil Society Institutions: Empirical Analysis]. In: *Grazhdanskoe obshchestvo: zarubezhnyj opyt i rossijskaya praktika*. Saint-Petersburg: Aletejya. Pp. 117–175.

McFaul M. (1993) *Post-Communist Politics. Democratic Prospects in Russia and Eastern Europe*. Washington, D.C: The Center for Strategic and International Studies. 132 p.

Mersiyanova I. V. (2008) Rol' individual'nogo sub'ekta i ego personal'nyh praktik v formirovanii grazhdanskogo obshchestva v Rossii [Role of Individuum Subject and his Personal Practices in Forming of Civil Society in Russia]. In: *Factory razvitiya grazhdanskogo obshchestva i mekhanizmy ego vzaimodeystviya s gosudarstvom*. Moscow: Vershina. Pp. 167–208

Mersiyanova I.V. (2011) Opredelenie ponyatiya «grazhdanskoe obshchestvo»: opyt sistematizatsii [Defenition of Civil Society Concept: Experience of Systematization]. *Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii i za rubezhom*. no. 4, pp. 2–6.

Mihnik A. (2011) *Antisovetskij rusofil* [Anti-Soviet Russophile]. Moscow: Letnij sad. 352 p.

The Mobilization of Conservative Civil Society (2018) Ed(s): R. Youngs. Beijing: Carnegie Endowment for International Peace. 82 p. (https://carnegieendowment.org/files/Youngs_Conservative_Civil_Society_FINAL.pdf).

Rossijskie nekommercheskie organizatsii: luchshij prakticheskij opyt [Russian NGOs: The Best Practical Examples] (1998) Ed(s): M.M. Slobodskaya. Moscow: Institut problem grazhdanskogo obshchestva.

Ruzza C. (2009) Populism and Euroscepticism: Towards Uncivil Society? *Policy and Society*. vol. 28, no. 1, pp. 87–98. DOI: 10.1016/j.polsoc.2009.02.007.

Seligman A. (1992) *The Idea of Civil Society*. New York: Free Press. 241 p.

Sungurov A.Yu. (1997) *Stanovlenie grazhdanskogo obshchestva v Sankt-Peterburge i Rossii* [Formation of Civil Society in Saint-Petersburg and in Russia]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. no. 3, pp. 55–64.

Sungurov A.Yu. (2008). *Grazhdanskoe obshchestvo i ego razvitie v Rossii. Uchebnoe posobie* [Civil Society and its Development in Russia. Textbook]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo "YUTAS". (http://www.civisbook.ru/files/File/Sungurov_gr_ob.pdf).

Sungurov A.Yu. (2020) Prezidentskij sovet po razvitiyu grazhdanskogo obshchestva i pravam cheloveka: evolyuciya zachetvert' veka [Presidential Council for Development of Civil Society and Human Rights: Evolution for the Quarter of Century]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. no. 4, pp. 90–106. DOI: <https://doi.org/10.31857/S086904990010752-9>.

Sungurov A.Yu. (2021) Obshchestvennaya palata RF: vznikovenie i etapy razvitiya [The Civic Chamber of the Russian Federation: Its Creation and Stages of Development]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. no. 6, pp. 104–118. DOI: 10.31857/S086904990017877-6.

Taylor C. (1995) *Philosophical Arguments*. Cambridge: Harvard University Press.

Toward a Global Civil Society (1995) Ed(s): M. Walzer. New York, Oxford: Berghahn Books. 352 p.

Uncivil Society? Contentious Politics in Postcommunist Europe (2005) Ed(s): P. Kopecký, C. Mudde. London, New York: Routledge. 184 p.

Vorozhejkina T. (2014) Grazhdanskoe obshchestvo: chto dal'she? [Civil Society: What is Farther?]. *Otechestvennye zapiski*. no. 3. (<https://intelros.ru/readroom/otechestvennye-zapiski/o3-2014/23969-grazhdanskoe-obshchestvo-chto-dalshe.html>)

Walzer M. (1995) The Concept of Civil Society. In: *Toward a Global Civil Society*. New York, Oxford: BerghahnBooks. 352 p. Pp. 7–27.

Информация об авторах

Сунгуров Александр Юрьевич, доктор политических наук., профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: 190058, Россия, Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, 123. E-mail: asungurov@hse.ru

Киселева Дарья Александровна, магистр политологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Адрес: 190058, Россия, Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, 123. E-mail: kiseleva-d@yandex.ru

About the authors

Alexander Yu. Sungurov, Doctor of Political Sciences, Professor, National Research University “Higher School of Economics”. Address: 190058, Russia, Saint-Petersburg, Griboyedov Canal emb., 123. E-mail: asungurov@hse.ru

Daria A. Kiseleva, Master of Political Sciences, National Research University “Higher School of Economics». Address: 190058, Russia, Saint-Petersburg, Griboyedov Canal emb., 123. E-mail: kiseleva-d@yandex.ru

Статья поступила в редакцию/Received: 20.02.2023

Статья поступила после рецензирования и доработки/Revised: 07.04.2023

Статья принята к публикации/Accepted: 15.04.2023

УДК 177

DOI: 10.31857/S0869049923030024
EDN: GHJEZB

Оригинальная статья/ Original article

Модель человека как ключ к пониманию идеологии (о немарксистской альтернативе либерализму)

© Д.Г. ЕГОРОВ

Егоров Дмитрий Геннадьевич, Псковский филиал Университета ФСИН России (Псков, Россия), de-888@ya.ru. ORCID: 0000-0001-7122-3699

Представлена авторская точка зрения на идеологию. Показано, что две глобальные идеологические альтернативы (либерализм и социализм) основаны на принципиально различных типах ценностей. Дана критика марксизма как панэкономизма. Обосновано, что главный конфликт в социуме связан не с отношениями к собственности, а с ценностями – жизненными целями.

Ключевые слова: идеология, либерализм, марксизм, мораль, принцип Юма, социализм

Цитирование: Егоров Д.Г. (2023) Модель человека как ключ к пониманию идеологии (о немарксистской альтернативе либерализму) // *Общественные науки и современность*. № 3. С. 23–38. DOI: 10.31857/S0869049923030024, EDN: GHJEZB.

Human Model as a Key to Understanding Ideology (on the Non-Marxist Alternative to Liberalism)

© D. EGOROV

Dmitry G. Egorov, University of the FPS of Russia (Pskov branch) (Pskov, Russia), de-888@ya.ru. ORCID: 0000-0001-7122-3699

Abstract. The author proposes his understanding of ideology. It is shown that the existence of global ideological alternatives (liberalism and socialism) is based on two fundamentally different sets of human values. Criticism of Marxism as paneconomism is given. It is substantiated that the main conflict in society is connected not with relations to property, but with values (life goals).

Keywords: ideology, liberalism, Marxism, morality, socialism, Hume's principle

Citation: Egorov D. (2023) Human Model as a Key to Understanding Ideology (on the Non-Marxist Alternative to Liberalism). *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 23–38. DOI: 10.31857/S0869049923030024, EDN: GHJEZB.

Больше 30 лет тому назад распался СССР, вслед за чем произошла реставрация капитализма в большинстве стран бывшего соцлагеря. Данный феномен невозможно объяснить причинами исключительно экономическими («превосходство рынка над планом») [Бабурина и др. 2021]. Поражение СССР в холодной войне имело в первую очередь идеологический характер: большая часть политической и научной элиты как в странах социализма, так и на Западе перестала считать, что марксизм адекватно отражает действительность.

Казалось бы, неолиберализм одержал победу во всемирном масштабе, что, в частности, постулировал в своей известной работе Ф. Фукуяма. Однако и неолиберальная идеология сейчас переживает глубокий кризис: «Рыночный фундаментализм не оправдал ожидания. Всеобщего благосостояния не получилось. А получилось вопиющее социальное неблагополучие... Сегодня под сомнением сама система рыночного капитализма... призрак социализма бродит на новом витке истории» [Гринберг 2020, 12]. Выход из этого глобального идеологического кризиса предполагает идеологическую альтернативу неолиберализму. Должна быть «...создана новая идеология, сопоставимая по масштабам с марксистской идеологией, но превосходящая ее по интеллектуальному уровню и по степени соответствия условиям и потребностям наступившего третьего тысячелетия» [Зиновьев 2018, 7].

Возникает вопрос о причинах идеологического поражения марксизма. Следует отметить, что в «холодной войне» апологеты либерализма широко использовали манипуляцию сознанием [Кара-Мурза 2007], однако марксизм имеет и системные дефекты. Можно согласиться с А.А. Зиновьевым: «Реальная альтернатива западнизму может возникнуть только заново» [Зиновьев 2018].

В данной работе поставлены следующие цели:

- А) раскрыть авторское понимание идеологии;
- Б) показать, что существуют только два принципиально различных типа ценностей, поэтому есть только две глобальных идеологических альтернативы;
- В) критически проанализировать марксизм и на этой основе предложить авторское понимание того, какой может быть новая идеологическая альтернатива неолиберализму.

Что такое идеология

Любой человек выстраивает свою картину мира, которая определяет его поведение. В случае отсутствия систематического образования картина мира индивида складывается преимущественно на основе образов, формируемых его личным жизненным опытом. В то же время для социального взаимодействия желательно, чтобы модели реальности отдельных индивидуумов были интересубъективны.

Наука (и философия) как социальный институт верифицирует, развивает, детализирует и передает интересубъективную модель реальности. Данных целей она достигает, замещая в картине мира образы на теории – формализуя модель мира¹.

¹ Человек взаимодействует с миром через образы, но формализация и вербализация позволяет обсуждать и изменять модель мира [Понтер 2002, 71].

Определение. Идеология – это часть модели мира: совокупность представлений о социуме и человеке как элементе социума.

Любая формализованная идеология, как и модель мира в целом, содержит как научные теории, так и набор принципов (онтологических и этических), которые выступают ее философским ядром².

Человек, который живет в социуме, не может не иметь идеологии. В то же время он не всегда рефлексирует о ее содержании.

Каждый индивидуум и общество в целом заинтересованы в том, чтобы идеология адекватно отражала реальность. В то же время и индивид, и определенная социальная группа, и социум могут сформировать идеологию, искаженно отражающую действительность, в случае опоры на не соответствующие реальности философские принципы и/или наличие логических ошибок при создании идеологических конструкций. Возникают они как из-за добросовестных заблуждений, так и из-за смещения истины с эгоистической выгодой.

Наконец, идеологические концепции может сознательно исказить одна социальная группа (общество), чтобы манипулировать другими.

Интерпретация 1. Соответственно, идеологию можно толковать как набор утверждений о социуме, выгодных какой-либо социальной группе или социуму(ам)³. Данные утверждения могут быть как научными (истинными), так и антинаучными.

Интерпретация 2. Идеология в соответствии с интерпретацией-1 может быть заведомо манипулятивной. Один из основных приемов для таких манипуляций – представление философских гипотез как научных теорий⁴.

Если принимать принципы объективного существования и единства мира, можно надеяться построить истинную идеологию, которая адекватно отражает социальную реальность и природу человека. Вопрос заключается в критериях этой истинности. Как уже отмечено выше, в любой идеологии содержится и наука, и философия. Граница между ними может сдвигаться⁵, но полностью заменить философию наукой невозможно: философские основания для науки необходимы. Соответственно, задача построения полностью «научной» идеологии заведомо утопична. Однако вполне возможно (и практически важно) разделить научные и философские элементы в любой конкретной идеологии⁶.

Данная задача особенно актуальна при столкновении с идеологией манипулятивного типа.

Классификация идеологий

Классифицировать идеологии можно по различным основаниям, однако не все они равноценны. Высший классификационный уровень следует увязать с наиболее значимыми аспектами антропологической модели, так как человек выступает элементом любого социума.

---

² Та часть модели мира, которая можно непосредственно проверить (потенциально фальсифицировать сопоставлением выводов из теорий с фактами [Лоннер 2002]), входит в науку. Часть, которая не поддается непосредственной фальсификации, – в философию.

³ Так, в частности, понимал идеологию К. Маркс.

⁴ «...мы можем определить идеологию как ценностные суждения, “притворяющиеся” изложением фактов» [Блауг 2004].

⁵ Напр., философское предположение о существовании черных дыр последние десятилетия стало предметом экспериментальной проверки.

⁶ Эксплицировать онтологические и этические принципы, которые лежат в основе идеологии, и выявить логические ошибки при их разворачивании (если таковые есть).

Академик В.Л. Макаров сформулировал по этой теме следующие тезисы:

- 1) то, что у отдельного человека выступает как смысл жизни, на уровне нации называется идеологией;
- 2) основные известные идеологии содержат в себе две базовые компоненты – коллективную и индивидуальную (коммунизм и либерализм);
- 3) осмысление сущности человеческого существования не прогрессирует: все сводится к компромиссу между коллективным и индивидуальным;
- 4) сущность и цели человеческого существования расплывчаты и, видимо, таковыми будут всегда [Макаров 2019].

Автор полностью согласен с первыми двумя тезисами. Утверждение об отсутствии идеологических концепций, выходящих за рамки дихотомии «коллективизм vs индивидуализм», также следует признать верным. Однако следует сделать важное уточнение: выход за рамки этой дихотомии, в сущности, невозможен. У человека есть только два основных центра целеполагания: инстинкт самосохранения (основа индивидуализма) и моральное чувство (основа коллективизма). Такая антропологическая модель позволяет понять источники и сущность двух основных социальных идеологий⁷: человек склонен следовать той из них, которая соответствует его главной ценности. В настоящей работе представлено развернутое обоснование этого тезиса; она развивает идеи из [Егоров 2022b], где это утверждение было высказано ранее.

Четвертый же постулат В.Л. Макарова представляется неверным уже методологически⁸. Автор считает, что ответ на него имплицитно содержится во втором тезисе. Два основных типа идеологий исходят из двух принципиально отличающихся целей жизни человека: а) защита интересов тела (эгоизм; стремление к потреблению, в том числе демонстративному; к превосходству – победе в конкуренции); б) защита ценностей, которые выше и важнее индивидуальных (моральное чувство, то есть защита целостности и единства социума; альтруизм; коллективизм)⁹.

В социальном плане цели предполагают два разных типа отношений к другим людям: конкуренция (взгляд на других людей как на средство для достижения своих целей и вытекающее из этого стремление к эксплуатации) либо кооперация (социальное единство, стремление к справедливости и, в итоге – запрос на достижение целей через творчество, то есть создание нового).

Чистые эгоисты или альтруисты встречаются крайне редко (если вообще существуют), вопрос заключается в относительных приоритетах ценностей: какая из них считается главной, определяет цель и смысл жизни – становится руководством к действию в ситуации морального выбора.

Неолиберальная и коллективистская модели человека

Ядро неолиберальной антропологической модели состоит в тезисе, что «эгоист, склонный к оппортунизму» (*homo oeconomicus*), – это и есть сущность человека, а мораль и альтруизм представляют собой в той или иной степени замаскированный эгоизм или/i производное от него.

⁷ И связанных с ними экономических парадигм [Егоров 2021].

⁸ Если принять «расплывчатость целей человеческого существования», научная дискуссия заканчивается, так как нечеткость формулировок делает их непроверяемыми [Поннер 2002, 34, 39, 51].

⁹ А.А. Гусейнов писал, что все многообразные учения о жизни («Для чего жить?») могут быть сведены к трем ответам: а) для себя; б) для других; в) для Бога [Гусейнов 1999, 318]. В социальном плане (б) и (в), по сути, совпадают: «Кто говорит: “я люблю Бога”, а брата своего ненавидит, тот лжец» [1 Ин, 4: 20].

Основные концепции рационального происхождения морали сформировали еще софисты: мораль как заговор элиты против народа (чтобы держать его в подчинении) и мораль как заговор народа против элиты (чтобы ограничить эксплуатацию демоса¹⁰). К. Поппер, один из главных идеологов либерализма XX в., считал, что рациональное конструирование моральных норм – одно из ключевых отличий открытого общества (либеральной западной цивилизации) от традиционного [Поппер 1992а, 96]¹¹.

Нельзя не возразить: если мораль происходит от разума, то в конечном счете она выступает способом исполнения инстинкта самосохранения – разум не создает ценности, он инструмент для их достижения.

На невозможность вывести этические нормы из фактов указал еще Д. Юм («принцип Юма», который также называют «гильотиной Юма» ввиду его очевидной разрушительности для попыток рационального обоснования морали). А. Пуанкаре объясняет этот постулат следующим образом: «Не может быть научной морали... причина, как бы сказать, чисто грамматическая. Если посылки силлогизма обе в изъявительном наклонении, то заключение будет равным образом в изъявительном наклонении. Чтобы заключение могло быть поставлено в повелительном наклонении, необходимо, чтобы по крайней мере одна из посылок была в повелительном наклонении. Принципы же науки, постулаты геометрии высказаны только в изъявительном наклонении... диалектик может сколько угодно жонглировать с этими принципами, соединять их, нагромождать их друг на друга; все, что он из них получит, будет в изъявительном наклонении. Он никогда не получит предложения, ...которое бы соответствовало или противоречило морали. ...не можем мы основывать мораль на интересах общества, на понятии родины, на альтруизме, потому что остается недоказанной необходимость в случае нужды посвятить себя обществу... всякая мораль с доказательствами заранее обречена на верную неудачу; она, как машина, где есть только передача движения и нет движущей энергии. Моральным двигателем... может быть только чувство» [Пуанкаре 1990, 506–508].

Если разум не может быть источником морали, то такой первоосновой может быть: а) инстинкт самосохранения, б) альтернативное ему чувство (инстинкт), которое назовем моральным (нравственное чувство, совесть, чувство единства с миром).

В предельно чистом виде позиция (а) проявлена в социал-дарвинизме и концепции «экономического империализма» (программа построения всего социо-гуманитарного знания, вплоть до теории отношений в семье, на основе модели homo oeconomicus)¹². В общем случае неолиберализм не предполагает обязательного сведения морального чувства к инстинкту самосохранения (выгоде) – обязателен *приоритет* эгоистической мотивации¹³.

¹⁰ См., напр.: [Платон 1990].

¹¹ Трактовку морали и альтруизма как следствия осознания выгод долгосрочного сотрудничества см. также в [Полтерович 2015; Хайтун 2011].

¹² «...экономический подход предлагает плодотворную унифицированную схему для понимания всего человеческого поведения... человеческое поведение характеризуется тем, что участники максимизируют полезность при стабильном наборе предпочтений» [Беккер 2003, 32]. Следует отметить, что автор не считает модель homo oeconomicus «неверной». Ее можно отнести к частным случаям представленной в работе (более общей) социально-антропологической модели. Homo oeconomicus есть модель человека с приоритетом инстинктивной мотивации (моральное чувство не развито и/или подавлено инстинктом самосохранения).

¹³ Утверждения К. Поппера и других апологетов либерализма о том, что в «открытом» обществе, в отличие от «тоталитарного», моральные ценности «рационально конструируются», в сущности означает, что в «открытом» обществе высшей ценностью выступает эгоистическая выгода индивида. Соответственно, «отсутствие идеологии» – это идеология неолиберализма. Инстинкты есть у всех, и если мы запрещаем (что, в частности, записано в Конституции РФ) социуму иметь некую общую цель, по умолчанию удовлетворение инстинкта самосохранения становится высшей ценностью, а значит и целью жизни. Данная позиция и составляет антропологию

Здесь важно отметить, что инстинкт самосохранения у стайных приматов (а инстинкты человека имеют животную природу) выражается не только в желании запастись продуктами или деньгами, но и, в первую очередь, – в борьбе за место в иерархии, за доминирование (иерархический инстинкт)¹⁴. В докапиталистических формациях он проявлялся через стремление иметь рабов или слуг, в последние 200 лет – через демонстративное потребление [Веблен 1984]. В отличие от голода, демонстративное потребление не имеет предела насыщения, и увеличение материального изобилия не снижает накал конкурентной борьбы в «открытом» обществе, о чем свидетельствует динамика роста мирового неравенства после неолиберальной контрреволюции 1970-х гг.

Коллективистская идеология, в свою очередь, предполагает: а) существование второго ценностного центра (моральное чувство), б) его приоритет над эгоизмом.

В рамках рассматриваемой темы вопрос о генезисе и сущности морального чувства не критически важен – с принципом Юма согласуются как эволюционная концепция генезиса морали, так и трансцендентная¹⁵. Важно признать его первичность и невыводимость из иных психических феноменов¹⁶.

При этом данная модель может быть имплицитной, подразумеваемой, а в случае марксизма – вообще отвергаться¹⁷.

Ниже представлен критический анализ аспектов марксизма, связанных с панэкономизмом и социальной антропологией К. Маркса.

О системных проблемах марксизма

Претензия на «научность». К. Маркс противопоставлял свою концепцию другим идеологиям, подчеркивая «научность» своих выводов. Однако многие из них основаны на сугубо философских идеях: «...беспрецедентный исторический успех марксизма объясняется не какой-то высочайшей научностью, как это было многими принято думать, а идеологичностью... Был создан идеологический миф, будто в “Капитале” дано высоконаучное объяснение и обоснование всех важнейших утверждений и прогнозов марксизма.

ческую основу неолиберализма. Иными словами, «отсутствие идеологии» по факту представляет собой запрет на коллективистскую идеологию при одновременном навязывании неолиберальной доктрины.

¹⁴ В результате конкурентной борьбы за место в стадной стратификации образуется пирамида доминанции, поддерживаемая насилием [Асп, Кварц 2015, 100].

¹⁵ Вопрос генезиса морали рассмотрен, в частности, в [Егоров 2022а].

¹⁶ Следует отметить, что об этом свидетельствуют и данные нейропсихологии: «...мозг хорошо отличает бескорыстный альтруизм от взаимовыгодных отношений» [Лаверычева 2016, 344], то есть и на уровне психофизиологии зафиксировано наличие двух качественно различных мотиваций у человека. Собственно, борьба между голосами инстинкта (эгоистичной выгоды) и совести известна любому по личному опыту (и является сквозным сюжетом в искусстве).

¹⁷ Маркс заявлял, что «коммунисты вообще не проповедуют никакой морали» [Маркс, Энгельс 1955], однако его собственный выбор (как и выбор любого другого сторонника социализма), очевидно, основан не на разуме, а на этике: «освобождение человека от природной обусловленности», средством для которого он видел уничтожение частной собственности, не обязательно распространять на все человечество. Финансовый спекулянт занимается, в сущности, тем же «освобождением от природной обусловленности», но только для себя лично. В то же время, в соответствии с принципом Юма, выбор между общим благом и благом эгоистическим не может быть обоснован рациональными аргументами. Дополнительно нужно подчеркнуть, что человек становится сторонником социализма (коллективизма) не из разума, а по моральному выбору. Трактовка социалистического выбора как осознания общественных выгод кооперации (по сравнению с бессмысленной растратой ресурсов в конкурентной борьбе) не учитывает главного аспекта инстинкта иерархического доминирования: его основная целевая функция – не абсолютное увеличение благ, а увеличение разницы между количеством благ у себя и у других. Соответственно, в обществе homo oeconomicus социализм немислим.

На самом деле ничего подобного в нем нет. Он сыграл свою роль именно своей непонятностью, именно как миф... тут имеет место лишь имитация научности» [Зиновьев 2018].

Панэкономизм. Из материализма Маркс выводит первичность экономических отношений в обществе по отношению к любым иным – «материалистическое понимание истории». Однако панэкономизм марксизма – это философский принцип, а не научное положение.

В истории, бесспорно, можно найти подтверждения этого принципа, однако так же и массу противоречащих ему свидетельств. Так, эксплуатация рабского труда на плантациях США и Южной Америки и в середине XIX в. (период расцвета капиталистических отношений) была экономически выгодна [Fogel 1992], «рыночные» товарно-денежные отношения как массовое явление существуют тысячи лет и др.¹⁸

История также свидетельствует, что переходы к социализму в XX в. никогда не происходили в результате эволюции экономических систем – предварительного построения развитого монополистического капитализма. Так, Октябрьскую революцию в России большинство марксистов-теоретиков считали контрреволюцией («Россия еще не доросла до социалистической революции»). В Гражданской войне многие из них примкнули к белым [Кара-Мурза 2010, 14, 21, 24].

Панэкономизм также критиковал Т. Пикетти, призывая избегать всякого экономического детерминизма: «неравенство – это прежде всего политика и идеология, а не экономика и технологии» [Пикетти 2021, 140] (см. также: [Лоннер 1992b, 147; Розов 2018]).

Определение социализма через средства его построения. Существует два принципиальных подхода к определению социализма: через цели и через методы¹⁹.

В марксизме принят второй подход: общественная собственность на средства производства и планирование экономики как атрибуты социализма²⁰. Как представляется, определять социализм через экономические категории (собственность, планирование) не вполне корректно, так как при этом цель подменяется средствами: «...действительная цель социализма состоит именно в том, чтобы преодолеть “грабительскую фазу” в развитии человечества и пойти вперед»²¹.

Неудачным является определение через экономические категории (в первую очередь через «рынок») и для капитализма. С одной стороны, как уже отмечалось выше, рыночные отношения существуют на протяжении тысяч лет. С другой стороны, капитализм, в сущности, представляет собой «антирынок» [Валлерстайн 2006, 77]: смысл деятельности капиталиста заключается в получении сверхприбыли через монополию, то есть в уходе от свободного рынка. Предложим определение капитализма: общество, где прямое физическое насилие запрещено²², но легитимизировано насилие экономическое – эксплуатация на основе монопольного контроля над средствами производства, каких-либо групп товаров, информации и др. Данная трактовка близка к определению, которое сформулировала одна из самых известных апологетов капитализма, американский философ А. Рэнд:

¹⁸ Подробнее см. [Егоров 2022b].

¹⁹ Утверждения о множественности (и потому противоречивости) определений социализма [Бенуа 1993] можно назвать фикцией – все они могут быть отнесены к одному из 2-х выделенных классов.

²⁰ В том же духе определяет социализм энциклопедия «Британника»: «Социально-экономическая доктрина, которая призывает к общественной, а не частной собственности или контролю над собственностью и природными ресурсами». Socialism. Britannica. (www.britannica.com/topic/socialism).

²¹ Einstein A. Why Socialism? MONTHLY REVIEW. May 01, 2009. (<https://monthlyreview.org/2009/05/01/why-socialism>).

²² Этим капитализм принципиально отличается от рабовладельческого строя, феодализма, «азиатского способа производства» и др. – от обществ с институтами эксплуатации на основе прямого физического насилия.

«Капитализм – это общественный уклад, основанный на признании личности, в том числе права собственности, и предполагающий, что вся собственность находится в руках частных лиц. Признание прав личности включает в себя запрет на применение физической силы при взаимодействиях между людьми; ... единственная функция исполнительной власти – меры по защите прав человека, то есть по защите его от физических посягательств» [Рэнд 2011, 20–21]. Иными словами, согласно А. Рэнд, физическое насилие должно жестко пресекаться, а экономическое никак не ограничиваться.

Общество, в котором системно подавляются любые формы эксплуатации, определим как социализм. В рамках подхода автора фундаментальная разница между социализмом и капитализмом заключается в роли государства: при капитализме государство должно защищать индивида только от физического насилия, а при социализме – также и от экономического (от эксплуатации)²³.

Представленное в данной работе определение марксизма формально включает в себя и социализм в марксистской интерпретации, и анархизм, и социальный либерализм²⁴. В то же время следует отметить, что термин «социальный либерализм» имеет дезориентирующий характер. Смысл данной доктрины заключается в стремлении к гармоничному балансу между личностью и государством, однако двух главных ценностей быть не может: это либо индивидуализм (либерализм), либо коллективизм (социализм)²⁵.

Позиция анархизма (государство – институт насилия, поэтому в справедливом обществе количество государственных институтов минимально), в свою очередь, также путает цели и средства. Эксплуатация возникает не из-за институтов государства и/или собственности, а из-за людей, которые стремятся эксплуатировать других (используя государство, собственность или любой иной институт как средство). Отсутствие государства, то есть ликвидацию общественных институтов, можно назвать утопией. Вопрос заключается не в государстве, а в целях его функционирования. Сильное государство – способное реализовать цели своего *raison d'être* – может быть и фашистским, и социалистическим. Слабое государство, если его населяют преимущественно индивидуалисты, – это власть банд или монополий.

Воинствующий атеизм. Данный феномен также есть следствие философского материализма. Однако понимание социализма как общества без эксплуатации – и даже как плановой экономики с преимущественно общественной собственностью – не противоречит никаким религиозным канонам.

Иными словами, атеизм и социализм связывает только «материалистическое понимание истории», которое подверглось критике выше. Более того, если вынести за скобки мистический аспект религий, то социальная роль религии – это защита морали: «Искать полезного для общества – вот правило совершеннейшего христианства... постишься ли ты, спишь ли на земле, изнуряешь ли себя, но если ты не печешься о ближнем, то не дела-

²³ Это не означает защиту «бедных от богатых»: социальный паразитизм (нищенство, жизнь на пособие без стремления к работе) представляет собой эксплуатацию «снизу» (стремление взять от какого-либо индивида или общества больше, чем отдать). Также следует отметить, что между капитализмом и социализмом нет резкой границы: любое системное ограничение экономической эксплуатации представляет собой сдвиг к социализму. Таковыми можно считать и антимонопольные законы, и прогрессивный подоходный налог, и законодательный рост минимальной оплаты труда, и налоги на наследство и роскошь. Национализация частной собственности и плановая экономика – наиболее радикальные, но, в принципе, необязательные средства достижения целей социализма (подробнее см.: [Егоров 2022b]).

²⁴ «Социальный либерализм... не отрицает а priori ни “коллективную собственность”, ни “публичное владение” и т. п. Все это для него – вопросы выбора средств для достижения “достойного человеческого существования” всех членов общества». Струве П.Б. (1999) Социальный либерализм // Избранные сочинения. Москва: РОССПЭН. С. 412–423.

²⁵ По мнению автора, П.Б. Струве был просто социалистом.

еще ничего важного, и при всем том еще далеко отстоишь от образца»²⁶. Таким образом, социальные цели религии и социализма, в сущности, совпадают²⁷.

Значимость экономической концепции марксизма. Вклад К. Маркса в экономическую теорию неоспорим. Наличие неточностей и ошибок – не повод для претензий. В то же время следует отметить, что практическое планирование хозяйства в СССР не опиралось на работы Маркса: «...обширные экономические исследования Маркса даже не касались проблем конструктивной экономической политики... Как признает Ленин, в работах Маркса вряд ли вообще можно найти хотя бы одно слово об экономике социализма» [Поннер 1992b, 99] (см. также [Галушка, Ниязметов, Окулов 2021]).

Следовательно, вопрос о научной значимости марксистской экономической теории – это в значительной степени вопрос о релевантности марксистской критики капитализма и вывода о его неминуемом саморазрушении. Ниже эксплицирован идеологический характер некоторых ключевых положений марксизма, на которых основан этот вывод.

Теория прибавочной стоимости составляет ядро экономического учения Маркса о капитализме. Из нее, в частности, выводится тезис о том, что эксплуатация как следствие действия объективных экономических законов неизбежна. Маркс считал его научно обоснованным универсальным законом капитализма. По мнению автора, это «научное» обоснование основано на двух идеологемах: а) стоимость создается только трудом; б) стоимость рабочей силы равна прожиточному минимуму²⁸.

Теорию прибавочной стоимости, в сущности, можно считать частным случаем теории несовершенной конкуренции (ситуация олигополии собственников средств производства)²⁹. Однако монопольное положение могут занимать и наемные работники³⁰. Наконец, государство может вмешиваться в процесс перераспределения прибыли.

Тенденция к понижению нормы прибыли – еще один ключевой тезис марксизма, с претензией на статус закона. Он, однако, выводится из моделей Маркса, которые представляют собой не общий, а частный случай рыночной экономики. Долговременные статистические данные ее не подтверждают [Ликетти 2015, 230–233].

Тенденция к усилению координации и расширению масштабов планирования экономических систем следует из роста их размеров и сложности. С данным утверждением можно согласиться уже из общих соображений – организм, обладающий центральной нервной системой, имеет более высокий уровень адаптации к внешней среде, нежели колония бактерий сопоставимых размеров. Очевидно, что развитие и усложнение техносферы создает объективные предпосылки для увеличения централизованного, а по факту государствен-

²⁶ Толкование Иоанна Златоуста. 1 послание Коринфянам 11 глава. Библия Онлайн. (<https://bible.by/zlatoust/53/11/>).

²⁷ То, что какие-либо конкретные религиозные служители и/или организации могли быть апологетами социальной эксплуатации, дискредитирует религиозные идеи не больше, чем факт членства в КПСС Горбачева, Ельцина, Чубайса дискредитирует идеи социализма.

²⁸ Подробнее данный вопрос обсуждался в [Егоров 2020; Егоров 2022b].

²⁹ Этот частный случай и есть предмет анализа Маркса. Следует отметить, что в тот исторический период он действительно был случаем основным.

³⁰ В XXI в. свыше половины американцев со сверхвысокими доходами (высшие 0,1 %) – не собственники средств производства («капиталисты»), а наемные менеджеры (формально – «пролетарии») [Ликетти 2015, 42]. В данном случае уместно говорить именно об эксплуатации: «...бонусы руководителей в финансовом секторе остались высокими даже после того, как стало известно о том, сколько вреда их деятельность нанесла как тем фирмам, на которых они работали, так и обществу в целом» [Стиглиц 2011, 297]. Соответственно, менеджеры, фактически вредя собственникам своей деятельностью, зачастую не только уходят от ответственности, но и продолжают эксплуатацию акционеров.

ного регулирования, что ограничивает право частных компаний распоряжаться крупными экономическими активами. В то же время, нет никаких оснований считать, что это обязательно сопрягается с обобществлением прав на получение дохода. Планирование экономики может осуществляться как в интересах большинства, так и меньшинства. Социальную систему с высоким уровнем координации и планирования экономики, но имеющей целью не общее благо, а эксплуатацию каких-либо социальных групп и/или агрессию вовне, мы определяем как фашизм³¹.

Постулат выводимости морали из общественных отношений. Как писал Ф. Энгельс, «всякая теория морали являлась до сих пор в конечном счете продуктом данного экономического положения обществ» [Энгельс 1961]. Его позицию можно назвать главным дефектом марксистского панэкономизма. Антропология марксизма в этом вопросе предлагает неправдоподобное объяснение:

а) человек по природе («родовой сущности») альтруист, однако он происходит от стайных приматов, а структуризация стай в свою очередь происходит на основе инстинкта иерархического доминирования – эгоистической конкурентной борьбы;

б) в результате прогресса знания и технологий появляется прибавочный продукт – теоретическая возможность эксплуатации. Человек тут же использует эту возможность (становится эксплуататором-эгоистом);

в) в результате дальнейшего роста технологий общество изменится – и люди преобразуют социальные институты так, чтобы эксплуатация стала невозможна, поскольку само стремление к ней вдруг исчезнет.

Данная схема противоречит как принципу Юма, так и историческим фактам – в частности, распаду СССР³². Казалось бы, обобществление средств производства должно было привести к появлению «нового человека» (ибо исчезла социально-экономическая база для эксплуатации), однако в реальности во второй половине XX в. значительная часть элиты и обывателей СССР стали сторонниками конкурентного общества.

В качестве примера современного развития идеи зависимости морали от экономического базиса можно привести концепцию ноономики С.Д. Бодрунова: «Человек уйдет из непосредственного производства, целиком заставив работать на себя порождения техносферы... человек уже не будет непосредственно включен в соответствующую деятельность, а значит, и отношения между людьми по поводу нее возникать уже не будут» [Бодрунов 2018]. Однако, даже если развитие искусственного интеллекта (ИИ) сделает процесс производства ценностей практически полностью автоматизированным (и отношения людей по этому поводу возникать не будут), сохранится проблема распределения ограниченных ресурсов. Предположим, что роботы и ИИ снимут ограничения на конечность трудовых ресурсов, – сохранятся ресурсно-экологические ограничения и количество материальных благ не станет бесконечным. Соответственно, вопрос, что именно должна произвести ИИ-техносфера – несколько миллиардов автомобилей для всех, 10 миллионов вертолетов для элиты или 1000 супер-яхт для богатейших слоев населения – будет таким же потенциально конфликтным, как вопрос разделения прибавочной стоимости между трудом и капиталом³³.

³¹ «...плановая экономика – это еще не социализм. Плановая экономика как таковая может сопровождаться полным порабощением личности». Einstein A. Why Socialism? MONTHLY REVIEW. May 01, 2009. (<https://monthlyreview.org/2009/05/01/why-socialism>).

³² По мнению автора, утопичность марксистской антропологии была одной из основных философско-мировоззренческих причин этой геополитической катастрофы.

³³ Как отметил британский ученый С. Хокинг, «роботы не принесут экономического апокалипсиса – его принесут жадные люди. Если машины производят все, что нам нужно, результат будет зависеть от того, как это

С.Д. Бодрунов отмечает, что «ноосфера... не гарантирует “царство добра”», однако затем постулирует, что «...изменится и структура потребностей человека. Преобладающее значение будут иметь потребности в саморазвитии, потребности духовного плана, потребность в общении, в общественном признании» [Бодрунов 2018]. Однако непонятно, почему отстранение людей от производства сделает их потребности гуманистическими и духовными по умолчанию. Обыватель, избавленный от необходимости работать для выживания, может занимать свободное время не духовными исканиями, а сексуальными извращениями и наркотиками. Следует также отметить, что при приходе к власти эконофашистов (подобных адептам «Скрижалей Джорджии») роботизированная техносфера может производить, например, средства уничтожения «лишнего» населения.

* * *

Подведем промежуточный итог. Марксизм, очевидно, является не научным учением, а социальной идеологией. Огромное влияние, которое эта идеология приобрела в конце XIX – начале XX вв., связано с ее гуманистическим посылом: конечной целью Маркса было освобождение человека от необходимости работать для выживания, а в конечном счете – от рабства инстинкта самосохранения (алчности). Этический призыв к борьбе с эксплуатацией интуитивно воспринимался как истинный, что придало ощущение истинности и всему учению Маркса. В результате носители этой идеологии обрели чувство исторической правоты.

Однако в качестве необходимых и достаточных средств для достижения цели в рамках марксистского учения было предложено увеличивать материальное изобилие и ликвидировать частную собственность на средства производства. В соответствии с представлениями Маркса о человеке (идея зависимости морали от экономического базиса общества), данных мер должно было быть достаточно, чтобы альтруизм стал общей моральной нормой. Поэтому вопросы морали Маркс считал второстепенными и не заслуживающими каких-то специальных исследований и/или усилий.

Неолиберальная идеологическая контрреволюция 1970-х гг., которая произошла на фоне роста материального благосостояния широких масс населения как на Западе, так и в странах советского блока, продемонстрировала несостоятельность марксистской антропологии.

Заключение

Сформулируем основные выводы исследования:

1. Выбор «капитализм vs социализм» можно рассматривать как следствие выбора модели прогресса человеческой истории. Позицию неолиберализма можно описать так: интеллектуальный прогресс (и, как следствие, технологический и экономический) очевиден, а в моральном плане высшей ценностью был и останется инстинкт самосохранения. «Человек есть стадное животное с развитым разумом, способным к творчеству... За коллектив и равенство стоит слабое большинство людской популяции. За личность и свободу –

распределяется. Каждый может наслаждаться жизнью, полной роскоши и отдыха, только если машины, производящие блага, станут общим достоянием. Либо большинство людей в конечном итоге станут катастрофически бедны, если владельцы машин будут выступать против перераспределения богатства. Пока что тенденция тяготеет ко второму варианту». Science AMA Series: Stephen Hawking AMA Answers!. Reddit. (<https://www.reddit.com/r/science/comments/3nyn5i/comment/cv5dmkv/>).

ее сильное меньшинство. Но прогресс общества определяют сильные, эксплуатирующие слабых» [Амосов 1992]. Соответственно, прогресс человечества заключается исключительно в увеличении технических/энергетических/информационных возможностей.

Автор полагает, что прогресс в истории человечества действительно присутствует и он сочетает два элемента, не сводимых один к другому (которые могут двигаться в противоположных направлениях) – интеллектуальный и этический [Егоров 2022b]. Все мировые религии (и многие психологические концепции) считают переход от животной-инстинктивной к моральной мотивации (преодоление своей животной родовой сущности) целью индивидуального развития. Цель и смысл истории (развития человечества) заключаются в том же: в переходе от социума на основе иерархического доминирования (конкуренции) к социуму на основе кооперации (альтруизма).

Надежды на то, что «естественный прогресс экономики» создаст гармоничное общество *per se*, можно назвать утопичными. Эксплуатация и неравенство в обществе не сокращаются просто вследствие роста валового общественного продукта.

2. Оценивать то, какое общество лучше/хуже – «капитализм» или «социализм» – возможно только при предварительном определении базовых ценностей³⁴. Социализм комфортен тем индивидам, для которых базовой ценностью выступает чувство справедливости (моральное чувство). Соответственно, необходимым условием перехода к социализму является в первую очередь наличие критической массы таких людей³⁵.

Это проблема, которая в принципе находится вне рамок марксизма. Если, вслед за Марксом, считать главным конфликтом в обществе противостояние «собственников» и «пролетариев» («богатые против бедных»), достаточно единожды взять власть, – и большинство всегда будет за социализм (тем более – коммунизм), так как бедных больше³⁶.

Однако главный конфликт в социуме связан не с отношениями собственности, а с ценностями (цели жизни). Базовое идеологическое разделение в обществе проходит между «праздным классом»³⁷ (главная ценность – демонстративное потребление, инстинкт иерархического доминирования) и «творцами» (главная ценность – справедливость)³⁸.

³⁴ Иными словами, речь идет не о сравнении выгод «плановой экономики» и «рынка». Экономические решения (сами по себе) должны быть эффективны (при минимуме затрат давать максимальный полезный продукт) «план» и «рынок» – это инструменты для достижения целей социально-экономической политики. В то же время сторонники либеральной идеологии интуитивно склонны воспринимать «рынок» как более эффективную экономическую модель, а сторонники коллективизма, соответственно, «план». Экономико-статистические доводы здесь сугубо вторичны – первичны мировоззренческие принципы [Егоров 2021].

³⁵ Homo oeconomicus будет искренне воспринимать социализм как царство лжи. «Справедливость», «общее благо» для такого индивида – пустые слова: в силу приоритета инстинктов над моральным чувством никакие эмоции этим категорией не соответствуют. Соответственно, такой человек, проиграв в конкурентной борьбе и очутившись внизу пирамиды иерархической доминации, будет стремиться к подъему вверх, а не к уничтожению пирамиды эксплуатации – и тем более не к обществу на началах кооперации.

³⁶ «Эксплуататоры, естественное дело, не в состоянии подавить народа без сложнейшей машины для выполнения такой задачи, но народ подавить эксплуататоров может и при очень простой “машине”... без особого аппарата, простой организацией вооруженных масс...» [Ленин 1969, 91].

³⁷ Термин Т. Веблена [Веблен 1984].

³⁸ Связь чувства справедливости с желанием творческого труда достаточно очевидна: если человек отвергает эксплуатацию (не хочет жить за счет других), он хочет жить за счет своего творческого труда.

То, что ключевое различие между либерализмом и социализмом можно представить как противопоставление потребления – творчество, заявил в 2010 г. в интервью «Московскому комсомольцу» А.А. Фурсенко (на тот момент министр образования): «Главный порок советской школы заключался в том, что она стремилась воспитать человека-творца, задачей же школы РФ является подготовка квалифицированного потребителя, способного пользоваться тем, что создано другими». Чем плоха советская система образования: версия А.А. Фурсенко и ее скрытые шифры. ВикиЧтение. (<https://history.wikireading.ru/140286>).

Первую категорию представляют индивиды, которые презирают творческий труд и стремятся достичь материального успеха за счет неэквивалентного обмена [Веблен 1984] – эксплуататоры. В то же время численное меньшинство эксплуататоров уже нельзя считать аксиомой: потенциальным эксплуататором (социальным паразитом) вполне может быть и бедный, – и таковых может быть большинство (они и стали социальной базой неолиберальной контрреволюции 1970-х – 1990-х гг.).

Соответственно, сторонники социализма не должны игнорировать вопросы морали, так как они представляют собой главную составляющую борьбы идеологий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амосов Н.М. (1992) Мое мировоззрение // Вопросы философии. № 6. С. 50–74.
- Асп А., Кварц С. (2015) Круто! Как подсознательное стремление выделиться правит экономикой и формирует облик нашего мира. М.: Альпина Диджитал. 230 с.
- Бабурин С.Н., Багдасарян В.Э., Ивашов Л.Г., Катасонов В.Ю., Маслов Д.В., Реснянский С.И., Степанян А.О., Сулакшин С.С. (2021) Гибель СССР: факторные основания цивилизационной катастрофы. К 30-летию трагических событий распада Союза Советских Социалистических Республик // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. № 4. С. 6–41.
- Беккер Г.С. (2003) Человеческое поведение: экономический подход. М.: ГУ ВШЭ. 671 с.
- Бенуа А. (1993) Второй лик социализма // Элементы. № 4. С. 4–9.
- Блауг М. (2004) Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют. М.: НП «Журнал Вопросы экономики». 416 с.
- Бодрунов С.Д. (2018) От ЗОО к НОО: человек, общество и производство в условиях новой технологической революции // Вопросы философии. № 7. С. 109–118.
- Валлерстайн И. (2006) Миросистемный анализ: введение. М.: Территория будущего. 248 с.
- Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс. 1984. 368 с.
- Галушка А.С., Ниязметов А.К., Окулов М.О. (2021) Кристалл роста. К русскому экономическому чуду. М.: Наше завтра. 360 с.
- Гринберг Р.С. (2020) Мир в поисках новой модели экономического развития. У России свой путь // Возможные сценарии будущего России и мира: междисциплинарный дискурс. М.: Межрегиональная общественная организация содействия изучению, пропаганде научного наследия Н.Д. Кондратьева. С. 11–15.
- Гусейнов А.А. (1999) Понятие веры, Бога и ненасилия в учении Л.Н. Толстого // В: Разум и экзистенция: Анализ научных и вненаучных форм мышления. СПб.: РХГИ. С. 312–326.
- Егоров Д.Г. (2020) Стоимость в экономической теории – категория излишняя или необходимая? // Общество и экономика № 6. С. 25–40. DOI: 10.31857/S020736760010113-3.
- Егоров Д.Г. (2021) Сколько парадигм в экономической теории, и может ли она стать наукой с одной парадигмой // Общественные науки и современность. № 5. С. 129–142. DOI: 10.31857/S086904990017287-7
- Егоров Д.Г. (2022a) Модель человека в контексте реляционной парадигмы теоретической физики // Метафизика. № 3. С. 95–104. DOI: 10.22363/2224-7580-2022-3-95-104.
- Егоров Д.Г. (2022b) О причинах социальной эксплуатации и перспективах ее исчезновения // Общественные науки и современность. № 4. С. 16–32. DOI: 10.31857/S0869049922040025.
- Зиновьев А.А. (2018) Идеология партии будущего. М.: Алгоритм. 240 с.
- Кара-Мурза С.Г. (2007) Власть манипуляции. М.: Академический проект. 384 с.
- Кара-Мурза С.Г. (2010) Матрица «Россия». М.: Эксмо. 320 с.

- Лаверычева И. Г. (2016) Альтруизм и эгоизм с естественнонаучной точки зрения // Биосфера. № 3. С. 338–361.
- Ленин В. И. (1969) Государство и революция (1917) // Полное собрание сочинений. Т. 33. М.: Изд-во полит. литературы. С. 1–120.
- Макаров В.Л. (2019) Идеология и нормативное общество // Российский экономический журнал. № 4. С. 57–59. DOI: 10.33983/0130-9757-2019-4-55-68.
- Маркс К., Энгельс Ф. (1955) Немецкая идеология // Соч. Т. 3. изд. 2. М.: Гос. изд-во полит. литературы. С. 7–544.
- Пикетти Т. (2015) Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс. 592 с.
- Пикетти Т. (2021) Капитал и идеология: глобальный взгляд на режимы неравенства // Социологические исследования. № 8. С. 140–153. DOI: 10.31857/S013216250015273-3.
- Платон (1990) Горгий // Собр. соч. в 4-х томах. Том 1. М.: Мысль. С. 477–574.
- Полтерович В.М. (2015) От социального либерализма к философии сотрудничества // Общественные науки и современность. № 4. С. 41–64.
- Поппер К. (1992a) Открытое общество и его враги. Т. 1. М.: Феникс. 448 с.
- Поппер К. (1992b) Открытое общество и его враги. Т. 2. М.: Феникс. 528 с.
- Поппер К. (2002) Объективное знание. М.: Эдиториал УРСС. 384 с.
- Пуанкаре А. (1990) О науке. М.: Наука. 740 с.
- Розов Н.С. (2018) Идеи и ошибки марксизма в свете исторической макросоциологии // Идеи и идеалы. № 4. Т. 2. С. 42–60. DOI: 10.17212/2075-0862-2018-4.2-42-60.
- Рэнд А. (2011) Капитализм: Незнакомый идеал. М.: Альпина Паблишерз. 422 с.
- Стиглиц Дж. (2011) Крутое пике: Америка и новый экономический порядок после глобального кризиса. М.: Эксмо. 512 с.
- Хайтун С.Д. (2011) Постиндустриальная нравственная революция и ее экономическая (кейнсианская) первооснова // Вопросы философии. № 3. С. 24–35.
- Энгельс Ф. (1961) Анти-Дюринг // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 20. М.: Госполитиздат. С. 1–338.
- Fogel R.W. (1992) Without Consent or Contract: The Rise and Fall of American Slavery. New York: Norton. 408 p.

REFERENCES

- Amosov N.M. (1992) Moya mirovozzreniye [My Worldview]. *Voprosy filosofii*. no. 6, pp. 50–74.
- Asp A., Quartz S. (2015) *Kruto! Kak podsoznatel'noye stremeniye vydelit'sya pravit ekonomikoy i formiruyet oblik nashego mira* [Cool! How a Subconscious Desire to Stand Out Rules the Economy and Shapes the Face of Our World]. Moscow: Alpina Digital. 230 p.
- Baburin S.N., Bagdasaryan V.E., Ivashov L.G., Katasonov V.Yu., Maslov D.V., Resnyansky S.I., Stepanyan A.O., Sulakshin S.S. (2021) Gibel' SSSR: faktornyye osnovaniya tsivilizatsionnoy katastrofy. K 30-letiyu tragicheskikh sobytiy raspada Soyuza Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik [The Death of the USSR: Factorial Foundations of a Civilizational Catastrophe. On the 30th Anniversary of the Tragic Events of the Collapse of the Union of Soviet Socialist Republics]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskiye nauki*. no. 4, pp. 6–41.
- Becker G.S. (2003) *Chelovecheskoe povedeniye: ekonomicheskii podkhod* [The Economic Approach to Human Behavior]. Moscow: Vishaya shkola ekonomiki. 671 p.
- Benois A. (1993) *Vtoroy lik sotsializma* [The Second Face of Socialism]. *Elementy*. no. 4, pp. 4–9.
- Blaug M. (2004) *Metodologiya ekonomicheskoy nauki* [The Methodology of Economics]. Moscow: Zhurnal Voprosy ekonomiki. 416 p.

Bodrunov C.D. (2018) *Ot ZOO k NOO: chelovek, obshchestvo i proizvodstvo v usloviyakh novoy tekhnologicheskoy revolyutsii* [From ZOO to NOO: Man, Society and Production in the New Technological Revolution]. *Voprosy filosofii*. no. 7, pp. 109–118.

Egorov D.G. (2020). Stoimost' v ekonomicheskoy teorii – kategoriya izlishnyaya ili neobkhodimaya? [Is Value an Excessive or a Necessary Category in Economics?]. *Obshchestvo i Ekonomika*. no. 6, pp. 25–40. DOI: 10.31857/S020736760010113-3.

Egorov D. (2021) Skol'ko paradigim v ekonomicheskoy teorii, i mozhet li ona stat' naukoy s odnoy paradigмой [How Many Paradigms Here Are in the Economic Theory – and Can It Become a One-Paradigm Science]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. no. 5, pp. 129–142. DOI: 10.31857/S086904990017287-7.

Egorov D.G. (2022a) Model' cheloveka v kontekste relyatsionnoy paradigmy teoreticheskoy fiziki [Human Model in the Context of the Relational Paradigm of Theoretical Physics]. *Metafizika*. no. 3, pp. 95–104. DOI: 10.22363/2224-7580-2022-3-95-104.

Egorov D. (2022b) O prichinakh sotsial'noy ekspluatatsii i perspektivakh yeye ischeznoeniya [On the Reasons for Social Exploitation and the Prospects for Its Disappearance]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. no. 4, pp. 16–32. DOI: 10.31857/S0869049922040025.

Engels F. (1961) Anti-Dyuring [Anti-Düring]. In: *K. Marks & F. Engel's Works*. Vol. 20. Moscow: Gospolitizdat. Pp. 5–338.

Fogel R.W. (1992) *Without Consent or Contract: The Rise and Fall of American Slavery*. New York: Norton. 408 p.

Galushka A.S., Niyazmetov A.K., Okulov M.O. (2021) *Kristall rosta. K russkomu ekonomicheskomu chudu* [Growth Crystal. To the Russian Economic Miracle]. Moscow: Nashe zavtra. 360 p.

Greenberg R.S. (2020) Mir v poiskakh novoy modeli ekonomicheskogo razvitiya. U Rossii svooy put' [The World in Search of a New Model of Economic Development. Russia Has its Own Way]. In: *Vozmozhnyye stsenarii budushchego Rossii i mira: mezhdistsiplinarnyy diskurs*. Moscow: Mezhhregional'naya obshchestvennaya organizatsiya sodeystviya izucheniyu, propagande nauchnogo naslediya N.D. Kondrat'yeva. Pp. 11–15.

Guseynov A.A. (1999) Ponyatiye very, Boga i nenasiliya v uchenii L.N. Tolstogo [The Concept of Faith, God and Non-Violence in the Teachings of L.N. Tolstoy]. In: *Razum i ekzistenciya: Analiz nauchnyh i vnauchnyh form myshleniya*. Saint-Petersburg: RkhGI, pp. 312–326.

Kara-Murza S.G. (2007) *Vlast' manipulyatsii* [Power of Manipulation]. Moscow: Akademicheskii proyekt. 384 p.

Kara-Murza S.G. (2010) *Matritsa «Rossiya»* [Matrix «Russia»]. Moscow: Eksmo. 320 p.

Khaitun S.D. (2011) Postindustrial'naya nravstvennaya revolyutsiya i yeye ekonomicheskaya (keynziyanskaya) pervaosnova [Post-Industrial Moral Revolution and Its Economic (Keynesian) Fundamental Principle]. *Voprosy filosofii*. no. 3, pp. 24–35.

Laverycheva I.G. (2016) Al'truizm i egoizm s yestestvennonauchnoy tochki zreniya [Altruism and Egoism from a Natural Science Point of View]. *Biosfera*. no. 3, pp. 338–361.

Lenin V.I. (1969) Gosudarstvo i revolyutsiya [State and Revolution] In: *Lenin V.I., Complete Works*. Vol. 33. Moscow: Izd-vo polit. Literatury. Pp. 1–120.

Makarov V.L. (2019) Ideologiya i normativnoye obshchestvo [Ideology and Normative Society]. *Rossiyskiy ekonomicheskii zhurnal*. no. 4, pp. 57–59. DOI: 10.33983/0130-9757-2019-4-55-68.

Marx K., Engels F. (1955) Nemetskaya ideologiya [German Ideology]. In: *K. Marks & F. Engel's, Works*. Vol. 3. Moscow: Gospolitizdat. Pp. 7–544.

Piketty T. (2015) *Kapital v XXI veke* [Capital in the 21st Century]. Moscow: Ad Marginem Press. 592 p.

Piketty T. (2021) Kapital i ideologiya: global'nyj vzglyad na rezhimy neravenstva [Capital and Ideology: A Global Perspective on Inequality Regimes]. *Sociologicheskie issledovaniya*. no. 8, pp. 140–153. DOI: 10.31857/S013216250015273-3.

Plato (1990) Gorgij [Gorgi]. In: *Sobr. soch. v 4-h tomah. Tom 1*. Moscow.: Mysl'. Pp. 477–574.

- Poincare A. (1990) *O nauke* [About Science]. Moscow: Nauka. 740 p.
- Polterovich V.M. (2015) Ot sotsial'nogo liberalizma k filosofii sotrudnichestva [From Social Liberalism Towards the Philosophy of Collaboration]. *Obschestvennyye nauki i sovremennost*. no. 4, pp. 41–64.
- Popper K. (1992a) *Otkrytoe obshchestvo i ego vragi* [The Open Society and Its Enemies]. Vol. 1. Moscow: Feniks. 448 p.
- Popper K. (1992b) *Otkrytoe obshchestvo i ego vragi* [The Open Society and Its Enemies]. Vol. 2. Moscow: Feniks. 528 p.
- Popper K. (2002) *Ob'yektivnoye znaniye* [Objective Knowledge]. Moscow: Editorial URSS. 384 p.
- Rand A. (2011) *Kapitalizm: Neznakomyy ideal* [Capitalism: An Unfamiliar Ideal]. Moscow: Alpina Publishers. 422 p.
- Rozov N. (2018) Ideyi I oshibki marksizma v svete istoricheskoy makrosotsiologii [Ideas and Mistakes of Marxism in the Light of Historical Macrosociology]. *Idey i idealy*. no. 4, vol. 2, pp. 42–60. DOI: 10.17212/2075-0862-2018-4.2-42-60.
- Stiglitz J. (2011) *Krutoye pike: Amerika i novyy ekonomicheskiy poryadok posle global'nogo krizisa* [Steep Dive: America and the New Economic Order After the Global Crisis]. Moscow: EKSMO. 512 p.
- Veblen T.B. (1984) *Teoriya prazhnogo klassa* [Theory of an Idle Class]. Moscow: Progress. 368 p.
- Wallerstein I. (2006) *Mirosistemnyy analiz: Vvedeniye* [World-System Analysis: An Introduction]. Moscow: Territoriya budushchego. 248 p.
- Zinoviev A.A. (2018) *Ideologiya partii budushchego* [The Ideology of the Party of the Future]. Moscow: Algoritm. 240 p.

Информация об авторе

Егоров Дмитрий Геннадьевич, доктор философских наук, профессор Псковского филиала Университета ФСИИ России. Адрес: 180014, Россия, Псков, Зональное шоссе, д. 28. E-mail: de-888@ya.ru

About the author

Dmitry G. Egorov, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, University of the FPS of Russia (Pskov branch). Address: 180014, Russia, Pskov, Zonalnoe shosse, 28. E-mail: de-888@ya.ru

Статья поступила в редакцию/Received: 21.03.2023

Статья поступила после рецензирования и доработки/Revised: 16.04.2023

Статья принята к публикации/Accepted: 20.04.2023

ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ PROBLEMS OF SECURITY

Оригинальная статья/ Original article

Региональная ПРО США и их партнеров в западной части Тихого океана: влияние на региональную безопасность

© О.О. КРИВОЛАПОВ

Криволапов Олег Олегович, Институт США и Канады им. акад. Г.А. Арбатова Российской академии наук (Москва, Россия), o.krivolapov@iskran.ru. ORCID: 0000-0001-9658-2671

Китай обладает самым большим в мире арсеналом ракет с дальностью менее 5500 км. В 2019 г. США вышли из Договора о РСМД и приняли решение разворачивать такие ракеты в Восточной Азии. Параллельно Вашингтон планирует укрепить архитектуру ПРО ТВД в регионе. Цель статьи – определить, как усиление региональной ПРО США и их партнеров в Восточной Азии может повлиять на региональную безопасность. Исследование необходимо для понимания перспектив отношений в регионе ввиду наличия очагов потенциальных конфликтов в западной части Тихого океана. Представлен критический анализ вероятных действий Китая и США, оценено значение систем региональной ПРО и доктринальных положений о применении неядерных ракетных вооружений в возможных сценариях. Определены ситуации, в которых усиленная ПРО ТВД позволит США и их партнерам укрепить политику сдерживания в регионе, и сценарии, при которых она обострит ситуацию. Анализ доктринальных установок обеих сторон показывает, каким образом усиление региональной ПРО войск США и их партнеров может дестабилизировать обстановку. Сделан вывод, что ПРО ТВД, в отличие от мер контроля над вооружениями, нельзя считать надежным инструментом обеспечения региональной стабильности.

Ключевые слова: региональная ПРО, ПРО театра военных действий, сдерживание, политико-военный кризис, ядерное оружие, меры «до пуска», «активная оборона»

Цитирование: Криволапов О.О. (2023) Региональная ПРО США и их партнеров в западной части Тихого океана: влияние на региональную безопасность // Общественные науки и современность. № 3. С. 39–53. DOI: 10.31857/S0869049923030036, EDN: GHKWCV.

Regional Missile Defense Architecture of the US and Their Partners In the Western Pacific: Impact On Regional Security

© O. KRIVOLAPOV

Oleg O. Krivolapov, Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), o.krivolapov@iskran.ru. ORCID: 0000-0001-9658-2671

Abstract. China has the largest arsenal of missiles with a range of less than 5,500 km. In 2019, the US withdrew from the INF Treaty and decided to deploy the same kind of missiles in East Asia. At the same time Washington plans to strengthen the theater missile defense architecture in the region. The purpose of the article is to determine the potential impact of missile defense strengthening by the US and their partners in East Asia on regional security. It is necessary to understand the prospects of the situation, given the presence of several hotbeds of potential conflict in the Western Pacific. A critical analysis of the expected actions of China and the US in the region, the role of regional missile defense systems in those scenarios, and both sides' doctrines of non-nuclear missile use is provided. In certain situations, an enhanced theater missile defense could help the US and their partners to strengthen regional deterrence, but not in all situations. The analysis of both sides' doctrinal provisions help to understand how strengthening the regional missile defense by the US and their partners can destabilize the situation. It is concluded that theater missile defense, unlike arms control measures, is not a reliable tool for ensuring regional stability.

Keywords: regional missile defense, theater missile defense, deterrence, political-military crisis, nuclear weapon, left-of-launch, “active defense”

Citation: Krivolapov O. (2023) Regional Missile Defense Architecture of the US and Their Partners In the Western Pacific: Impact On Regional Security. *Obshchestvennyenauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 39–53. DOI: 10.31857/S0869049923030036, EDN: GHKWCV.

Введение

Проблему противоракетной обороны (ПРО) чаще всего обсуждают в контексте стратегических отношений США с Россией или с Китаем. Развитие стратегической ПРО считают фактором, который способен воспрепятствовать нанесению неприемлемого ущерба агрессору после его первого массированного ядерного удара – и, следовательно, подрыву стратегической стабильности. В то же время проблема ПРО существует не только на стратегическом уровне, но и на региональном. От развития событий на этом уровне зависит динамика военно-политического кризиса или конфликта между ядерными державами – в частности, КНР и США. Потенциальное столкновение между двумя странами в Азии может перейти на стратегический уровень. Соответственно, следует обратить внимание на специфику возможного военно-политического кризиса между КНР и США на региональном уровне.

С выходом из Договора о ликвидации ракет средней и малой дальности (ДРСМД) в 2019 г. США получили право разворачивать ракеты с дальностью до 5,5 тыс. км на наземных пусковых установках. Китай не был участником ДРСМД и активно наращивал арсенал данных вооружений. Кроме того, у обеих сторон есть ракеты морского и воздушного базирования. Для регионального сдерживания Пекина США считают необходимым развернуть и ракеты наземного базирования, и системы ПРО ТВД. В случае военно-политического кризиса в Восточной Азии одним из влиятельных факторов станет региональная

ПРО (ПРО театра военных действий, ПРО ТВД) войск США и их союзников¹. Подобные системы способны перехватывать баллистические ракеты (БР) дальностью менее 5,5 тыс. км, а также крылатые ракеты (КР) и гиперзвуковые ракеты различной дальности и типов базирования, которые стоят на вооружении у Национально-освободительной армии Китая (НОАК).

Многие зарубежные политические деятели, военные и эксперты считают ПРО ТВД более эффективным инструментом по сравнению со стратегической ПРО – чисто оборонительным инструментом, всегда способствующим только стабильности. В российской исследовательской литературе стратегическую ПРО называют дестабилизирующей [Rogov 2021], а региональный уровень проблемы рассматривается очень редко [Дворкин 2019]. Российские ученые прорабатывают общие вопросы военно-политического соперничества между США и КНР [Батюк 2019] – в частности, вокруг Тайваня [Каушин 2022], военной мощи [Yevtodyeva 2022] и стратегии Пекина [Stepanov 2020]. Китайские эксперты считают ПРО ТВД войск США и их партнеров не менее опасной для региональной стабильности, чем стратегическую ПРО США для стратегических ядерных сил КНР [Yan 1999; Zhao 2020].

Многие исследования о потенциальном конфликте между США и Китаем признают значимую роль ракетных вооружений, но фактор региональной ПРО учитывается лишь в некоторых работах общего плана [Heginbotham et al 2015] о возможных кризисах, вызванных ростом напряженности вокруг Тайваня [Thomas 2022; Pettyjohn et al 2022; O'Hanlon 2022; Cancian et al 2023], спорных островов в Восточно-Китайском [O'Hanlon 2019] и в Южно-Китайском морях [Bonds et al 2017]. Американские и японские авторы пишут о значимости ПРО ТВД для регионального сдерживания Китая [Roberts 2013; Einhorn, Pifer 2017; Krepinevich 2017; Obering, Heinrichs 2019; Heinrichs et al 2022], в том числе в контексте отношений США с союзниками [Koda 2016; Karako 2017; Schoff, Takahashi 2018; Arie, Yamaguchi 2018] и потенциального развертывания американских РСМД². Отдельные ученые разрабатывают модели применения американских систем ПРО ТВД в Восточной Азии, но с акцентом на технические факторы [Sankaran 2021].

Цель данной статьи – определить, как усиление архитектуры региональной ПРО войск США и их союзников повлияет на региональную безопасность. В рамках исследования предполагается ответить на следующие вопросы. Поможет ли усиление ПРО ТВД в западной части Тихого океана: (а) сдерживать предполагаемую США и их союзниками войсковую операцию НОАК с применением неядерных ракет? (б) сдерживать применение Китаем этих ракет в ядерном оснащении в рамках такой же операции? Подорвет или усилит региональную стабильность дополнительное развертывание ПРО ТВД?

Данное исследование проведено в рамках более широкой темы изучения влияния ПРО на региональную стабильность (см., например, [Krivolapov 2022a]). За пределами статьи остаются вопросы о влиянии ПРО США на возможности Китая нанести ответный ядерный удар по континентальной территории США. Политические события на Тайване и в отношениях между КНР, США, а также другими странами региона, которые могут при-

¹ С учетом имеющихся у КНР ракет с дальностью до 5,5 тыс. км для усиления архитектуры региональной ПРО США могут использовать системы ПРО Aegis морского базирования с противоракетами SM-2, SM-6 и SM-3 различных модификаций, мобильные системы ПРО наземного базирования (THAAD, Patriot и произведенные на Тайване системы Tien Kung III). О планах усиления американской региональной архитектуры ПРО в западной части Тихого океана в 2020-е гг. автор высказывался ранее в [Krivolapov 2022b].

² Murano M. Ensuring Indo-Pacific Security Post INF. Real Clear Defense. 30.07.2019. (https://www.realcleardefense.com/articles/2019/07/30/ensuring_indo-pacific_security_post_inf_114624.html).

вести к острому военно-политическому кризису, заслуживают отдельного анализа вне данной работы.

Кроме того, Пекин и Вашингтон рассматривают применение силы в случае кризиса как политический вопрос. Китайские и американские военные находятся под строгим контролем гражданских властей (особенно в кризисный период) и не уполномочены самостоятельно принимать решения о применении наступательных сил и средств. Соответственно, организационно-штатная структура, типы наступательных ракет и расположение подразделений также остаются вне предмета данной статьи (подробнее см. [Mihal 2021]).

В теории сдерживания (Р. Джервис, Т. Шеллинг, Г. Снайдер и мн. др.) исследуют пути, посредством которых субъект манипулирует угрозой нанесения ущерба, чтобы заставить других действовать в его интересах [Jervis 1979, 292]. Выделяют два типа сдерживания: «через наказание» (deterrence by punishment) и «через препятствование» (deterrence by denial) [Snyder 1960, 163]. Системы региональной ПРО относятся к последнему типу.

Под «региональным сдерживанием» имеют в виду меры, которые относятся к определенному региону. Данное исследование сфокусировано на Восточной Азии, а также на акваториях и островах Южно-Китайского и Восточно-Китайского морей – в том числе на Тайване.

Согласно теории сдерживания, роль ПРО ТВД в региональном сдерживании зависит от следующих факторов: мотивация сторон к применению ракетных вооружений (конкретные региональные и стратегические обстоятельства); возможностям систем ПРО ТВД (результаты испытаний на полигоне и в реальном бою; качественные и количественные параметры ракетного арсенала противника); восприятие двух первых факторов обеими сторонами противостояния. Данные обстоятельства могут повлиять на принятие политических решений о дополнительном развертывании ракетных и противоракетных систем. Объективное, рациональное и универсальное восприятие ситуации всегда затруднено целым рядом естественных ограничителей, в том числе субъективных [Jervis 1982, 21–30]. В период военно-политического кризиса возможности принятия взвешенного и рационального решения объективно снижены из-за необходимости реагировать на быстро изменяющуюся ситуацию.

«Военно-политический кризис» можно определить как ситуацию высокого риска вооруженного столкновения из-за исключительно низкого уровня доверия между сторонами противостояния. Высокий риск непреднамеренного столкновения возникает из-за недопонимания намерений какой-либо из сторон, нехватки информации и ухудшенной коммуникации между ними. Также хотя бы одна из сторон должна испытывать страх внезапного нападения, который заставляет действовать на опережение [Schelling 2008, 95–101]. Под «региональной стабильностью» в данном исследовании понимается отсутствие военно-политического кризиса.

Стороны могут иметь искаженные представления не только о намерениях и «красных линиях» потенциального противника, но и о реальных возможностях ракетных и противоракетных систем своих и противостоящей стороны. Лишь некоторые из систем ПРО ТВД были с той или иной степенью успеха испытаны в боевых условиях. Системы Patriot, THAAD, С-300/С-400 и «Железный купол» подтвердили свою эффективность против одиночных БР с дальностью от 100–1000 км и некоторых КР. Выводы об эффективности остальных систем региональной ПРО делают лишь на основе испытаний с ограниченной (в том числе по требованиям безопасности) реалистичностью. В результате возникает неопределенность: политическое руководство стран, обладающих ракетными и противоракетными системами, и их потенциальные противники могут по-разному интерпретировать возможности этих систем.

Роль ПРО ТВД в сдерживании

США предполагают, что Ракетные войска НОАК обладают значительным количеством ракет (см. таб. 1). К данным вооружениям следует добавить неустановленное количество КР морского базирования (КРМБ) и КР воздушного базирования (КРВБ), стоящих на вооружении в ВМС и ВВС НОАК. Все три составленных в США «Обзора ПРО» (2010, 2019 и 2022 гг.) называли ракеты морского, воздушного и наземного базирования (КРНБ) с дальностью менее 5,5 тыс. км угрозой для войск США и их союзников.

Таблица 1

Количество ракет с дальностью 300–5500 км в Ракетных войсках НОАК

Table 1

Quantity of missiles of 300–5500 km range in PLA Rocket Forces

Дальность, км	Пусковые установки	Ракеты
БР, 3000–5500 км	250	250+
БР, 1000–3000 км	250	500+
БР, 300–1000 км	200	600+
КРНБ, >1500 км	100	300+

Источник: *Military and Security Developments Involving the People's Republic of China. U.S. Department of Defense. 2022. P. 167.*

Source: *Military and Security Developments Involving the People's Republic of China. U.S. Department of Defense. 2022. P. 167.*

В документе 2010 г. Вашингтон назвал региональную ПРО одним из ключевых элементов политики регионального сдерживания Китая³. Системы ПРО ТВД должны заставить военно-политическое руководство КНР сомневаться в успехе потенциальной ракетной атаки. США же получают дополнительное время и варианты ответа на агрессию помимо нанесения удара. В случае, если сдерживание не увенчается успехом, – США смогут отразить атаку и противодействовать потенциалу Китая по «перекрытию доступа»⁴. Также США сохраняют свободу перемещения сил и средств своих и союзников в регион и внутри него⁵. Некоторые эксперты считают, что региональная ПРО может поднять порог применения ракетных вооружений, заставляя потенциального агрессора либо разворачивать больше комплексов для гарантированного нанесения заданного ущерба, либо отказаться от планов нападения⁶. Ракеты с дальностью менее 5,5 тыс. км представляют собой ключевое средство поддержки и выполнения любой масштабной военной операции для Пекина. Соответственно, от успеха сдерживания применения этих ракет зависит успех предот-

³ Ballistic Missile Defense Review Report. U.S. Department of Defense. 2010. P. 7.

⁴ В «потенциал ограничения маневра/перекрытия доступа» (anti-access/area denial, A2/AD) наряду с системами ПВО/ПРО входят противокорабельные береговые ракетные комплексы и различные типы ракет с дальностью менее 5,5 тыс. км наземного, морского и воздушного базирования, которые можно применять для изоляции потенциального театра военных действий. Подробнее об этом: [Yevtodyeva 2022].

⁵ 2019 Missile Defense Review. U.S. Department of Defense. Pp. 2, 29, 46; 2022 Missile Defense Review. U.S. Department of Defense. Pp. 1, 5, 8, 11.

⁶ Гражданские эксперты по-разному оценивают эффективность ПРО ТВД в региональном сдерживании. Подробный анализ и критический разбор тезисов администрации США и основных групп экспертов, в частности, насчет КНР, был проведен автором ранее в [Криволапов 2021].

вращения предполагаемой китайской агрессии в рассматриваемом регионе. США и их союзники считают ПРО ТВД одним из важнейших средств не дать Китаю применить указанные ракеты для того, чтобы путем шантажа вытеснить США из Восточной Азии или нанести иной вред американским интересам.

Среди сценариев использования Китаем ракет эксперты и военные США и их партнеров называют силовой захват Тайваня, установление контроля КНР над спорными островами Сенкаку (Дяоюйдао) в Восточно-Китайском море и борьбу за спорные воды и острова в Южно-Китайском море. Наиболее вероятными целями ракетной атаки со стороны Китая считаются корабли американских авианосных ударных групп (АУГ) и союзных флотов, военные объекты США и их партнеров на о. Гуам, в Японии [Shugart, Gonzalez 2017] и на Тайване. К таким объектам относятся радары, средства радиоэлектронной/радиотехнической разведки (РЭР/РТР), радиоэлектронной борьбы (РЭБ), ПВО/ПРО, авиационные, морские и ракетные базы, командные центры, склады и транспортные узлы. Уничтожение этих целей позволит нарушить управление, подавить оперативную мощь и выиграть время для действий других сил НОАК⁷. Дополнительные системы ПРО ТВД должны усилить защиту именно этих объектов [Roberts 2013, 11; Einhorn, Pifer 2017, 24; Bonds et al 2017, 134; Krepinevich 2017, 81; Obering, Heinrichs 2019, 49].

Военно-политическое руководство США уверено в эффективности систем региональной ПРО против и неядерных, и ядерных ракет. Также Вашингтон считает, что региональная ПРО существенно усиливает ядерное сдерживание на региональном уровне⁸. Анализируя роль ПРО ТВД, необходимо принимать во внимание два обстоятельства. Во-первых, Китай придерживается доктрины неприменения ядерного оружия (ЯО) первым. Военные США считают, что Китай может применить его первым, если столкнется с угрозой потери своих стратегических ядерных сил или если поражение в конфликте на неядерном уровне будет угрожать существованию Китая⁹. Однако гражданские эксперты показали, что даже в таких ситуациях Китай может не применить ЯО первым по целому ряду причин (подробнее см. [Cunningham, Fravel 2019]). В случае же ядерного удара по силам и средствам НОАК американские системы ПРО ТВД не удержат Пекин от применения своих, например, ядерных РСМД.

Во-вторых, хотя результаты применения систем ПРО ТВД на испытаниях выше показателей систем стратегической ПРО США, они все же не гарантируют перехват, например, ядерной БРМД со средствами преодоления ПРО (ложные цели, маневрирующие боеголовки, средства РЭБ)¹⁰. Одна ядерная боеголовка, если она преодолела ПРО, может обернуться катастрофическими последствиями для обороняющейся стороны. Принимая решение использовать ЯО первым, Пекин будет исходить из достаточной вероятности преодоления ПРО ТВД. Соответственно, такие системы вряд ли смогут сдержать применение ядерных ракет с дальностью менее 5,5 тыс. км.

⁷ Китай также указывает эти объекты в своих официальных публикациях по военной стратегии. См. неофициальные переводы: Science of Military Strategy, 2013. In Their Own Words: Foreign Military Thought, Montgomery, AL: China Aerospace Studies Institute. P. 297; Science of Military Strategy, 2020, In Their Own Words: Foreign Military Thought, Montgomery, AL: China Aerospace Studies Institute. Pp. 376, 398.

⁸ 2019 Missile Defense Review. P. 27.

⁹ См., например, Military and Security Developments Involving the People's Republic of China... P. 95.

¹⁰ Подробнее о дискуссиях об эффективности различных систем ПРО США – Aegis [Erasto 2017, 2], Patriot [Williams, Shaikh 2020, 24–25] и THAAD (Coyle P. US builds missile defense system for South Korea, causing more tension. The Hill. 18.03.2017. (<https://thehill.com/blogs/pundits-blog/foreign-policy/324610-us-builds-missile-defense-system-for-south-korea-but-just/>)).

Сложнее предсказать результат применения Китаем неядерных ракет. Ущерб от них меньше, чем от ядерных, и его можно сократить, используя ПРО ТВД. По прогнозу экспертов и военных США и их партнеров, при наличии американских систем региональной ПРО руководство КНР проведет множественные пуски, чтобы гарантированно уничтожить намеченные объекты и быстро завершить войсковую операцию. С учетом величины китайского арсенала перехватить все ракеты, которые НОАК будет запускать в течение продолжительного времени, станет сложно. Речь идет лишь о том, чтобы на какое-то время обеспечить работу ключевых военных объектов в условиях ракетной атаки, максимально сократив ущерб [Heinrichs et al 2022, 14, 15–18, 34, 40]. Одновременно, согласно концепции «уничтожения ракет» (missile defeat), США и их союзники будут подавлять наземные пусковые установки противника и другие носители ракетных вооружений (самолеты, корабли, подводные лодки), которые атакуют их объекты. Нарращивая арсенал неядерных ракет в количественном и качественном отношении (включая БРСД с гиперзвуковыми планирующими блоками), НОАК КНР вполне может исходить из возможности преодолеть средства ПРО ТВД войск США и их партнеров.

Допустим тезис экспертов из США и государств-партнеров о том, что только Пекин имеет агрессивные намерения в регионе и время для подготовки удара, а его региональные оппоненты не предпринимают никакие агрессивные шаги. Для гарантии успеха Пекин пойдет на проведение быстрой операции только при наличии у него достаточного, по его мнению, ракетного арсенала, который позволит преодолеть региональную ПРО войск США и их партнеров.

Согласно теории сдерживания, если у Пекина есть мотивация применить ракеты и определенные представления о возможностях своего ракетного арсенала (количественных и качественных, например, с участием гиперзвуковых ракет), то системы ПРО ТВД войск США и их партнеров не смогут сдержать применение Пекином этих ракет в неядерном оснащении.

Возможна ситуация, когда у китайской стороны проявится воля применить ракетные вооружения против американских объектов, но она не будет уверена в возможности преодолеть системы региональной ПРО противника. Подобная ситуация может возникнуть, например, из-за отсутствия необходимого количества ракет нужных типов для гарантированного уничтожения ключевых объектов неприятеля. Так как Пекин заинтересован в быстрой операции, наличие американских и союзных им систем ПРО ТВД, превосходящих возможности китайского ракетного арсенала, может сдержать китайское наступление¹¹. Однако в случае агрессивных намерений Китая, согласно данному сценарию, пойдет на дополнительное развертывание указанных ракет в районе. Соответственно, вопрос о влиянии ПРО ТВД на региональную стабильность остается открытым.

Влияние ПРО ТВД на региональную стабильность

Под сдерживанием можно понимать противодействие четко сформировавшемуся у потенциального агрессора намерению. Соответственно, стабильность (отсутствие кризиса) – это отсутствие стимула к агрессии у какой-либо из сторон. Допустим ситуацию, где у Пекина изначально отсутствуют намерения захватить Тайвань или Сенкаку. Силы НОАК на территории Китая и островах в Южно-Китайском море выполняют только обо-

---

¹¹ Один из главных тезисов китайских официальных публикаций по военной стратегии заключается в том, что НОАК нужно избегать столкновения, если нет уверенности в победе. Перед началом наступления необходимо сосредоточить силы, превосходящие потенциал противника. См. Science of Military Strategy. 2013... P. 59.

ронительные задачи. При таких условиях обострит ли обстановку в регионе дальнейшее усиление ПРО ТВД войск США и их партнеров?

Чтобы ответить на данный вопрос, необходимо учитывать два обстоятельства. Во-первых, КНР сосредоточила в регионе огромное количество систем ПРО ТВД – по данным западных аналитиков, порядка 670 систем ПВО/ПРО большой дальности по состоянию на конец 2022 г.¹². Они считаются частью потенциала «перекрытия доступа». США и их партнеры установили в регионе около 400 сопоставимых систем ПРО ТВД наземного базирования и порядка 38 кораблей с системами Aegis¹³.

При сравнении сил нужно учитывать, что, во-первых, корабли с системами Aegis должны решать широкий спектр задач (ПВО/ПРО, противолодочная борьба, удары по наземным целям с применением КРМБ). Во-вторых, американские, южнокорейские и японские системы региональной ПРО также обеспечивают защиту от потенциальных ракетных атак со стороны Северной Кореи. В результате в настоящее время Китай обладает преимуществом по системам ПРО ТВД в регионе, и Пекин может не реагировать на наращивание архитектуры региональной ПРО войск США и их партнеров.

Также следует учитывать, как Китай воспринимает появление в регионе дополнительных американских и союзных им систем ПРО ТВД. По мнению китайских экспертов, усиление архитектуры ПРО в западной части Тихого океана может дать американцам и их партнерам ложное чувство защищенности и стать предпосылкой для эскалации с их стороны [Yan 1999, 72; Zhao 2020, 24–25]. Такими шагами могут стать попытки США защитить Тайвань в случае объявления им независимости, усилить контроль над островами Сенкаку или потеснить НОАК в Южно-Китайском море. Агрессивные действия со стороны США и их партнеров маловероятны, но развертывание американских ракет с дальностью до 5,5 тыс. км и усиление региональной ПРО может повлиять на расстановку сил в регионе, а также на то, как ее воспринимают потенциальные стороны противостояния.

В официальных китайских публикациях по военной стратегии говорится, что неядерные ракеты КНР выступают как инструмент сдерживания вероятных оппонентов и предотвращения войны¹⁴, а развертывание американских и союзных им систем ПРО ТВД нарушит баланс взаимного – в том числе ядерного – сдерживания¹⁵. Из данного утверждения следует вывод о том, что нужно наращивать арсенал неядерных ракет¹⁶ – и качественно, и количественно¹⁷.

Оценивая влияние ПРО ТВД на региональную стабильность, необходимо учитывать и военно-стратегические установки, которыми руководствуется Пекин, и специфическое восприятие их в Вашингтоне. Эксперты и военные США в своих документах утверждают, что принятая Китаем концепция «активной обороны» предполагает нанесение упреждаю-

¹² 32 единицы у ВМС НОАК и более 638 у ВВС НОАК (С-400, С-300ПМУ1/ПМУ 2, НQ-9/НQ-9В, НQ-22). См. [Military Balance 2023, 242, 243].

¹³ США: около половины из 48 кораблей с Aegis находятся в Тихом океане (базы на Гавайях, Гуаме и в Японии), из них на дежурстве в портах Японии стоят 8 эсминцев и 3 крейсера. См. [Military Balance 2023, 48]. Системы ТНААД развернуты в Южной Корее и на Гуаме (итого 12 систем), около 36 систем Patriot расположены в Японии, еще около 48 систем Patriot – в Южной Корее. Япония: 8 кораблей с Aegis, 120 систем Patriot. Южная Корея: 3 корабля с Aegis, 48 систем Patriot. Тайвань: 72 системы Patriot, 50 систем Tien Kung II, около 20 систем Tien Kung III. Австралия: 3 корабля с Aegis. См. [Military Balance 2023, 231, 259, 260, 261, 266, 268, 269, 293].

¹⁴ Science of Military Strategy. 2020... P. 389.

¹⁵ Science of Military Strategy. 2013... P. 215, 269; Science of Military Strategy, 2020... P. 384.

¹⁶ Science of Military Strategy. 2013... P. 294.

¹⁷ Science of Military Strategy. 2020... P. 385, 389.

шего неядерного удара по американским и союзным им войскам¹⁸. США учитывают, что удары неядерным оружием по вышеупомянутым объектам могут привести к утрате инициативы из-за временной потери оперативного управления, а также к утрате части сил и средств. Помимо прочего, такие атаки создают условия для действий НОАК, которые поставят Вашингтон и его партнеров перед свершившимся фактом достижения Китаем своих целей на Тайване или на Сенкаку.

В официальных китайских публикациях по военной стратегии есть тезисы как в поддержку упреждающих неядерных ударов¹⁹, так и против них²⁰. Однако сама позиция американских военных (Китай склонен нанести упреждающий неядерный удар) дестабилизирует ситуацию. В условиях военно-политического кризиса Вашингтон может начать действовать на опережение.

Американская стратегия ПРО допускает возможность нанести упреждающий неядерный удар по готовому, по мнению США, к ракетной атаке противнику. Наступательные операции считаются частью интегрированной ПВО/ПРО²¹. Одним из оснований для применения таких мер считают наличие у противника большого ракетного арсенала²², объективно превосходящего количество противоракет у США и их партнеров. Такие меры ПРО «допуска» (left of launch) могут быть предприняты и до начала вооруженного конфликта, и после его начала²³. В военной стратегии США ракеты с дальностью менее 5,5 тыс. км (крылатые дозвуковые, перспективные баллистические и гиперзвуковые) любых типов базирования и архитектура региональной ПРО представляют собой две важнейшие части интегрированного сдерживания на региональном уровне. Китайские эксперты оценивают такую интеграцию как агрессивную и дестабилизирующую [Zhao 2020, 42].

Согласно теории сдерживания, перечисленные во введении черты военно-политического кризиса приводят к нескольким последствиям. К ним относится, во-первых, неправильная оценка намерений противника. Стороны могут приписывать друг другу агрессивные замыслы, даже если таковых изначально не было, и исходить из этого при принятии решений. В итоге действия, которые изначально были предприняты, чтобы сдержать оппонента, могут, наоборот, спровоцировать атаку с его стороны. Противник может воспринимать такие шаги как целенаправленное давление, а ситуацию – как безвыходную [Jervis 1982, 13; Snyder 1960, 166; Schelling 2008, 225]. Соответственно, в условиях военно-политического кризиса у него может возникнуть стимул для ракетной атаки или наступательной операции, которого изначально не было.

Во-вторых, к последствиям относится цикл «действие – противодействие» в сфере наращивания вооружений по мере стягивания новых сил и средств (в том числе систем ПРО ТВД). Хотя бы одна из сторон считает (корректно или ошибочно), что статус-кво в

¹⁸ См., например, Military and Security Developments Involving the People's Republic of China. Pp. 35–36; [Shugart, Gonzalez 2017, 2]; Takahashi S., Sayers E. America and Japan in a post-INF world. War on the Rocks. 08.03.2019.

¹⁹ Science of Military Strategy. 2013. Pp. 58, 60. Анализ мнений китайских экспертов о применимости неядерных ракет, чтобы разубедить противника продолжать эскалацию, представлен в [Cunningham, Fravel 2019, 98, 103], об упреждающих ударах по радарам и системам ПРО – в [Zhao 2020, 7–8, 26, 48].

²⁰ Science of Military Strategy. 2020. Pp. 32, 133. Подробнее о военной стратегии КНР в целом см. [Fravel 2019; Stepanov 2020].

²¹ 2022 Missile Defense Review. P. 8.

²² 2019 Missile Defense Review. P. 60.

²³ Unclassified Report to Congress, Declaratory Policy, Concept of Operations, and Employment Guidelines for Left-of-Launch Capability. U.S. Department of Defense, Joint Chiefs of Staff. 10.05.2017. P. 1.

регионе меняется в неблагоприятную для нее сторону, а агрессия оппонента (даже в форме ограниченного неядерного удара) неизбежна. В такой ситуации возможны два варианта развития событий. При первом военно-политическое руководство КНР уверено в том, что их ракетный арсенал способен преодолеть региональную ПРО войск США и их партнеров и нанести заданный ущерб. Тогда у КНР нет стимула наращивать ракетный арсенал, а вероятность эскалации снижена. Во втором случае Китай не уверен в возможностях своих ракет и продолжает их качественное и количественное наращивание в районе. В ситуации, если США уверены в возможностях своей архитектуры региональной ПРО, у них нет стимула ее усиливать – соответственно, тогда КНР незачем развертывать новые ракеты в районе. В обратном случае архитектура ПРО США будет усилена, и КНР продолжат наращивать свой ракетный арсенал.

В-третьих, допустим, что сторона А исходит из того, что сторона Б намерена стремительным ударом парализовать боевое управление силами на ТВД и уничтожить хотя бы часть ракет стороны А до их пуска, а также предпринимает подготовительные меры для этого. Тогда у стороны А возникает дилемма «используй или потеряешь», и она начнет готовить упреждающий удар. Сторона Б воспримет такие действия как создание условий для заранее спланированной неспровоцированной агрессии. Одна из сторон может интерпретировать шаги по подготовке к защите как подготовку к нападению. Одной из целей для ограниченного неядерного удара, который разубедит противника продолжать эскалацию, могут стать недавно развернутые в регионе элементы ПРО ТВД. Решение об ограниченных ударах по военным объектам и технике другого государства может быть принято только в случае, если ситуацию воспринимают как безвыходную. Тогда системы ПРО этих объектов не смогут сдержать атаку неядерных ракет. При таком сценарии усиление ПРО ТВД дестабилизирует обстановку в регионе.

Заключение

Специфика ядерной доктрины КНР и дискуссии об эффективности ПРО ТВД против ядерных ракет с дальностью менее 5,5 тыс. км указывают на то, что усиление региональной ПРО войск США и партнеров в западной части Тихого океана не сможет сдержать Китай от применения указанных типов ракет в ядерном оснащении. Усиление архитектуры американских и союзных им систем ПРО ТВД в регионе может сдержать применение Китаем неядерных ракет. Однако в таком случае КНР продолжит наращивать арсенал неядерных ракет, что отрицательно повлияет на региональную стабильность.

Анализ доктринальных положений США и Китая о применении неядерных ракетных вооружений и фактор специфического восприятия этих доктрин сторонами противостояния говорит о том, что усиление архитектуры региональной ПРО войск США и их партнеров может отрицательно влиять на региональную стабильность. Укрепление региональной стабильности при наличии ПРО ТВД возможно в ситуации, когда ни одна из сторон не имеет стимула наращивать вооружения в регионе. Данный сценарий возможен при сочетании ряда обстоятельств: военно-политическое руководство Китая уверено в возможностях своего ракетного арсенала преодолеть региональную ПРО войск США и их партнеров и нанести заданный ущерб; США абсолютно убеждены в возможностях своих систем ПРО ТВД отразить атаку или минимизировать ущерб от нее; КНР не развертывает дополнительные системы ПВО/ПРО и другие обычные вооружения в регионе; США и их союзники не размещают ракеты с дальностью менее 5,5 тыс. км и не стягивают к региону другие свои силы и средства. Последние два обстоятельства маловероятны: США с 2019 г. последовательно движутся к развертыванию таких ракет

наземного базирования²⁴. Китай, соответственно, мотивирован продолжать развивать свою архитектуру ПВО/ПРО.

Восточная Азия чрезвычайно важна для экономического развития КНР и США. Ни одна из сторон не заинтересована в применении даже тактического ядерного оружия в этом регионе. Однако они внимательно наблюдают за применением неядерных ракетных вооружений и систем ПВО/ПРО в ходе специальной военной операции на Украине, а также в конфликтах низкой интенсивности в различных районах Ближнего Востока. Военные и эксперты США и КНР видят, что высокоточные неядерные ракеты позволяют наносить ограниченный, но политически чувствительный урон потенциальному противнику с относительно небольшими или даже нулевыми человеческими потерями. Такие атаки могут уничтожить военный корабль, радар, средства РЭР/ПТР и РЭБ, на время вывести из строя аэродромы, сети боевого управления или элементы энергетической инфраструктуры. Они также позволяют угрожать нанесением подобного удара. В данном контексте развитие технологий ПРО, которые защищают от ракет с дальностью менее 5,5 тыс. км, опасно. Такие системы расширяют возможность (или иллюзию возможности) ведения ограниченного вооруженного конфликта с применением неядерных средств, балансируя на грани большой (или даже ядерной) войны, чтобы вынудить оппонента уступить. Соответственно, усиление региональной ПРО, которая на первый взгляд имеет исключительно оборонительный характер, не может быть надежным инструментом стабилизации при возможности наращивания остальных вооружений в регионе. Различные меры контроля над вооружениями остаются единственным способом укрепления региональной стабильности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Батюк В.И. (2019) Америко-китайские отношения: возвращение холодной войны? // США & Канада: экономика – политика – культура. № 5. С. 22–38. DOI: 10.31857/S032120680004909-3.

Дворкин В.З. (2019) Влияние систем ПРО на стратегическую стабильность и перспективы ядерного разоружения // Мировая экономика и международные отношения. № 8. С. 5–12. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-8-5-12.

Кашин В.Б. (2022) Обострение военно-политической ситуации вокруг Тайваня в 2022 г.: причины и перспективы развития // Пути к миру и безопасности. № 2. С. 188–203. DOI: 10.20542/2307-1494-2022-2-188-203.

Криволапов О.О. (2021) Дискуссии о роли американской ПРО театра военных действий в региональном сдерживании России и Китая // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. № 1. С. 58–84. DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-1-58-84.

Arie K., Yamaguchi N. (2018) U.S. Initiative for Integrated Air and Missile Defense (IAMD) // NIDS Journal of Defense and Security. No. 19. Pp. 17–36.

Bonds T. et al (2017) What Role Can Land-Based, Multi-Domain Anti-Access/Area Denial Forces Play in Deterring or Defeating Aggression? Santa Monica: RAND Corporation.

Cancian M. et al (2023) The First Battle of the Next War: Wargaming a Chinese Invasion of Taiwan. Washington, DC: Center for Strategic & International Studies.

Cunningham F., Fravel M.T. (2019) Dangerous Confidence? Chinese Views on Nuclear Escalation // International Security. Vol. 44. No. 2. Pp. 61–109. https://doi.org/10.1162/isec_a_00359.

²⁴ Baldor L. Esper: US to soon put intermediate range missiles in Asia. The Associated Press. 04.08.2019. (<https://apnews.com/article/cold-war-asia-pacific-russia-china-asia-6cadb0920cb8440aa4fb7e8691d66d3a>).

- Einhorn R., Pifer S. (2017) *Meeting U.S. Deterrence Requirements Toward a Sustainable National Consensus*. Washington, DC: The Brookings Institution.
- Erästö T. (2017) *Between the Shield and the Sword: NATO's Overlooked Missile Defense Dilemma*. San Francisco, CA: Ploughshares Fund.
- Fravel M.T. (2019) *Active Defense: China's Military Strategy Since 1949*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Heinrichs R. et al (2022) *Defending Guam*. Washington, DC: Hudson Institute.
- Heginbotham E. et al (2015) *The U.S.-China Military Scorecard*. Santa Monica: RAND Corporation.
- Jervis R. (1979) *Deterrence Theory Revisited: Review Article // World Politics*. Vol. 31. No. 2. Pp. 289–324.
- Jervis R. (1982) *Deterrence and Perception // International Security*. Vol. 7. No. 3. Pp. 3–30.
- Karako T. (2017) *The Future of Missile Defense in the Asia Pacific*. Washington, DC: Center for Strategic & International Studies.
- Koda Y. (2016) *U.S.-Japan Alliance: Responding to China's A2/AD Threat*. Washington, DC: Center for a New American Security.
- Krepinevich A. (2017) *Archipelagic Defense: The Japan-U.S. Alliance and Preserving Peace and Stability in the Western Pacific*. Tokyo: The Sasakawa Peace Foundation.
- Krivolapov O. (2022a) *The Influence of NATO Regional Missile Defense on European Security // Herald of the Russian Academy of Sciences (Suppl. 4)*. Vol. 92. Pp. S301–S307. DOI: 10.1134/S1019331622100100.
- Krivolapov O. (2022b) *The Upcoming 2022 Missile Defense Review and the Missile Defense Policy of the Biden Administration // Herald of the Russian Academy of Sciences (Suppl. 15)*. Vol. 92. Pp. S1458–S1465. DOI: 10.1134/S101933162221016X.
- The Military Balance (2023) London, UK: International Institute for Strategic Studies. 510 p.
- Mihal C. (2021) *Understanding the People's Liberation Army Rocket Force: Strategy, Armament, and Disposition // Military Review*. Vol. 101-SE. September Special Edition. Pp. 220–234.
- O'Hanlon M. (2019) *The Senkaku Paradox. Risking Great Power War Over Small Stakes*. Washington, DC: Brookings Institution.
- O'Hanlon M.(2022) *Can China Take Taiwan? Why No One Really Knows*. Washington, DC: The Brookings Institution.
- Obering H., Heinrichs R. (2019) *Missile Defense for Great Power Conflict: Outmaneuvering the China Threat // Strategic Studies Quarterly*. Vol. 13. Issue 4. Pp. 37–56.
- Pettyjohn S. et al (2022) *Dangerous Straits: Wargaming a Future Conflict over Taiwan*. Washington, DC: Center for a New American Security.
- Roberts B. (2013) *Extended Deterrence and Strategic Stability in Northeast Asia // NIDS Visiting Scholar Paper Series*. No. 1.
- Rogov S. (2021) *Global and Regional Stability in the Nuclear World // Herald of the Russian Academy of Sciences*. No. 3. Pp. 374–387. DOI: 10.1134/S101933162103014X.
- Sankaran J. (2021) *Missile Wars in the Asia Pacific: The Threat of Chinese Regional Missiles and U.S.-Allied Missile Defense Response // Asian Security*. Vol. 17. Issue 1. Pp. 25–45. DOI: 10.1080/14799855.2020.1769069.
- Schelling T. (2008) *Arms and Influence*. New Haven: Yale University Press.
- Schoff J., Takahashi S. (2018) *Strengthening U.S.-Japan Alliance Deterrence*. Tokyo: The Sasakawa Peace Foundation.
- Shugart T., Gonzalez J. (2017) *First Strike: China's Missile Threat to U.S. Bases in Asia*. Washington, DC: Center for a New American Security.
- Snyder G. (1960) *Deterrence and Power // The Journal of Conflict Resolution*. Vol. 4. No. 2. Pp. 163–178.
- Stepanov A. (2020) *China's Concept of Military Security // Russia in Global Affairs*. No. 2. Pp. 188–216. DOI: 10.31278/1810-6374-2020-18-2-188-216.

Thomas J. (2022) Bold and Unprecedented Moves: Building a US-Taiwan Defense Strategy in the Strait of Taiwan and South China Sea // *Journal of Indo-Pacific Affairs*. May.

Zhao Tong (2020) *Narrowing the U.S.-China Gap on Missile Defense*. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace.

Williams I., Shaikh S. (2020) *The Missile War in Yemen*. Washington, DC: Center for Strategic & International Studies.

YanXuetong (1999) Theatre Missile Defense and Northeast Asian Security // *The Nonproliferation Review*. Vol. 6. No. 3. Pp. 65–74.

Yevtodyeva M. (2022) Development of the Chinese A2/AD System in the Context of US-China Relations // *Herald of the Russian Academy of Sciences (Supp. 6)*. Vol. 92. Pp. S534-S542. DOI: 10.1134/S1019331622120048.

REFERENCES

Arie K., Yamaguchi N. (2018) U.S. Initiative for Integrated Air and Missile Defense (IAMD). *NIDS Journal of Defense and Security*. no. 19, pp. 17–36.

Batyuk V.I. (2019) Amerikano-kitaiskie otnosheniya: vozvraschenie holodnoi voyny? [U.S.-Chinese Relations: Is the Cold War Coming Back?]. *SSHA & Kanada: ekonomika – politika – kul'tura*. no. 5, pp. 22–38. DOI: 10.31857/S032120680004909-3.

Bonds T. et al. (2017) *What Role Can Land-Based, Multi-Domain Anti-Access/Area Denial Forces Play in Deterring or Defeating Aggression?* Santa Monica: RAND Corporation.

Cancian M. et al. (2023) *The First Battle of the Next War: Wargaming a Chinese Invasion of Taiwan*. Washington, DC: Center for Strategic & International Studies.

Cunningham F., Fravel M.T. (2019) Dangerous Confidence? Chinese Views on Nuclear Escalation. *International Security*. vol. 44, no. 2, pp. 61–109. https://doi.org/10.1162/isec_a_00359.

Dvorkin V. (2019) Vliyanie system PRO na strategicheskuyu stabilnost' perspektivy yadernogo razoruzheniya [Impact of Missile Defense Systems on Strategic Stability and Prospects for Nuclear Disarmament]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. no. 8, pp. 5–12. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-8-5-12.

Einhorn R., Pifer S. (2017) *Meeting U.S. Deterrence Requirements Toward a Sustainable National Consensus*. Washington, DC: The Brookings Institution.

Erästö T. (2017) *Between the Shield and the Sword: NATO's Overlooked Missile Defense Dilemma*. San Francisco, CA: Ploughshares Fund.

Fravel M.T. (2019) *Active Defense: China's Military Strategy Since 1949*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Heinrichs R. et al (2022) *Defending Guam*. Washington, DC: Hudson Institute.

Heginbotham E. et al (2015) *The U.S.-China Military Scorecard*. Santa Monica: RAND Corporation.

Jervis R. (1979) Deterrence Theory Revisited: Review Article. *World Politics*. vol. 31, no. 2, pp. 289–324.

Jervis R. (1982) Deterrence and Perception. *International Security*. vol. 7, no. 3, pp. 3–30.

Karako T. (2017) *The Future of Missile Defense in the Asia Pacific*. Washington, DC: Center for Strategic & International Studies.

Kashin V.B. (2022) Obostrenie voenno-politicheskoi situatsii vokrug Taivanya v 2022 godu: prichiny i perspektivy razvitiya [The 2022 Escalation of the Military and Political Situation around Taiwan: Causes and Prospects for Further Evolution]. *Puti k miru i bezopasnosti*. no. 2, pp. 188–203. DOI: 10.20542/2307-1494-2022-2-188-203.

Koda Y. (2016) *U.S.-Japan Alliance: Responding to China's A2/AD Threat*. Washington, DC: Center for a New American Security.

Krepinevich A. (2017) *Archipelagic Defense: The Japan-U.S. Alliance and Preserving Peace and Stability in the Western Pacific*. Tokyo: The Sasakawa Peace Foundation.

Krivolapov O. (2021) Discussii o roli amerikanskoi PRO teatra voennykh deistvii v regionalnom sderzhivanii Rossii i Kitaya [Debates on the Role of the U.S. Theater Missile Defense in Regional Deterrence of Russia and China]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika*. no. 1, pp. 58–84. DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-1-58-84.

Krivolapov O. (2022a) The Influence of NATO Regional Missile Defense on European Security. *Herald of the Russian Academy of Sciences (Suppl. 4)*. vol. 92, pp. S301–S307. DOI: 10.1134/S1019331622100100.

Krivolapov O. (2022b) The Upcoming 2022 Missile Defense Review and the Missile Defense Policy of the Biden Administration. *Herald of the Russian Academy of Sciences (Suppl. 15)*. vol. 92, pp. S1458–S1465. DOI: 10.1134/S101933162221016X.

The Military Balance (2023) London, UK: International Institute for Strategic Studies. 510 p.

Mihal C. (2021) Understanding the People's Liberation Army Rocket Force: Strategy, Armament, and Disposition. *Military Review*. vol. 101-SE, September Special Edition, pp. 220–234.

O'Hanlon M. (2019) *The Senkaku Paradox. Risking Great Power War Over Small Stakes*. Washington, DC: Brookings Institution.

O'Hanlon M. (2022) *Can China Take Taiwan? Why No One Really Knows*. Washington, DC: The Brookings Institution.

Obering H., Heinrichs R. (2019) Missile Defense for Great Power Conflict: Outmaneuvering the China Threat. *Strategic Studies Quarterly*. vol. 13, issue 4, pp. 37–56.

Pettyjohn S. et al (2022) *Dangerous Straits: Wargaming a Future Conflict over Taiwan*. Washington, DC: Center for a New American Security.

Roberts B. (2013) Extended Deterrence and Strategic Stability in Northeast Asia. *NIDS Visiting Scholar Paper Series*. no. 1.

Rogov S. (2021) Global and Regional Stability in the Nuclear World. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. no. 3, pp. 374–387. DOI: 10.1134/S101933162103014X.

Sankaran J. (2021) Missile Wars in the Asia Pacific: The Threat of Chinese Regional Missiles and U.S.-Allied Missile Defense Response. *Asian Security*. vol. 17, issue 1, pp. 25–45. DOI: 10.1080/14799855.2020.1769069.

Schelling T. (2008) *Arms and Influence*. New Haven: Yale University Press.

Schoff J., Takahashi S. (2018) *Strengthening U.S.-Japan Alliance Deterrence*. Tokyo: The Sasakawa Peace Foundation.

Shugart T., Gonzalez J. (2017) *First Strike: China's Missile Threat to U.S. Bases in Asia*. Washington, DC: Center for a New American Security.

Snyder G. (1960) Deterrence and Power. *The Journal of Conflict Resolution*. vol. 4, no. 2, pp. 163–178.

Stepanov A. (2020) China's Concept of Military Security. *Russia in Global Affairs*. no. 2, pp. 188–216. DOI: 10.31278/1810-6374-2020-18-2-188-216.

Thomas J. (2022) Bold and Unprecedented Moves: Building a US-Taiwan Defense Strategy in the Strait of Taiwan and South China Sea. *Journal of Indo-Pacific Affairs*. May.

Zhao Tong (2020) *Narrowing the U.S.-China Gap on Missile Defense*. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace.

Williams I., Shaikh S. (2020) *The Missile War in Yemen*. Washington, DC: Center for Strategic & International Studies.

YanXuetong (1999) Theatre Missile Defense and Northeast Asian Security. *The Nonproliferation Review*. vol. 6, no. 3, pp. 65–74.

Yevtodyeva M. (2022) Development of the Chinese A2/AD System in the Context of US-China Relations. *Herald of the Russian Academy of Sciences (Suppl. 6)*. vol. 92, pp. S534-S542. DOI: 10.1134/S1019331622120048.

Информация об авторе

Криволапов Олег Олегович, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Отдела военно-политических исследований Института США и Канады им. акад. Г.А. Арбатова Российской академии наук. Адрес: 121069, Россия, Москва, Хлебный пер., д. 2/3. E-mail: o.krivolapov@iskran.ru

About the author

Oleg O. Krivolapov, Candidate of Political Science, Senior Research Fellow, Department of Military-Political Studies, Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN). Address: 121069, Russia, Moscow, Khlebny per., 2/3. E-mail: o.krivolapov@iskran.ru

Статья поступила в редакцию/Received: 30.03.2023

Статья поступила после рецензирования и доработки/Revised: 02.05.2023

Статья принята к публикации/Accepted: 06.06.2023

ИССЛЕДОВАНИЯ КОММУНИКАЦИИ COMMUNICATION STUDIES

Оригинальная статья/ Original article

Политический менталитет и ментальные ловушки политической коммуникации

© Г.В. ПУШКАРЕВА

Пушкарева Галина Викторовна, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия), pushkarjeva@spa.msu.ru. ORCID: 0000-0003-1567-5652

Политический менталитет рассмотрен как вид психической активности, который обеспечивает актуальное понимание политической реальности, определение содержания наблюдаемых политических событий и смысла действий их участников. Показано, как организована ментальная активность человека, помогающая ему адекватно ориентироваться в политическом пространстве. Отмечено, что восприятие подчиняется «закону колей». В его основе лежат ментальные ловушки, которые влияют на формирование искаженных суждений о политическом явлении и подчиняют их своей логике. Раскрыта природа ментальных ловушек и охарактеризованы их виды. Ввиду неоднородности политико-культурной среды появляются различные типы политического менталитета. Политическая полиментальность может обернуться серьезными проблемами для общества. Она приводит к появлению групп, которые по-разному воспринимают политические процессы, интерпретируют содержание происходящих событий и оценивают действия властей.

Ключевые слова: менталитет, политический менталитет, политическая полиментальность, ментальные ловушки

Цитирование: Пушкарева Г.В. (2023) Политический менталитет и ментальные ловушки политической коммуникации // Общественные науки и современность. № 3. С. 54–67. DOI: 10.31857/S0869049923030048, EDN: GHPLIO.

Political Mentality and Mental Traps of Political Communication

© G. PUSHKAREVA

Galina V. Pushkareva, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), pushkarjeva@spa.msu.ru. ORCID: 0000-0003-1567-5652

Abstract. Political mentality is considered a kind of mental activity that provides an understanding of political reality, determines the content of observed political events and the meaning of the actions of their participants. It is shown how mental activity of a person is organized, helping to navigate in the political space. Attention is drawn to the fact that perception is subject to the “rut law” concept based on mental traps that capture the mind, which form judgments about a political phenomenon and subordinate it to its own logic. The nature of mental traps is revealed and their types are characterized. The heterogeneity of the political and cultural environment contributes to the emergence of political mentalities that differ in their content, as well as in interpreting political processes and phenomena. Political polymentality can become a serious problem for society. It leads to the emergence of groups that have different perceptions of the unfolding political processes, interpretations of the content of ongoing events, and evaluation of the actions of the authorities.

Keywords: mentality, political mentality, political polymentality, mental traps

Citation: Pushkareva G. (2023) Political Mentality and Mental Traps of Political Communication. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 54–67. DOI: 10.31857/S0869049923030048, EDN: GHPLIO.

Не так давно в лексикон российской политической науки вошло понятие «политический менталитет». Данный термин появился в ходе поисков теоретического объяснения слабой восприимчивости российского общества к западным либеральным политическим ценностям. Менталитет представлялся конструктом, который позволяет эксплицировать сложности политической модернизации в России [Тимофеева 2007]. Кроме того, интерес к данному понятию обусловлен развитием политической психологии, которая нуждалась в категориальном аппарате, описывающем различные грани субъективного отражения политической реальности.

В науке сформировался запрос на новый термин, но его концептуализация противоречива – в первую очередь из-за неоднозначной интерпретации родового понятия «менталитет», которое появилось на рубеже XIX и XX вв. Также возникли сложности при его включении в предметное поле политической науки в целом – и политической психологии в частности. В последней общепризнаны категории «политическое сознание», «политическая картина мира», «политические ценности», «политические установки», «политические верования» и др. Введение нового понятия требует убедительного обоснования и аргументированного отхода от привычных способов концептуализации субъективных проявлений политической жизни.

Цель данной статьи – определить специфику политического менталитета и выявить его роль в процессах политической коммуникации.

Почему возник вопрос о менталитете?

В своей работе 1922 г. «La mentalité primitive» («Первобытное мышление») французский философ Л. Леви-Брюль впервые попытался объяснить понятный на интуитивном

уровне феномен: люди разных цивилизаций по-разному видят окружающий мир объясняют социальные явления и события. Изучая вопрос о причинах такого расхождения, он обратил внимание на особенности мировосприятия представителей племен, которые сохранили первобытный уклад жизни. Ученый поставил цель «исследовать в коллективных представлениях тот умственный механизм низших обществ, который управляет ими» [Леви-Брюль 2020, 52]. Он пришел к выводу, что «умственный механизм» европейца и первобытного человека по-разному выстраивает причинно-следственные связи и формирует умозаключения на их основе. «Ни одно существо, – пишет Л.Леви-Брюль, – ни один предмет, ни одно явление природы не выступают в коллективных представлениях первобытных людей тем, чем они кажутся нам. Почти все то, что мы видим в этих явлениях и предметах, ускользает от внимания первобытных людей или безразлично им» [Леви-Брюль 2020, 57–58]. Именно этот «умственный механизм» он назвал «менталитетом». Данная трактовка позволяла обособить это понятие от ранее возникших терминов, которые обозначали особенности духовной жизни разных народов (культура, душа народа, психология народа, коллективные представления).

Современные определения менталитета, как правило, продолжают традицию, заложенную Л.Леви-Брюлем. Под менталитетом понимают «наличие у людей того или иного общества, принадлежащих к одной культуре, определенного общего “умственного инструментария”, “психологической оснастки”, которая дает им возможность по-своему воспринимать и осознавать свое природное и социальное окружение и самих себя» [Гуревич 1981, 19]. Проблема заключается в том, что сам этот «умственный инструментарий» фактически остается своеобразным «черным ящиком», который скрывает от внешнего наблюдателя процессы мыслительной активности. Неслучайно некоторые авторы понятие «менталитет» определяют через его манифестации, перечисляя различные формы данных явлений [Ракитянский 2016, 214] и воздерживаясь от его содержательного описания.

В научной литературе распространилось расширительное толкование менталитета, при котором в данное понятие включают как саму умственную активность, так и разнообразные формы ее проявления. Менталитет в этой трактовке определяют как соединение «психического склада народа, совокупности характерных для него психологических свойств, архетипов коллективного бессознательного, представлений о мире, склонностей и интересов, ценностей и идеалов» [Кольцова, Журавлев 2017, 10]. В попытках дать точное определение авторы использовали различные «наборы» компонентов – качеств и форм психической активности. В одном случае таковыми выступают ценности, мотивация, интеллект и способности [Ушаков 2020], в другом – картина мира, стиль мышления и кодекс поведения [Усенко 1999], в третьем – социальные представления, сознательные и бессознательные установки, умонастроения, образы, картина мира, воображение, склад ума, модели поведения, традиции и жизненный уклад [Юревич 2013]. В результате понятие утратило свою качественную определенность, и его использовали скорее для констатации различий мировосприятия, чем для исследования природы этих различий.

Политический менталитет: проблемы концептуализации

Вводя в научный оборот понятие «политический менталитет», исследователи в первую очередь задавались вопросом об уместности предиката «политический». Сторонники нового термина понимали, что невозможно очертить границы политического менталитета [Петренко, Митина 2015, 31]. Сами определения политики и политического неустойчивы и, как правило, зависят от методологической позиции исследователя. Однако сложившееся представление о политической сфере общества как особом виде отношений

сочли достаточным, чтобы рассматривать политический менталитет следующим образом: «часть менталитета в целом, но относящаяся к сфере политического» [Подвойская 2009, 12]. Более того, ученые начали прибегать к уточняющим предикатам и говорить о национальном менталитете [Волкова 2015], антикапиталистическом менталитете [Von Mises 2008], технологическом менталитете [Simondon 2009], колониальном менталитете [David, Okazaki 2010; Tuazon, Gonzalez, Nelson 2019], конспирологическом менталитете [Imhoff, Bruder 2014] и т. д. В таких уточняющих определениях речь идет не только о носителях менталитета, но и о способе восприятия значимых, по мнению авторов, аспектов общественной жизни.

Введение понятия «политический менталитет» оправдано в связи с необходимостью исследовать специфику усвоения и осмысления информации, которая формирует отношение людей к политическим процессам и акторам, а также к определяющим тренды политической жизни событиям. С развитием политической психологии ученые стали больше обращать внимание на отсутствие линейной зависимости между потребностями, установками, ценностями и реальным политическим поведением личности. Возникало понимание того, что мотивация формируется под влиянием сложной умственной активности. Она помогает людям осознавать специфику конкретной политической ситуации, оценивать действия властей, определять свои возможности, интерпретировать ожидания других участников политического взаимодействия, распознавать их намерения и ситуативно реагировать на вызовы. Термин «политический менталитет» способен релевантно отображать подобную умственную активность.

Проблема заключается в том, что эту сложную умственную активность сознание не рефлексирует – оно отражает только его результаты в виде представлений, образов, умозаключений, суждений, фобий, ценностных предпочтений и т. п. Получить истинное представление о ней возможно только путем теоретического моделирования обеспечивающих ее процессов. Л. Леви-Брюль предполагал, что различия в менталитете современного и первобытного человека определены разными видами логики: рациональной и мистической соответственно. Именно она, по его мнению, направляет ход мыслительной активности и приводит к обусловленным ею умозаключениям. Сам механизм выстраивания умозаключений Л. Леви-Брюль в своих работах не раскрыл.

В современных исследованиях можно найти три способа решения этой проблемы. При использовании первого из них в политическом менталитете выделяют две составляющие. «Во-первых, это содержательная сторона: взгляды, ценности, чувства и т. п., которые складываются в определенные системы, для обозначения которых используются идеологические “ярлыки”. Во-вторых, это стиль мышления (когнитивный стиль), характер политических рассуждений, способ восприятия системы (“психологический инструментарий”», – пишет советский и российский исследователь Е.Б. Шестопал [Шестопал 2002, 152]. Такой подход требует теоретического обоснования взаимосвязи двух сторон политического менталитета. В числе прочего необходимо объяснить принципы работы «психологического инструментария», факторы, которые влияют на характер политических рассуждений, и т. д. В противном случае гипертрофируется «содержательная сторона» политического менталитета, который в итоге начинают определять как «полученные знания, ориентации, ценности и установки в совокупности» [Шестопал 2002, 151].

Также специфику политического менталитета определяют, выделяя в нем сознательный и бессознательный уровни [Тимофеева 2007, 19]. По мнению ряда авторов, именно наличие «бессознательных пластов картины мира» [Петренко, Митина 2015, 31] должно отличать политический менталитет от политического сознания, служить основанием для введения нового понятия. Оставалось только объяснить, как это бессознательное функ-

ционирует и в чем оно проявляется. Подходящим теоретическим конструктом в этой ситуации стало учение швейцарского психолога К.Г. Юнга об архетипах и коллективном бессознательном. Ядром менталитета стали считать некие «архетипы коллективного бессознательного» [Кольцова, Журавлев 2017, 10]. Исследования менталитета в рамках данной концепции должны выявлять архетипы, которые определяют специфику мировосприятия нации или народа [Вьюнов 2005; Захаров 2008].

Психологи всегда скептически относились к идеям К.Г. Юнга, которые с готовностью переняли философы и историки. Как отмечают видные ученые Л. Хьелл и Д. Зиглер, «теория Юнга большей частью не поднимается выше уровня предположений. Его основные гипотезы не предоставляют достаточных возможностей для серьезной проверки» [Хьелл, Зиглер 1997, 206]. Коллективное бессознательное по Юнгу представляет собой хранилище латентных следов памяти всего человечества. Архетипы, которые он выделил, универсальны для всех человеческих существ. Соответственно, теория коллективного бессознательного не применима для объяснения различий в менталитете разных народов.

Третий подход присущ ученым, которые усматривали в политическом менталитете своеобразную «психологическую оснастку» социальных и политических субъектов, которая проявляется «в особенностях мышления, верования, чувствования, волеизъявления» [Ракитянский 2011, 95–96]. Задача заключалась в том, чтобы объяснить механизм формирования таких особенностей. Н.М. Ракитянский предложил опереться на догматический принцип А.Ф. Лосева при объяснении политического менталитета. По мнению исследователя, «ядром менталитета любого этноса, народа и нации является принятый ими догмат как некая истина а priori. Эта истина, принимаемая на веру в первую очередь политической и духовной элитой, со временем формирует смыслообразующие устремления, вектор мышления, воли и верований больших групп людей, программирует особенности их жизни и деятельности, воззрения, намерения, чувствования и поступки» [Ракитянский 2011, 96]. Автор иллюстрирует свою идею догматического принципа примерами, которые демонстрируют особенности политического развития разных народов [Ракитянский 2020]. Он утверждает, что «догматическая система определяет культурный код нации, обуславливает характер политической власти целой страны, особенности этики и права, ее экономический уклад, мораль, духовность, нравственность, саму жизнь и судьбу народов и их политических элит, государств и каждого отдельного человека» [Ракитянский 2016, 215].

При кажущемся новаторстве такой подход фактически сводит исследования политического менталитета к поиску некоего догмата с последующей попыткой описать его проявление во всех формах политической и общественной жизни. Данная концепция мало чем отличается от исследований специфики культуры того или иного народа, поскольку она изначально предполагает, что догмат формируется в виде религиозных постулатов или системы ценностно-нормативных установлений.

Политический менталитет: как мы понимаем политический мир

Предположим, что менталитет – это «умственный механизм», который подчиняет мышление больших социальных общностей определенной логике. В данном случае следует задать вопрос, как этот механизм работает, а также как организована ментальная активность, помогающая людям определять смыслы различных политических ситуаций, формировать мнения, суждения и умозаключения по поводу конкретных политических событий, явлений, действий политических акторов. Иными словами, менталитет следует рассматривать не как совокупность устойчивых структур массового сознания (ценно-

сти, установки, догматы, стереотипы, образы и др.), а как динамическую характеристику субъективного отношения к окружающему миру. Он представляет собой вид психической активности, которая обеспечивает актуальное понимание социального мира, помогает распознавать намерения и ожидания других людей, определять содержание событий и смысл действий их участников, а также оценивать значимость происходящих политических процессов и их возможных последствий.

Политический менталитет проявляется в виде суждений об определенной конкретными событиями деятельности правительства и оппозиции, оценок государственных решений, одобрения/неодобрения политики властей и т. д. При изучении политического сознания главный вопрос заключается в том, какая у граждан сложилась система представлений о политике. Исследование политического менталитета сконцентрировано вокруг следующей проблематики: как граждане трактуют политические события и на каких основаниях, как они представляют причинно-следственные связи между событиями, как оценивают действия политических акторов, какие видят угрозы, с чем связывают надежды и т. п. Менталитет обеспечивает актуализацию в сознании наиболее важного и значимого, необходимого для ориентации в политическом пространстве и выбора адекватных моделей поведения.

Суждения и мнения формируют конкретные люди в конкретной ситуации, но в масштабе общества возникает агрегированный эффект единомыслия групп, члены которых не взаимодействуют непосредственно. Без этого эффекта не вставал бы вопрос и о политическом менталитете – феномене, который обозначает групповые различия при интерпретации политических процессов и явлений. Мы говорим о менталитете, когда хотим обратить внимание на отличия в восприятии событий и оценки происходящего у разных групп, общностей и народов.

Долгое время в фокусе внимания ученых находились именно эффекты группомыслия – общепринятые мнения, распространенные суждения и оценки, зафиксированные социологами. Однако благодаря развитию психологической науки – прежде всего достижениям в области психологии социального познания и когнитивной психологии – стало возможно перейти от описания эффектов группомыслия к моделированию ментальной активности, которая их порождает. Следует выделить наиболее значимые для понимания политического менталитета теоретические конструкции.

В 1980-е гг. ученые доказали, что существует два способа обработки актуальной информации человеком: активный (размышления, рассудочная активность, рациональность) и пассивный (автоматический, протекающий без контроля со стороны сознания) [Аронсон, Уилсон, Эйкерт 2002, 222; Богомолова 1999]. Лауреат Нобелевской премии израильско-американский ученый Д. Канеман назвал эти блоки обработки информации «Система 1» и «Система 2» [Канеман 2014]. Большую часть поступающей информации человек обрабатывает в автоматическом режиме, что снижает когнитивную нагрузку на психику [Аронсон 1998, 139]. В результате в каждой конкретной ситуации (в том числе при интерпретации политических событий) индивид скорее полагается на спонтанно возникающие ощущения, чем на разумные доводы, для оценки которых нужны дополнительные когнитивные усилия.

Также наука приблизилась к пониманию специфики нерефлексируемой сознанием ментальной активности, которая обеспечивает обработку информации в автоматическом режиме. Во-первых, установлено, что эта активность неразрывно связана с мнемоническими процессами – прежде всего с теми, которые извлекают из памяти хранящуюся там информацию [ван Дейк 2000, 72–73; Ришар 1998, 52]. Во-вторых, были смоделированы процессы восприятия и понимания текущей информации: внимание, категоризация

и атрибуция [Росс, Нисбетт 1999; Андреева 2000; Налчаджян 2006]. Внимание позволяет психике отбирать из информационного пространства определенную информацию, механизм категоризации позволяет соотносить новую информацию с уже имеющейся, обеспечивая ее идентификацию. Атрибуция представляет собой процесс осмысления необходимых причинно-следственных связей. Специфика этой сложной психической активности состоит в том, что в сознании отражаются только ее результаты [Росс, Нисбетт 1999, 152]. Иными словами, получая информацию о каком-либо событии, психика обрабатывает ее в ходе указанных процессов, и эта информация отражается в сознании уже в виде представления, которое представляется адекватным реальности. Наблюдая за действиями конкретного политического актора, можно практически мгновенно определить смысл его поступков, веря в то, что эта интерпретация верна.

Проверить адекватность восприятия политической информации можно, используя активный способ ее обработки. Однако, как показывают исследования, человек включает рассудочную активность только при определенных условиях – в частности, если он воспринимает информацию как субъективно значимую [Богомолова 1999]. Большинство людей воспринимают политику как сферу, далекую от их личных, повседневных забот. Такое отчуждение снижает мотивацию переходить к мышлению, требующему значительных когнитивных усилий. В итоге проявляющиеся в актуальном массовом сознании суждения и оценки в наименьшей степени представляют собой продукт рационального осмысления информации.

Для возникновения эффекта группомыслия необходимо сочетание двух условий. Первое из них – однородная социокультурная среда. Индивиды, которые проходят в ней социализацию, неизбежно будут обладать однотипными знаниями, убеждениями и ценностями: по существу исходными когнитивными структурами, которые будут подчинять себе процессы категоризации и атрибуции. Во-вторых, необходима разветвленная система контроля за процессами социализации, которая поощряет передачу общепринятых представлений о картине мира и блокирует проникновение в массовое сознание альтернативных ценностей. При соблюдении этих условий общество в автоматическом режиме воспроизводит однотипные взгляды и суждения, поскольку любая новая информация, требующая субъективной оценки, будет попадать в «колею» описанных выше ментальных процессов. Некоторые авторы предлагают описывать данный феномен с помощью понятия «ментальные ловушки», которые канадский исследователь А. Кукла охарактеризовал как «накатанные и привычные пути, по которым мучительно и безрезультатно движется наша мысль» [Кукла 2020, 9].

Политический менталитет как группомыслие по актуальным вопросам политической жизни возникает в политико-культурном пространстве, конфигурацию которого определяют исторически сложившиеся ценностные системы. Когда в обществе доминирует подданическая, патерналистская политическая культура, в массовом сознании неизбежно будут присутствовать соответствующие ей интерпретации политических событий и оценки действий властей. В такой ситуации усвоенные ранее ценности будут выполнять роль той самой колеи, которая направляет ментальные процессы, активизирующиеся при восприятии актуальной информации.

Политическая полиментальность

Политико-культурная среда современного общества неоднородна: в ней представлены разные идейно-ценностные системы, у каждой из которых есть свои сторонники, агенты политической социализации и каналы трансляции ценностных предпочтений.

Такая неоднородность на социальном уровне ведет к появлению различных по своему содержанию политических менталитетов, которые по-разному интерпретируют политические процессы и явления. Термин «полиментальность» [Семенов 2015; Ракитянский 2017] обозначает разнообразие способов восприятия политической информации и оценки политических явлений. Однако описывать полиментальность только как разнообразие ценностных ориентаций и установок – или как приверженность разным догматическим системам – неверно.

Проблема полиментальности состоит в том, что в обществе устойчиво воспроизводятся различные способы оценки политических явлений и интерпретации действий политических акторов. Социологические опросы фиксируют устойчивые различия людей не только в вопросе ценностных ориентаций и установок, но и в способах объяснения политических процессов, событий и мотивов политического поведения. Так, результаты социологических исследований говорят о том, что в российском обществе есть индивиды, которые считают, что дела в стране идут в правильном направлении, и те, кто придерживается противоположной точки зрения¹. Россияне по-разному объясняют мотивы людей, которые идут во власть². Они по-разному оценивают причины политических событий³, аресты чиновников, обвиненных в коррупции⁴. Иными словами, политическая полиментальность – это неоднородность интерпретации актуального политического мира.

Политическая полиментальность чревата серьезными проблемами для общества. Она приводит к появлению групп, которые по-разному воспринимают разворачивающиеся политические процессы, интерпретируют происходящие события, оценивают действия властей. В итоге каждая группа формирует свой набор характеристик свойств актуального политического мира, что может вызвать взаимное непонимание, подозрительность, а в итоге вылиться в неприязнь и даже вражду. Конструктивный диалог между такими группами маловероятен, потому что восприятие реальности подчиняется «закону колеи» – способу обработки информации, который осуществляется автоматически на уровне подсознания.

Ментальные ловушки политической коммуникации

В основе «закона колеи» лежат упомянутые выше ментальные ловушки, которые «захватывают» мысль, формируют суждение о политическом явлении и подчиняют ее своей логике. Психика снижает когнитивную нагрузку, создавая устойчивые ассоциативные связи, которые позволяют выполнять сложные умственные операции при минимальных усилиях. Мы можем интерпретировать действия политического актора, не утруждая себя изучением его реальных мотивов, оценивать деятельность правительства, не анализируя его реальные достижения и неудачи. Выработка таких моментальных суждений ста-

¹ Социальное самочувствие: мониторинг. ВЦИОМ. 28 февраля 2023 г. (<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnoe-samochuvstvie-monitoring>).

² ПОЧТИ 40% РОССИЯН СЧИТАЮТ, ЧТО ЛЮДИ У ВЛАСТИ ОЗАБОЧЕНЫ ТОЛЬКО СВОИМИ ДОХОДАМИ. Левада Центр. 10.03.2020. (<https://www.levada.ru/2020/03/10/pochti-40-rossiyan-schitayut-chto-lyudi-u-vlasti-ozabocheny-tolko-svoimi-dohodami/>). АНО «Левада-Центр» внесена Минюстом в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

³ КОНФЛИКТ С УКРАИНОЙ: ОЦЕНКИ ФЕВРАЛЯ 2023 ГОДА. Левада Центр. 02.03.2023. (<https://www.levada.ru/2023/03/02/konflikt-s-ukrainoj-otsenki-fevralya-2023-goda/>).

⁴ ТРЕТЬ РОССИЯН ИСПЫТЫВАЕТ УДОВЛЕТВОРЕНИЕ ОТ АРЕСТОВ ВЫСОКОПОСТАВЛЕННЫХ ЧИНОВНИКОВ. Левада Центр. 07.05.2019. (<https://www.levada.ru/2019/05/07/tret-rossiyan-ispityvaet-udovletvorenije-ot-arestov-vysokopostavlennyh-chinovnikov/>).

новится возможной благодаря сложившимся ассоциативным связям, которые позволяют при категоризации новой информации быстро извлекать из памяти нужные когнитивные структуры и формировать на их основе целостные умозаключения.

Одна из ментальных ловушек связана с зависимостью оценки действий политического актора от ранее сложившегося к нему отношения. Человек, у которого сложился негативный образ политика, с большой вероятностью будет оценивать его деятельность критически, на грани неприятия и осуждения. Целесообразность принимаемых им решений будет ставиться под сомнение. Наоборот, симпатия к политику способствует некритическому восприятию его действий, повышению уровня одобрения принимаемых решений. Данная ловушка, известная как «эффект ореола», ведет к появлению в политическом пространстве устойчивых способов восприятия действий властей, которые формируют полярное видение их политики.

Каузальная ментальная ловушка проявляется в стремлении найти приемлемые объяснения происходящим событиям. Как показал американский социолог Г. Гарфинкель в своих кризисных экспериментах, человеку свойственно искать понятное в непонятном, так как такой подход позволяет ему снижать уровень неопределенности окружающего мира [Гарфинкель 2003]. Каузальная атрибуция позволяет человеку решать эту сложную задачу, не прилагая серьезных когнитивных усилий. Людям свойственно находить приемлемое объяснение тем или иным событиям, не прибегая к поиску дополнительной информации, сопоставлению фактов и анализу факторов. Психика автоматически выдает нам готовые суждения, которые мы принимаем как адекватное отражение реальной ситуации, хотя на деле они выступают лишь проекцией хранящейся в памяти информации. Устойчивость суждений по поводу разнообразных политических событий определяется ранее усвоенной системой знаний. Чем глубже различия в опыте, усвоенных мифах и ценностных предпочтениях отдельных групп, тем явственнее будут видны политические ментальные разрывы в обществе.

Еще одна ментальная ловушка – самоограничение – возникает из-за присущего человеку неосознаваемого стремления избегать состояния когнитивного диссонанса, которое возникает всякий раз, когда индивиду приходится сталкиваться с информацией, противоречащей его внутренним убеждениям. Когнитивный диссонанс вызывает дискомфорт и психологическое напряжение, из-за чего человек пытается оградить себя от такой информации, игнорируя ее или принижая ее значимость, либо ограничивая каналы ее получения, общаясь только с теми, кто разделяет его взгляды. Политические единомышленники образуют союзы, объединяются в партии. Так в обществе возникают очаги единомыслия и распространения однотипных суждений и способов интерпретации политической реальности.

Оборотной стороной когнитивного диссонанса становится ловушка самоубеждения. Отвергая информацию, противоречащую своим взглядам, человек впитывает те данные, которые им соответствуют. Индивид на интуитивном уровне ищет подтверждение своим убеждениям, и чем больше такой информации он находит, тем сильнее укрепляется его вера в истинность своих взглядов. Так, усвоив мифологему «во власти все воруют», человек каждый новый коррупционный скандал воспринимает как подтверждение правоты своего убеждения. В итоге он начинает под определенным углом оценивать деятельность правительства. Формируются устойчивые интерпретации мотивов участников процессов принятия государственных решений.

Специфика ментальных ловушек состоит в том, что сознание их не рефлексивует. Человек не отдает себе отчет в том, что он попал в ментальную ловушку. Ему кажется, что он рационально оценивает информацию и делает логичные выводы. Более того, индивид

уверен, что он может обосновать правильность своего суждения, не замечая, как попадает еще в одну ловушку – ловушку рационализации. Желая быть последовательным, человек стремится убедить себя и окружающих в том, что предложенная им интерпретация наиболее адекватна и основана на рациональной оценке ситуации.

Ментальные ловушки показывают, что, попав в колею группомыслия, человеку трудно выбраться из нее. Как правило, он и не стремится это делать. Ему комфортно жить в плену собственных убеждений, доверять своим единомышленникам и находить в их суждениях подтверждение своих взглядов. Именно это обстоятельство объясняет устойчивость менталитетов, которая проявляется в приверженности ряда поколений одним и тем же способам интерпретации мира политики.

* * *

Современная наука серьезно продвинулась в исследовании политических образов, ценностных ориентаций и установок. Однако она лишь начинает изучать ментальные процессы, которые обеспечивают понимание и интерпретацию смыслов политических явлений и процессов. В последнее время появилось много работ, в которых раскрывается особая роль технологий информационного влияния (пропаганды, пиара, постправды, фрейминга и т. п.) в формировании представлений людей об актуальных политических событиях. Однако открытым остается вопрос об избирательном воздействии таких технологий: кто-то поддается на искусно сфабрикованные информационные продукты, а кто-то просто не воспринимает их. Исследование политического менталитета как способа восприятия, понимания, интерпретации и формирования смыслов политических процессов, открывает новые возможности в поиске ответа на вопрос, как люди видят мир политики и как объясняют происходящие в нем события.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреева Г.М. (2000) Психология социального познания. М.: Аспект Пресс. 288 с.
- Аронсон Э. (1998) Общественное животное. Введение в социальную психологию. М.: Аспект Пресс. 517 с.
- Аронсон Э., Уилсон Т., Эйкерт Р. (2002) Социальная психология. Психологические законы поведения человека в социуме. СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК. 560 с.
- Богомолова Н.Н. (1999) Современные когнитивные модели убеждающей коммуникации // Психологический журнал. № 3. С. 46–52.
- Волкова Е.А. (2015) Национальный менталитет как фактор межкультурной коммуникации // Вестник МГИМО-Университета. № 1. С. 232–236. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2015-1-40-232-236>.
- Вьюнов Ю. А. (2005) Русский культурный архетип. М.: Наука: Флинта. 480 с.
- Гарфинкель Г. (2003) Обыденное знание социальных структур: документальный метод интерпретации в профессиональном и непрофессиональном поиске фактов // Социологическое обозрение. Т. 3. № 1. С. 3–19.
- Гуревич А.Я. (1981) Проблемы средневековой народной культуры. М.: Искусство. 359 с.
- Дейк ван Т.А. (2000) Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск: БГК им. И.А.Бодуэна де Куртенэ. 308 с.
- Захаров В. К. (2008) О некоторых архетипах российской цивилизации // Общество. Государство. Политика. № 1. С. 117–132.
- Канеман Д. (2014) Думай медленно... решай быстро. М.: АСТ. 653 с.

Кольцова В.А., Журавлев А.Л. (2017) Сущностные характеристики и факторы формирования российского менталитета // Психологический журнал. Т. 38. № 3. С. 5–17.

Кукла А. М. (2020) Ментальные ловушки. Глупости, которые делают разумные люди, чтобы испортить себе жизнь. М.: ООО «Альпина Паблишер». 146 с.

Леви-Брюль Л. (2020) Первобытное мышление. М.: Академический проект. 430 с.

Налчаджян А.А. (2006) Атрибуция, диссонанс и социальное познание. М.: Когито-Центр. 439 с.

Петренко В.Ф., Митина О.В. (2015) Психосемантический анализ политического менталитета общества // Вестник СПбГУ. Сер. 16. Вып. 3. С. 27–40.

Подвойская Н. Л. (2009) Концепт политического менталитета в американской политологии второй половины XX века. Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. полит.наук. Москва. 26 с.

Ракитянский Н. М. (2020) Ментальные исследования глобальных политических миров: Концептуальный политико-психологический анализ. М.: Изд-во МГУ. 463 с.

Ракитянский Н.М. (2011) Понятия сознания и менталитета в контексте политической психологии // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. № 6. С. 89–102.

Ракитянский Н.М. (2016) Теоретический и методологический потенциал понятия «менталитет» // Социально-психологические проблемы ментальности/менталитета. № 12. С. 210–217.

Ракитянский Н.М. (2017) Категории сознания и менталитета в контексте феномена политической полиментальности // Политическая психология: Хрестоматия. М.: Аспект Пресс. С. 30–50.

Ришар Ж.Ф. (1998) Ментальная активность. Понимание, рассуждение, нахождение решений. М.: изд-во «Институт психологии РАН». 232 с.

Росс Л., Нисбетт Р. (1999) Человек и ситуация. Уроки социальной психологии. М.: Аспект Пресс. 429 с.

Семенов В. Е. (2015) Современная Россия в контексте концепции российской полиментальности // В: Историкогенез и современное состояние российского менталитета. Ред.: В. А. Кольцова, Е. В. Харитонова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН». С. 403–429.

Тимофеева М. (2007) Особенности влияния политического менталитета на развитие демократии в России // Власть. № 11. С. 17–21.

Усенко О.Г. (1999) К определению понятия «менталитет» // В: Российская ментальность: методы и проблемы изучения. Вып. 3. Мировосприятие и самосознание русского общества. М.: Ин-т рос. истории РАН. С. 23–77.

Ушаков Д.В. (2029) Менталитет и социально-экономические достижения стран // Вестник Российской Академии наук. Т. 90. № 3. С. 224–231.

Хьелл Л., Зиглер Д. (1997) Теории личности. Основные положения, исследования и применение. СПб.: Питер Пресс. 606 с.

Шестопад Е.Б. (2002) Политическая психология. М: ИНФРА-М. 448 с.

Юревич А. В. (2013) Структурные элементы национального менталитета // Психологические исследования. Т. 6. № 29. С. 12. (<https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/702/385>).

David E., Okazaki S. (2010) Activation and Automaticity of Colonial Mentality // Journal of Applied Social Psychology. Vol. 40. Issue 4. Pp. 850–887.

Imhoff R., Bruder M. (2014) Speaking (Un-)Truth to Power: Conspiracy Mentality as a Generalised Political Attitude // European Journal of Personality. Vol. 28. Issue 1. Pp. 25–43.

Simondon G. (2009) Technical Mentality // Parrhesia – A Journal of Critical Philosophy. No. 7. Pp. 17–27.

Tuazon V., Gonzalez E., Gutierrez D., Nelson L. (2019) Colonial Mentality and Mental Health Help-Seeking of Filipino Americans // The Journal of Counseling and Development. Vol. 97. Issue 4. Pp. 352–363.

Von Mises L. (2008) The Anti-Capitalistic Mentality. Auburn, Alabama: The Ludwig von Mises Institute. 114 p.

REFERENCES

- Andreyeva G.M. (2000) *Psikhologiy asotsial'nykh poznaniiy* [Psychology of Social Cognition]. Moscow: Aspekt Press. 288 p.
- Aronson E. (1998) *Obshchestvennoye zhivotnoye. Vvedeniye v sotsialnuyu psikhologiyu* [Social Animal. Introduction to Social Psychology]. Moscow: Aspekt Press. 517 p.
- Aronson E., Uilson. T., Eykert R. (2002) *Sotsial'naya psikhologiya. Psikhologicheskiye zakony povedeniya cheloveka v sotsiume* [Social Psychology. Psychological Laws of Human Behavior in Society]. Saint-Petersburg: praym-YEVROZNAK. 560 p.
- Bogomolova N.N. (1999) Sovremennyye kognitivnyye modeli ubezhdayushei kommunikatsii [Modern Cognitive Models of Persuasive Communication]. *Psikhologicheskiy zhurnal*. no. 3, pp. 46–52.
- David E., Okazaki S. (2010) Activation and Automaticity of Colonial Mentality. *Journal of Applied Social Psychology*. vol. 40, issue 4, pp. 850–887.
- Deyk van T.A. (2000) *Yazyk. Poznaniye. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication]. Blagoveshchensk: BGK im. I.A.Boduena de Kurtene, 308 p.
- Garfinkel' G. (2003) Obydennoye znaniye sotsial'nykh struktur: dokumental'ny metod sochetaniya v professional'nom i neprofessional'nom poiske faktov [Ordinary Knowledge of Social Structures: A Documentary Method of Interpretation in Professional and Non-Professional Search for Facts]. *Sotsiologicheskoye obozreniye*. no. 1, pp. 3–19.
- Gurevich A.YA. (1981) *Problemy srednevekovoy narodnoy kul'tury* [Problems of Medieval Folk Culture]. Moscow: Iskusstvo. 359 p.
- Imhoff R., Bruder M. (2014) Speaking (Un-)Truth to Power: Conspiracy Mentality as a Generalised Political Attitude. *European Journal of Personality*. vol. 28, issue 1, pp. 25–43.
- Kaneman D. (2014) *Dumay medlenno... reshay bistro* [Think Slow... Decide Fast]. Moscow: AST. 653 p.
- KH'yell L., Zigler D. (1997) *Teorii lichnosti. Osnovnyye polozheniya, issledovaniye i primeneniye* [Personality Theories. Fundamentals, Research and Applications]. St. Petersburg: Piter Press. 606 p.
- Kol'tsova V.A., Zhuravlev A.L. (2017) Sushchnostnyye kharakteristiki i faktory formirovaniya rossiyskogo mentaliteta [Essential Characteristics and Factors of Formation of the Russian Mentality]. *Psikhologicheskiy zhurnal*. no. 38, pp. 5–17.
- Kukla A. M. (2020) *Mental'nye lovushki. Gluposti, kotorye delayut razumnyye lyudi, chtoby isportit sebe zhizn'* [Mental Traps. Stupid Things that Reasonable People Do to Ruin their Lives]. Moscow: Al'pina Publisher. 146 p.
- Levi-Bryul' L. (2020) *Pervobytnoye myshleniye* [Primitive Mentality]. Moscow: Akademicheskii proyekt. 430 p.
- Nalchadzhyan A.A. (2006) *Atributsiya, dissonans i sotsial'noye poznaniye* [Attribution, Dissonance and Social Cognition]. Moscow: Kogito-Tsentr. 439 p.
- Petrenko V.F., Mitina O.V. (2015) Psikhosemanticheskii analiz politicheskogo mentaliteta obshchestva [Psychosemantic Analysis of the Political Mentality of Society]. *Vestnik SPbGU*. no. 16, pp. 27–40.
- Podvoyskaya N. L. (2009) *Koncept politicheskogo mentaliteta v amerikanskoj politologii vtoroy poloviny XX veka* [The Concept of Political Mentality in American Political Science in the Second Half of the 20th Century]. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni kand. polit. nauk. Moscow. 26 p.
- Rakityanskiy N. M. (2020) *Mental'nye issledovaniya global'nykh politicheskikh mirov: Konceptual'nyy politiko-psihologicheskij analiz* [Mental Studies of Global Political Worlds: Conceptual Political and Psychological Analysis]. Moscow: Izd-vo MGU. 463 p.
- Rakityanskiy N.M. (2011) Ponyatiya soznaniya i mentaliteta v kontekste politicheskoy psihologii [The Concepts of Consciousness and Mentality in the Context of Political Psychology]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12. Politicheskoye nauki*. no. 6, pp. 89–102.

Rakityanskiy N.M. (2016) Teoreticheskij i metodologicheskij potencial ponyatiya «mentalitet» [Theoretical and Methodological Potential of the Concept of «Mentality»]. *Sotsial'no-psikhologicheskiye problemy mental'nosti/mentaliteta*. no. 12, pp. 210–217.

Rakityanskiy N.M. (2017) Kategorii soznaniya i mentaliteta v kontekste fenomena politicheskopolimental'nosti [Categories of Consciousness and Mentality in the Context of the Phenomenon of Political Polymentality]. In: *Politicheskaya psikhologiya: Khrestomatiya*. Moscow: Aspekt Press. Pp. 30–50.

Rishar ZH.F. (1998) *Mental'naya aktivnost'. Ponimanie, rassuzhdenie, nahozhdenie reshenij* [Mental Activity. Understanding, Reasoning, Finding Solutions]. Moscow: izd-vo «Institut psikhologii RAN». 232 p.

Ross L., Nisbett R. (1999) *Chelovek i situatsiya. Uroki sotsial'noy psikhologii* [Person and Situation. Lessons of Social Psychology]. Moscow: Aspekt Press. 429 p.

Semenov V.Ye. (2015) Sovremennaya Rossiya v kontekste koncepcii rossijskoj polimental'nosti [Modern Russia in the Context of the Concept of Russian Polymentality]. In: *Istorigenez i osobennosti sostoyaniya rossijskoy mental'nosti*. Ed(s): V. A. Kol'tsova, Ye. V. Kharitonova. Moscow: Izd-vo «Institut psikhologii RAN». Pp. 403–429.

Shestopal Ye.B. (2002) *Politicheskaya psikhologiya* [Political Psychology]. Moscow: INFRA-M. 448 p.

Simondon G. (2009) Technical Mentality. *Parrhesia – A Journal of Critical Philosophy*. no. 7, pp. 17–27.

Timofeyeva M. (2007) Osobennosti vliyaniya politicheskogo mentaliteta na razvitie demokratii v Rossii [Features of the Influence of Political Mentality on the Development of Democracy in Russia]. *Vlast'*. no. 11, pp. 17–21.

Tuazon V., Gonzalez E., Gutierrez D., Nelson L. (2019) Colonial Mentality and Mental Health Help-Seeking of Filipino Americans. *The Journal of Counseling and Development*. vol. 97, issue 4, pp. 352–363.

Usenko O.G. (1999) K ponyatiyu «mentalitet» [On the Definition of the Concept of «Mentality»]. In: *Rossiyskaya mental'nost': metody i problemy izucheniya*. Moscow: In-t ros. istorii RAN. Pp. 23–77.

Ushakov D.V. (2029) Mentalitet i social'no-ekonomicheskie dostizheniya stran [Mentality and Socio-Economic Achievements of Countries]. *Vestnik Rossijskoy akademii nauk*. no. 3, pp. 224–231.

Volkova Ye.A. (2015) Natsional'nyy mentalitet kak faktor mezhkul'turnoy kommunikatsii [National Mentality as a Factor of Intercultural Communication]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. no. 1, pp. 232–236.

Von Mises L. (2008) *The Anti-Capitalistic Mentality*. Auburn, Alabama: The Ludwig von Mises Institute. 114 p.

V'yunov YU. A. (2005) *Russkiy kul'turnyy arkhetyip* [Russian Cultural Archetype]. Moscow: Nauka: Flinta. 480 p.

Yurevich A. V. (2013) Strukturnye elementy nacional'nogo mentaliteta [Structural Elements of the National Mentality]. *Psikhologicheskiye issledovaniya*. no. 29, pp. 12. (<https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/702/385>).

Zakharov V. K. (2008) O nekotorykh arkhetyipakh rossijskoy tsivilizatsii [On Some Archetypes of Russian Civilization]. *Obshchestvo. Gosudarstvo. Politika*. no. 1, pp. 117–132.

Информация об авторе

Пушкарева Галина Викторовна, доктор политических наук, профессор факультета государственного управления Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Адрес: 119991, Россия, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корпус 4. E-mail: pushkarjeva@spa.msu.ru

About the author

Galina V. Pushkareva, Doctor of Political Science, Professor, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University. Address: 119991, Russia, Moscow, Lomonosovsky prospect, 27, building 4. E-mail: pushkarjeva@spa.msu.ru

Статья поступила в редакцию/Received: 13.03.2023

Статья поступила после рецензирования и доработки/Revised: 23.03.2023

Статья принята к публикации/Accepted: 15.04.2023

Оригинальная статья/ Original article

Внешнее информационное давление на российскую молодежь как инструмент глобального противоборства¹

© В.А. ЛУКУШИН

Лукушин Владимир Андреевич, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Москва, Россия), valukushin@fa.ru. ORCID: 0000-0001-6185-303X

Представлены результаты комплексного социально-политического исследования, которое посвящено феномену внешнего информационного давления на российскую молодежь в условиях усиления геополитической напряженности и информационного противоборства между государствами. Молодежь как наиболее уязвимая социальная группа подвержена негативным эффектам цифровизации информации о военно-политических процессах, включая переход «гибридной войны» в новую форму. В ней доминирует информационно-психологическое воздействие и иные методы преимущественно невоенного характера. Многоступенчатая методика исследования включает в себя когнитивное картирование цифровых документов, автоматизированный социально-медийный анализ информационных потоков, неструктурированное групповое интервью, а также методы метафорических ассоциативных карт и онлайн-анкетирования. Выявлено, что растет количество регионов-мишеней внешнего информационного давления на молодежь. Определена схема циркуляции соответствующего контента, выявлена активная роль иностранных медиаструктур в данном процессе. Выделено семантическое ядро информационного потока и особенности адресного воздействия на различные возрастные группы. Результаты исследования демонстрируют, что молодежь плохо иден-

---

¹ Финансирование. Статья написана по результатам исследования, выполненного в ИНИОН РАН по государственному заданию Министерства науки и высшего образования Российской Федерации при поддержке Экспертного института социальных исследований, № 122101100035-4.

Funding. This article is based on a study carried out at the Institute for Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, under the state assignment from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, with the support of the Expert Institute for Social Research, No. 122101100035-4.

тифицирует фейковую информацию в сети. Соответственно, закрепляется запрос на развитие современных компетенций цифровой грамотности и информационной безопасности.

Ключевые слова: информационная война, гибридная война, фейки, социальные медиа, цифровое пространство, цифровая грамотность

Цитирование: Лукушин В.А. (2023) Внешнее информационное давление на российскую молодежь как инструмент глобального противоборства // *Общественные науки и современность*. № 3. С. 68–82. DOI: 10.31857/S086904992303005X, EDN: GHVNCJ.

External Information Pressure on Russian Youth as a Tool of Global Confrontation

© V. LUKUSHIN

Vladimir A. Lukushin, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia), valukushin@fa.ru. ORCID: 0000-0001-6185-303X

Abstract. The results of a socio-political research studying the phenomenon of external information pressure on Russian youth in conditions of growing geopolitical tension and information confrontation between states are presented. Young people, as the most vulnerable social group, are exposed to the negative effects of the digitalization of information about military and political processes, including the transition of the concept of “hybrid warfare” into a new form. This new form is defined by the dominance of information and psychological impact and other methods of a predominantly non-military nature. Multi-stage methodology is used, including cognitive mapping of digital content, automated social media analysis of information flows, unstructured group interviews, as well as methods of metaphorical associative cards and online questionnaires. It is revealed that the number of Russian regions targeted by external information pressure on young people increased. The scheme of relevant content circulation and the active role of foreign media structures in this process are identified. The semantics of information flows and features of targeted impact on different age groups are defined. The results of the study show a weak perception of fake information on the Internet by young people and highlight the formed demand for the development of modern competences of digital literacy and information security.

Keywords: information warfare, hybrid warfare, fakes, social media, digital space, digital literacy

Citation: Lukushin V. (2023) External Information Pressure on Russian Youth as a Tool of Global Confrontation. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 68–82. DOI: 10.31857/S086904992303005X, EDN: GHVNCJ.

Постановка проблемы

Кардинальные изменения в общественно-политической жизни России, вызванные специальной военной операцией, определены, в первую очередь, глобальным противоборством и особенностями межгосударственных взаимодействий внутри различных контуров. Одним из наиболее значимых из них в контексте международной напряженности считается информационно-коммуникативный. На российских граждан оказывают усиленное внешнее информационное давление, вводя методы военно-политического воздействия в виртуальное и медийное пространство.

Конечная цель подобного воздействия – сформировать критическую гражданскую позицию по отношению к российскому государству и внедрять антагонистические установки и ценности среди населения. В результате растет внутреннее недовольство, усиливаются протестные настроения, а также нарастает конфликтогенность и деконсолидация общества. Информационное воздействие – не новое явление для России, однако с началом специальной военной операции (СВО) оно перешло в новую стадию. По данным опросов ВЦИОМ, около 90% россиян считают, что против РФ идет полноценная информационная война в связи с военной спецоперацией. Более 60% россиян, согласно опросам, регулярно встречают информационные материалы с критикой действий российских военных и политического руководства².

Своеобразной «мишенью» для подобного информационного давления выступает молодежь. Данная группа наиболее погружена в актуальные повестки, активнее других использует цифровые сервисы для получения и обмена информацией. Кроме прочего, молодые люди считаются наиболее уязвимой группой, так как у них еще не сформировались ни самосознание, ни политическая и государственная идентичности. Обман и манипуляцию молодежью в информационном пространстве для выполнения собственных политических задач практиковали политические противники России в период так называемых «цветных революций» на постсоветском пространстве.

Цифровые площадки открывают возможности для постоянного и разнообразного взаимодействия между пользователями. Однако они также расширяют набор технологий информационного воздействия. Среди последних можно выделить распространение в сети фейковой информации, манипулятивного и деструктивного контента, а также полноценные информационно-психологические операции. По данным АНО «Диалог» (Россия), за неполный год спецоперации в российские социальные медиа было «вброшено» более 3,5 тысяч уникальных фейковых сюжетов, суммарный охват которых превысил 17 миллиардов просмотров³. Распространяя фейки и проводя медийные провокации, внешние акторы пытаются не только подорвать доверие молодых россиян к государственным институтам и вытеснить на задний план официальную информацию, но и посеять среди населения тревогу и панику.

Данные процессы создают значительные риски для устойчивости политической системы и национальной безопасности в условиях геополитической, военной и социально-экономической напряженности. Задача исследования – выявить масштабы, структуру и технологии информационного воздействия на российскую молодежь в период СВО, а также оценить ее способность противостоять подобному внешнему воздействию.

Теоретический обзор

Большинство исследователей считают множественные попытки посягнуть на информационный суверенитет России и безопасность граждан частью глобального противоборства, которое включает в себя комплекс военно-политических и информационно-пропагандистских операций с использованием современных цифровых платформ. Российский политолог Е.В. Бродовская определяет «внешнее информационное давление» как совокупность систематических информационных воздействий – преимущественно манипу-

² Информационная война вокруг специальной военной операции. ВЦИОМ. 08 апреля 2022. (<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/informacionnaja-voina-vokrug-specialnoi-voennoi-operacii>).

³ АНО «Диалог» на форуме ООН рассказала об опасности фейков. Lenta.Ru. 29 ноября 2022. (<https://lenta.ru/news/2022/11/29/fakee/>).

лятивного характера. Центры и лидеры общественного мнения иностранных государств через социальные медиа оказывают соответствующее влияние на отдельные группы населения, объединенные по географическому, национальному, профессиональному, социальному, политическому или иному признаку [Бродовская, Домбровская, Пырма 2020].

Раньше целью информационного воздействия было продвижение отработанных сценариев «цветных революций». В настоящий период конструируются новые гибридные схемы, для которых характерно: пролонгированное манипулятивное воздействие; выстраивание цепочки информационно-психологических операций; разжигание социальной и межнациональной (межэтнической) розни; постепенная деконсолидация и дезорганизация государства и общества [Манойло и др. 2023]. Наибольшую опасность представляет управляемое использование социальных сетей и мессенджеров в качестве среды, в которой можно создавать и продвигать деструктивные материалы, а также ложный и манипулятивный контент, чтобы формировать соответствующие когнитивные схемы в сознании пользователей [Clack, Johnson 2021].

В основе современных войн лежат преимущественно невоенные методы. Начало XXI в. ознаменовалось появлением в научной (а затем и общественно-политической) среде категории «гибридная война». Она представляет собой новый вид противоборства, который совмещает классические боевые действия с иррегулярными формами: экономическими санкциями, кибератаками, информационными диверсиями [Johnson 2018]. Данный термин впервые использовал американский автор У. Немет в 2002 г., анализируя чеченскую кампанию. Другой американский специалист по национальной безопасности Ф. Хоффман в своих работах выявил несколько содержательных характеристик войн будущего [Hoffman 2007]. Он определил, что конфликты будут носить многовариантный характер, сочетать принципиально разные тактические приемы и средства противоборства – иметь мультимодальный характер. Наиболее доступным каналом применения нерегулярных типов тактики исследователи считают популярные социальные медиа, которые аккумулируют значительные национальные аудитории [Miller 2019].

Российский исследователь А.В. Манойло рассматривает информационное пространство как полноценную площадку противоборства между государствами [Манойло 2021a]. Глобальная паутина превратилась не просто в инструмент, а в настоящую арену политического противостояния [Манойло 2021b]. В современной практике информационного давления К.С. Стригунов и А.В. Манойло отдельно выделяют фейковые новости, которые используют для делегитимации избирательного процесса, подрыва доверия населения к государству, дегуманизации общественного сознания, деконсолидации и разрушения социальной структуры [Стригунов, Манойло 2022]. Fake news наиболее эффективны при их распространении среди представителей наиболее уязвимого поколения Z [Ахмадеев, Бресслер, Манойло 2021]. Восприятие фейковой информации молодежью изучают и иностранные исследователи – преимущественно из государств, которые регулярно сталкиваются с подобным информационным воздействием [Apuke, Omar 2021; Zimmer et al 2019].

Как отмечают российские авторы В.Н. Кобышев и Р.В. Парфенов, на фоне нового витка конфликта между Россией и странами коллективного Запада в связи с украинским кризисом развивается новая стадия гибридной войны, в которой информационные операции и психологическое давление становятся центральными элементами, а цифровые сервисы используют, чтобы воздействовать на население государства-противника [Кобышев, Парфенов 2019]. По мнению российского эксперта А.Б. Шатилова, качественное информационное сопровождение военных действий выступает необходимой «надстройкой» в текущем формате гибридного конфликта. Для ее создания необходимо выработать новые подходы как к противодействию информационным атакам на уязвимые аудитории, так и к разработке собственных средств обратного действия [Шатилов 2022].

Важно также сформировать качественно иную цифровую инфраструктуру, включая алгоритмы, рекомендательные системы, нейросетевые технологии и иные инструменты продвижения в информационном пространстве политической повестки, которая отражает интересы отдельной стороны конфликта [Prier 2017]. Расширение функционала цифровых платформ и активное использование технологических достижений в военно-политических противостояниях современных государств привело к развитию новых исследовательских направлений, которые базируются на гибридизации и применении методов математического моделирования, статистической обработки, построения и анализа сложных информационных систем, аналитики больших данных [Nadolski, Fairbanks 2019; Малков, Ковалев, Коротаев 2021; Петров, Прончев 2022].

Методы и материалы

Эмпирическое исследование имеет многоступенчатый характер. В нем применяется комбинация методов, которые работают одновременно с онлайн- и офлайн-средами.

На первом этапе использовано когнитивное картирование цифрового контента на общественно-политическую тематику в наиболее популярных среди молодежи социальных медиа, которое репрезентирует критические оценки спецоперации и военно-политического курса в целом (1,2 тыс. документов). Выборка включает в себя аккаунты иностранных средств массовой информации на русском языке, а также страницы и сообщества организаций и граждан, признанных иностранными агентами (100 аккаунтов). В результате качественного анализа материалов был составлен набор уникальных лингвистических конструкций – маркеров внешнего информационного давления на молодежь в российском сегменте социальных медиа. Также были выявлены особенности репрезентации и распространения подобного контента.

На втором этапе был проведен автоматизированный социально-медийный анализ информационных потоков внешнего информационного давления посредством мониторингового инструмента «IQBuzz», в котором использовались выявленные маркеры (800 тыс. документов). В ходе выгрузки выполнялось не менее пяти последовательных ручных проверок контента на соответствие предмету исследования. В выборку вошли более 30 цифровых площадок – популярные социальные сети, блоги, микроблоги и тематические порталы. Собранный массив данных проанализирован по геолокационным и содержательным характеристикам. Глубина сбора и обработки данных: 01.02.2022–01.11.2022.

На третьем этапе проведена серия групповых неструктурированных интервью с применением метафорических ассоциативных карт на темы манипулятивного и фейкового воздействия в сети (600 респондентов в возрасте от 14 до 35 лет). Методика позволяет верифицировать полученные цифровые данные, выявляя аффективные схемы ориентировки на основе применения конкретных визуальных моделей [Лихачева и др. 2022; Бродовская, Лукушин, Давыдова 2022]. Участники выбирали ранее аттестованные метафорические карты на соответствующие темы и участвовали в обсуждении с использованием закрытого перечня вопросов. Использование подобной проективной методики позволяет преодолеть вербальные искажения и снизить недоверие между респондентом и исследователем.

Дополнительным элементом авторского сценария стало онлайн-анкетирование участников интервью. Они выполняли задачи по идентификации фейковой и истинной информации на основе подобранных авторских материалов из релевантных сегментов социальных медиа. Итоговая расширенная выборка состояла из 1 тыс. респондентов, репрезентированных по полу, возрасту и месту проживания (по федеральным округам).

Результаты исследования

Циркуляцию критических информационных материалов среди молодежных аудиторий в российском сегменте социальных медиа обеспечивает единая система (рис. 1). На первом этапе генерируется контент в сети политических каналов в Telegram – различные открытые аккаунты, объединенные общим администрированием и информационной повесткой. Аудитория каналов невелика, однако ценность заключается именно в первоначальном «вбросе» информационных поводов и связанных с ними сообщений для определенных групп аудитории. На этапе распространения в процесс включаются более крупные российские электронные СМИ и их цифровые аккаунты (преимущественно иностранные агенты), а также украинские электронные СМИ, ведущие свою работу на русском языке.

Сообщения дублируют, таким образом тиражируя их в общественно-политическом сегменте социальных медиа, лидеры мнений и персоналии со значительным охватом пользователей. Аудитория доверяет им и воспринимает их как первоисточник информации. Для неполитических сегментов и выключенных из информационной повестки пользователей применяют тематические блоги и форумы, групповые чаты и другие адаптивные каналы получения информации. По мере движения контента увеличивается не только охват, но и количество участвующих в его циркуляции акторов. Вместе с тем доля закрытых (недоступных для просмотра) аккаунтов среди наиболее активных в процессе генерации и распространения контента пользователей остается достаточно низкой (20% среди пользователей, 10% среди сообществ и пабликов), чтобы проявлялись какие-либо эффекты.

Рисунок 1. Общая схема циркуляции контента внешнего информационного воздействия на российскую молодежь в социальных медиа

Figure 1. General scheme of content circulation of external information pressure on Russian youth in social media

Рассмотрим работу данной системы на примере возбуждения протестов молодежи в Республике Дагестан в сентябре-октябре 2022 г. Для первоначальной генерации контента создана сеть региональных каналов, многие из которых пропагандируют идеи исламского сепаратизма и экстремизма. После объявления частичной мобилизации в Вооруженные силы работа таких каналов была выстроена вокруг сопротивления ей,

очернения российских вооруженных сил, формирования установок недоверия к армии и власти на национальной и религиозной почве. Не случайно в качестве основной мишени среди всех регионов Северного Кавказа выбрали именно Республику Дагестан с ее сложным, многосоставным обществом. Сформированный в данных сетях дискурс был направлен на провокации и массовые акции, которые организовали активисты в различных городах республики. Распространению информации о событиях в Дагестане способствовали многочисленные иностранные площадки, а также страницы СМИ-иноагентов.

Лидеры мнений пытались внушить доверие к данной информации, сочувствие и понимание к «мирным» протестующим. Информация распространялась через персональные аккаунты, а большинство их авторов также были иноагентами или украинскими спикерами, транслирующими русскоязычную повестку. Вторичный контент блогеров, в свою очередь, наполнял уже локальные сети, обеспечивая замкнутый круг циркуляции контента по конкретной теме, радикализацию аудитории в течение нескольких недель. На протяжении этого периода ежедневный объем критических материалов в республиканских социальных медиа в 3–5 раз превышал средние ежегодные значения, особенно в период организации и проведения протестных акций.

Вовлечение молодежной аудитории в необходимые повестки и потоки в социальных медиа и удержание их интереса обеспечивает не только адаптивность контента и управляемая система генерации и распространения. Также в этом процессе используют технологии психологического воздействия, которые соотнесены с конечными целями для каждой возрастной группы молодежи (таб. 1). Первоначальный контент жестко модерировался для получения реакции, которая приведет к определенному политическому результату. Недоверие у детей и подростков формируют через дегуманизацию образов, обесценивание отдельных смысловых линий, процессов и явлений общественной жизни. Страх и панику у вузовской молодежи и мобилизуемых граждан вызывают через заражение, подражание и ценностное подчинение на основе уже закрепленных в сознании когнитивных схем. Активное действие среди старших групп стимулирует стереотипизация и примитивизация образов и событий, которые внушают необходимые гражданские и политические установки в сознание интернет-пользователей.

При рассмотрении управляемости и целенаправленности информационных потоков можно определить географию их распространения (рис. 2). По результатам автоматизированного анализа выделены две основные группы: с повышенной представленностью аудитории протестного потока (15 регионов – Калининградская область, Псковская область, Республика Карелия, Мурманская область, Республика Адыгея, Ставропольский край, Ульяновская область, Чувашская республика, Республика Марий Эл, Омская область, Томская область, Алтайский край, Хабаровский край, Камчатский край, Сахалинская область); с наибольшей представленностью (28 субъектов РФ – город Москва, Московская область, город Санкт-Петербург, Ленинградская область, Республика Крым, город Севастополь, Брянская область, Курская область, Белгородская область, Воронежская область, Ростовская область, Краснодарский край, Республика Дагестан, Республика Калмыкия, Астраханская область, Республика Татарстан, Удмуртская Республика, Республика Башкортостан, Челябинская область, Курганская область, Новосибирская область, Кемеровская область, Республика Хакасия, Республика Тыва, Республика Алтай, Республика Бурятия, Забайкальский край, Приморский край). Объем цифровых данных был скоррелирован с численностью населения субъектов Федерации по данным Росстата на 1 января 2022 г. Таким образом, мишенями информационного давления в 2022 г. стали почти 50% субъектов Российской Федерации.

Таблица 1

Общая схема информационно-психологического воздействия на молодежные аудитории в российском сегменте социальных медиа

Table 1

General scheme of informational and psychological impact on youth audiences in the Russian segment of the social media

Целевая группа	Основные нарративы	Базовая технология воздействия	Конечная цель
Школьная молодежь (7–16 лет)	«российская агрессия и оккупация», «Россия связала кровавую бойню», «российская армия убивает украинский народ», «Россия навсегда будет в изоляции», «Россия застрянет во времени из-за войны в Украине»	Дегуманизация российской армии и политического руководства, обесценивание задач российской армии и основных векторов развития государства, защиты суверенитета и обеспечения национальной безопасности	Потеря доверия и уважения к базовым социальным и государственным институтам и старшему поколению (родителям, учителям знакомым и др.)
Студенческая молодежь (17–26 лет)	«Россия проиграет в связанной войне», «смена власти в России неизбежна после проигрыша в войне», «российский режим закрывает будущее молодежи», «нестабильность в России продолжится»	Подражание и заражение, метод «общего вагона» в контексте навязанного политического пацифизма и алармизма, ценностное подчинение в контексте «глобальных демократических ценностей и стандартов»	Формирование страха и паники относительно внутренней обстановки на фоне проведения военных действий, отстраненности и «отрыва» молодежи от государства и саботаж развития страны посредством неконвенциональных акций
Старшая молодежь (27–35 лет)	«нужно валить из России», «в России закроют границы и продолжат бесконечную войну», «в России неизбежен кризис, товарный дефицит и новые девяностые», «в России больше нечего ловить»	Стереотипизация, примитивизация актуальных социально-экономических и политических процессов, убеждение и внушение ложных гражданских установок	Эмиграция в страны ближнего и дальнего зарубежья с целью культурного и экономического разрыва с государством и последующего удаленного давления на различные социальные группы внутри страны

В региональных соцмедиа продвигают оригинальные материалы, которые учитывают специфику субъектов, локальные особенности и настроения местного населения. Пиковой точкой информационного воздействия стало объявление частичной мобилизации, после которой были предприняты попытки организовать протесты именно преимущественно в национальных республиках (Республика Дагестан, Республика Бурятия, Республика Хакасия, Республика Алтай, Республика Башкортостан и др.). С осени 2022 г. в молодежном социально-медийном пространстве данных регионов повсеместно используют национальные контексты для разжигания социальной розни, конфликтов, а также для создания кризисных ситуаций на фоне частичной мобилизации.

Высокий уровень информационного давления зафиксирован в приграничных с Украиной регионах. Их население с начала спецоперации подвергается провокациям и террористическим актам со стороны украинских вооруженных сил и бандформирований. Информационные атаки на этих территориях направлены на формирование недовольства населения и конвертацию усталости от военных действий в реальную протестную актив-

ность и сопротивление государству. Среди отдаленных от мест боевых действий регионов выделяются субъекты Уральского и Сибирского федеральных округов, а также ряд регионов Дальнего Востока и европейского севера, где прошли акции протеста. Они формируют приграничный «пояс» внешнего информационного давления.

Рисунок 2. Регионы-мишени внешнего информационного воздействия на молодежь в социальных медиа (по объему контента)

Figure 2. Regions targeted by external information pressure on young people in social media (by quantity of content)

Из данных о частотности используемых в информационном потоке лексических конструкций сформировано семантическое ядро внешнего давления. Необходимо отметить, что на протяжении всего исследуемого периода фиксировалось наличие общих связывающих конструкций. Например, в контексте критики военных действий часто используются категории-воззвания («обращение», «петиция», «мочь», «жизнь», «правда», «хотеть», «сила»), а также категории, направленные на формирование чувства сострадания и вины у аудитории («смерть», «вина», «прощение», «искупить», «противно», «стыдно», «постыдный»). Критика частичной мобилизации нацелена одновременно на устрашение аудитории через эмоционально заряженные конструкции и их гиперболизацию («смерть», «кровь», «кровавый», «мясорубка», «могилизация») и на социально-экономические аспекты («помощь», «получить», «должный», «мера», «работа», «бесплатный»).

Наиболее радикальными можно назвать документы, в которых критикуют присоединение новых территорий. В них используются категории, указывающие на явную подмену понятий («оккупация», «аннексия», «захват»). Упоминаются также крупные фейковые сюжеты, которые распространила украинская сторона («буча», «ирпень», «роддом»). Не менее идеологизированными стали публикации и сообщения эмигрантов, в которых преобладают персональные проблемы и актуальные жизненные задачи («паспорт», «новый», «работа», «вложение», «очередь», «семья», «документ»). В сообщениях из сегмента о так называемой международной изоляции обсуждается санкционная политика и связанное

с ней недовольство отдельных групп молодежи, преимущественно младшего возраста («бренд», «магазин», «виза», «закрылся» и др.).

Общей характеристикой семантики внешних информационных потоков, ориентированных на молодежь, выступает систематическое использование языка ненависти и риторики вражды⁴. Применение лексики в современном социально-медийном пространстве в целом имеет широкий масштаб. Превалирование языка вражды, оскорблений и травли в популярных информационных потоках в социальных медиа усиливает межнациональные (межэтнические) противоречия, порождает вражду между отдельными социальными группами и провоцирует прямые конфликты, которые переходят из онлайн- в офлайн-среду.

Базовой информационной технологией вовлечения в протестные потоки выступает создание и распространение фейковой информации. Из единичных элементов коммуникации с ситуативным и точечным характером воздействия фейки превращаются в полноценную технологию психологического воздействия на массы или даже в комплекс мероприятий в рамках информационных операций с управляемым и масштабным характером воздействия. В результате проведенного комплексного исследования можно выделить следующие маркеры фейковой информации, которые позволяют идентифицировать ее как часть более крупной информационной кампании:

- эмоциональность, аффективный способ представления контента с целью пробудить мгновенную обратную реакцию в виде чувства страха, тревоги, сострадания, сочувствия, гнева и др.;

- отсутствие ссылок на источник или намеренное упоминание малоизвестных, сомнительных источников;

- призывы к действию и высокий мобилизационный потенциал контента как в онлайн-, так и офлайн-пространстве;

- «кликбейтность», излишняя провокативность заголовков или изображений, привлекающая внимание аудитории;

- демонстрация оценочных суждений и позиций, не подкрепленных рациональной аргументацией и открытыми данными;

- «вирусность» материала, нацеленность на оперативное распространение по различным каналам коммуникации, основанная на претенциозности представленной информации;

- обрывочность информации, упор на малозначимые факты, которые легче фальсифицировать.

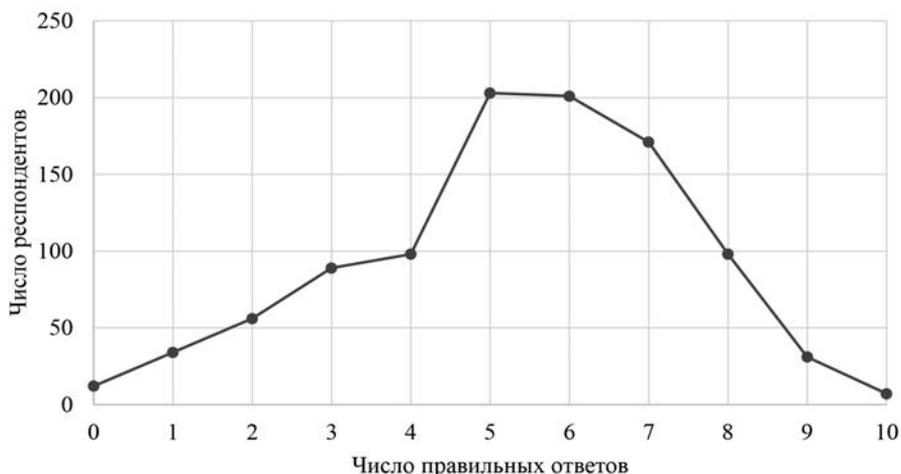
Современная информационно-психологическая кампания основана на массовом применении фейков, что обуславливает ее длительную подготовку. Она разделена на несколько этапов: определение цели (таргетных групп), подбор релевантных месседжей и технологий воздействия на аудиторию; конструирование ложного информационного повода и распространение его через администрируемые СМИ и связанные сетевые площадки; активизация цифровой инфраструктуры, управление информационными потоками и веб-контентом для достижения максимального охвата группы; воздействие с целью формирования установок, корректировки общественного мнения или принятия решения.

По результатам серии проведенных групповых интервью с использованием метафорических ассоциативных карт и онлайн-анкетирования произведена оценка уровня цифровой грамотности российской молодежи в контексте определения фейковой информации. Из 10 распространенных в социальных медиа информационных сюжетов – как правди-

⁴ Что представляет собой язык ненависти? Организация Объединенных Наций. (<https://www.un.org/ru/hate-speech/understanding-hate-speech/what-is-hate-speech>).

вых, так и ложных – респонденты могут корректно идентифицировать только половину (рис. 3).

Уровень информационной грамотности снижается с увеличением возраста респондентов. Респонденты школьного возраста предоставляли в среднем 6-7 правильных ответов, представители студенчества – 5-6, старшая группа молодежи – в среднем 4-5. Полученные результаты корреспондируют с данными последних социологических исследований о восприятии россиянами ложной информации, а также о сложностях в определении правдивости информации в СМИ и Интернете на фоне увеличения объемов политического контента и информированности об актуальных событиях (таб. 2)⁵.

Рисунок 3. Результаты анкетирования молодежи по идентификации фейковой информации в социальных медиа

Figure 3. Results of a survey of young people on the identification of fake information in social media

Таблица 2

Результаты анкетирования молодежи по идентификации фейковой информации в социальных медиа (по возрастным группам)

Table 2

Results of a survey of young people on the identification of fake information in social media (by age group)

Возрастная группа	Средняя оценка
7–16 лет	6,44
17–26 лет	5,64
27–35 лет	4,83
Среднее	5,64

⁵ «Фейк ньюс»: масштабы проблемы. ВЦИОМ. 18 апреля 2019. (<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/fejkn-yus-masshtab-problemy->).

На основе обсуждений путей решения проблемы распространения фейковой и манипулятивной информации среди молодежи можно выделить три основных консенсусных точки. Представленность фейковых и манипулятивных материалов значительно возросла, в результате чего у фокусной группы возникает усталость и пренебрежение. В то же время они представляют серьезную общественную опасность, и государству следует выработать системные меры противодействия.

Масштабные блокировки информационных ресурсов или отдельных материалов не эффективны. Существуют способы их обхода, а ограничения порождают эффект искусственного интереса к запретной информации.

Наконец, недостаточно распространена просветительская работа в сфере получения современных навыков цифровой грамотности, информационной безопасности и гигиены. Степень участия учреждений образовательной системы в их распространении остается достаточно низкой.

Заключение

По результатам проведенного социально-политического исследования можно сделать следующие выводы.

Во-первых, в эпоху трансформации «гибридной войны», в рамках которой наравне с классическими военными действиями используются иррегулярные формы противоборства, на первый план выходят современные информационные и когнитивные войны. Главенствующая роль в них отводится информационно-психологическому воздействию на население государства-противника посредством использования цифровых сервисов и технологий.

Во-вторых, молодежь наиболее уязвима перед внешними информационными атаками из-за своей повышенной погруженности в пространство социальных медиа и незавершенности формирования гражданской и политической идентичности.

В-третьих, в период проведения специальной военной операции масштаб и функциональность внешнего информационного давления на российскую молодежь значительно увеличились. Не менее половины субъектов Российской Федерации стали своеобразными регионами-мишенями для таких атак.

В-четвертых, в отечественном сегменте социальных медиа выстроена система циркуляции контента, адресованного различным группам молодежи. В данном процессе участвуют иностранные медиа и лидеры общественного мнения.

В-пятых, информационные потоки внешнего воздействия наполнены языком ненависти и риторикой вражды, а также фейковой информацией. Последняя выступает базовой технологией информационно-психологических операций. Молодежь, в свою очередь, плохо идентифицирует ложные сообщения.

Проведенное исследование в дальнейшем может помочь при разработке эффективных технологий противодействия внешнему информационному давлению на молодежь как группу-мишень. В частности, речь идет о совершенствовании образовательных и просветительских методов (в том числе при активном участии профильных государственных и общественных структур), направленных на освоение современных компетенций в сфере цифровой грамотности и информационной безопасности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ахмадеев К.Н., Бреслер М.Г., Манойло А.В. (2021) Эффективность fake news как инструмента информационной войны в восприятии поколения Z // Вестник Московского государственного областного университета. № 3. С. 8–32.

Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Пырма Р.В. (2020) Дискурсы внешнего информационного давления в Крымском и Севастопольском сегментах Рунета: особенности, адресаты, конфликтогенный потенциал // Политическая наука. № 3. С. 243–265.

Бродовская Е.В., Лукушин В.А., Давыдова М.А. (2022) Векторы развития электоральных установок российской молодежи: результаты когнитивной инструментальной диагностики // Власть. № 3. С. 80–84.

Коньшев В.Н., Парфенов Р.В. (2019) Гибридные войны: между мифом и реальностью // Мировая экономика и международные отношения. Т. 63. № 12. С. 56–66.

Лихачева Э.В., Николаева Л.П., Огнев А.С., Огнева А.А., Огнева Н.А. (2022) Использование элементов когнитивно-поведенческой терапии для повышения эффективности визуального кинетического моделирования // Человеческий капитал. № 8. С. 160–165.

Малков С.Ю., Ковалев В.И., Коротаев А.В. (2021) О математическом моделировании устойчивости функционирования социально-экономических систем // Информационные войны. № 1. С. 31–43.

Манойло А.В. (2021a) Информационная война и новая политическая реальность (I) // Вестник Московского государственного областного университета. № 1. С. 100–132.

Манойло А.В. (2021b) Информационная война и новая политическая реальность (II) // Вестник Московского государственного областного университета. № 2. С. 110–148.

Манойло А.В., Петренко А.И., Рожин Б.А., Стригунов К.С. (2023) Фейки: траектория лжи. Информационный фронт специальной военной операции. М.: Горячая линия – Телеком. 272 с.

Петров А.П.Ч., Прончев Г.Б. (2022) Гибридная война против России в контексте специальной военной операции по денацификации и демилитаризации Украины (анализ и математическое моделирование) // Вопросы политологии. Т. 12. № 11. С. 3647–3667.

Стригунов К.С., Манойло А.В. (2022) Фейковые новости и технология превентивной делегитимизации выборов // Гражданин. Выборы. Власть. № 2. С. 98–109.

Шатилов А.Б. (2022) Информационное и PR-сопровождение специальной военной операции России на Украине: основные тренды и уроки первого этапа // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. Т. 12. № 4. С. 71–76.

Apuke O.D., Omar B. (2021) Fake News and COVID-19: Modelling the Predictors of Fake News Sharing among Social Media Users // Telematics and Informatics. No. 56.

Clack T., Johnson R. (2021) The World Information War. Western Resilience, Campaigning, and Cognitive Effects. Abingdon: Routledge. 316 p.

Hoffman F.G. (2007) Conflict in the 21st Century: The Rise of Hybrid Wars. Arlington: Potomac Institute for Policy Studies. 72 p.

Johnson R. (2018) Hybrid War and Its Countermeasures: A Critique of the Literature // Small Wars & Insurgencies. Vol. 29. No. 1. Pp. 141–163.

Miller C. (2019) Inside the Information Wars // New Scientist. Vol. 244. No. 3252. Pp. 38–41.

Nadolski M., Fairbanks J. (2019) Complex Systems Analysis of Hybrid Warfare // Procedia Computer Science. Vol. 153. Pp. 210–217.

Prier J. (2017) Commanding the Trend: Social Media as Information Warfare // Strategic Studies Quarterly. No. 11. Pp. 50–85.

Zimmer F., Scheibe K., Stock M., Stock, W.G. (2019) Fake News in Social Media: Bad Algorithms or Biased Users? // Journal of Information Science Theory and Practice. No. 7. Pp. 40–53.

REFERENCES

- Ahmadeev K.N., Bresler M.G., Manojlo A.V. (2021) Effektivnost' fake news kak instrumenta informacionnoj vojny v vosprijati ipokolenija Z [The Effectiveness of Fake News as a Tool of Information Warfare in the Perception of Generation Z]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*. no. 3, pp. 8–32.
- Apuke O.D., Omar B. (2021) Fake News and COVID-19: Modelling the Predictors of Fake News Sharing among Social Media Users. *Telematics and Informatics*. no. 56.
- Brodovskaja E.V., Dombrovskaja A.Ju., Pyrma R.V. (2020) Diskursy vneshnego informacionnogo davlenija v Krymskom i Sevastopol'skom segmentah Runeta: osobennosti, adresaty, konfliktogennyj potencial [Discourses of External Information Pressure in the Crimean and Sevastopol Segments of the Runet: Features, Addressees, Conflict Potential]. *Politicheskaja nauka*. no. 3, pp. 243–265.
- Brodovskaja E.V., Lukushin V.A., Davydova M.A. (2022) Vektory razvitiya jelektoral'nyh ustanovok rossijskoj molodezhi: rezul'taty kognitivnoj instrumental'noj diagnostiki [Vectors of Development of Electoral Attitudes of Russian Youth: Results of Cognitive Instrumental Diagnostics]. *Vlast'*. no. 3, pp. 80–84.
- Clack T., Johnson R. (2021) *The World Information War. Western Resilience, Campaigning, and Cognitive Effects*. Abingdon: Routledge. 316 p.
- Hoffman F.G. (2007) *Conflict in the 21st Century: The Rise of Hybrid Wars*. Arlington: Potomac Institute for Policy Studies. 72 p.
- Johnson R. (2018) Hybrid War and Its Countermeasures: A Critique of the Literature. *Small Wars & Insurgencies*. vol. 29, no. 1, pp. 141–163.
- Konyshov V.N., Parfenov R.V. (2019) Gibridnye vojny: mezhdumifom i real'nost'ju [Hybrid Wars: Between Myth and Reality]. *Mirovaja ekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*. vol. 63, no. 12, pp. 56–66.
- Lihacheva Je.V., Nikolaeva L.P., Ognev A.S., Ogneva A.A., Ogneva N.A. (2022) Ispol'zovanie elementov kognitivno-povedencheskoj terapii dlja povyshenija effektivnosti vizual'nogo kineticheskogo modelirovanija [Using Elements of Cognitive Behavioral Therapy to Improve the Efficiency of Visual Kinetic Modeling]. *Chelovecheskij kapital*. no. 8, pp. 160–165.
- Malkov S.Ju., Kovalev V.I., Korotaev A.V. (2021) O matematicheskom modelirovanii ustojchivosti funkcionirovanija social'no-jekonomicheskikh sistem [On Mathematical Modeling of the Stability of the Functioning of Socio-Economic Systems]. *Informacionnye vojny*. no. 1, pp. 31–43.
- Manojlo A.V. (2021a) Informacionnaja vojna i novaja politicheskaja real'nost' (I) [Information War and New Political Reality (I)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*. no. 1, pp. 100–132.
- Manojlo A.V. (2021b) Informacionnaja vojna i novaja politicheskaja real'nost' (II) [Information War and New Political Reality (II)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*. no. 2, pp. 110–148.
- Manojlo A.V., Petrenko A.I., Rozhin B.A., Strigunov K.S. (2023) *Fejki: traektorija lzhi. Informacionnyj front special'noj voennoj operacii* [Fakes: The Trajectory of Lies. Information Front of the Special Military Operation]. Moscow: Gorjachaja Linija – Telekom. 272 p.
- Miller C. (2019) Inside the Information Wars. *New Scientist*. vol. 244, no. 3252, pp. 38–41.
- Nadolski M., Fairbanks J. (2019) Complex Systems Analysis of Hybrid Warfare. *Procedia Computer Science*. vol. 153, pp. 210–217.
- Petrov A.P.Ch., Pronchev G.B. (2022) Gibridnaja vojna protiv Rossii v kontekste special'noj voennoj operacii po denacifikacii i demilitarizacii Ukrainy (analiz i matematicheskoe modelirovanie) [Hybrid War against Russia in the Context of a Special Military Operation for the Denazification and Demilitarization of Ukraine (Analysis and Mathematical Modeling)]. *Voprosy politologii*. vol. 12, no. 11, pp. 3647–3667.
- Prier J. (2017) Commanding the Trend: Social Media as Information Warfare. *Strategic Studies Quarterly*. no. 11, pp. 50–85.

Shatilov A.B. (2022) Informacionnoe i PR-soprovozhdenie special'noj voennoj operacii Rossii na Ukraine: osnovnye trendy i uroki pervogo jetapa [Information and PR Support of Russia's Special Military Operation in Ukraine: Main Trends and Lessons of the First Stage]. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*. vol. 12, no. 4, pp. 71–76.

Strigunov K.S., Manojlo A.V. (2022) Fejkovyje novosti i tehnologija preventivnoj delegitimizacii vyborov [Fake News and the Technology of Preventive Delegitimization of Elections]. *Grazhdanin. Vybory. Vlast'*. no. 2, pp. 98–109.

Zimmer F., Scheibe K., Stock M., Stock, W.G. (2019) Fake News in Social Media: Bad Algorithms or Biased Users? *Journal of Information Science Theory and Practice*. no. 7, pp. 40–53.

Информация об авторе

Лукушин Владимир Андреевич, научный сотрудник Отдела глобальных проблем Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук. Адрес: 117418, Россия, Москва, Нахимовский пр-кт, д. 51/21. Исследователь Центра политических исследований Института гуманитарных технологий и социального инжиниринга Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. Адрес: 125167, Россия, Москва, Ленинградский пр-кт, д. 49/2. E-mail: valukushin@fa.ru

About the author

Vladimir A. Lukushin, Research Fellow, Department of Global Issues, Institute of Scientific Information on Social Sciences of Russian Academy of Sciences (INION RAS). Address: 117418, Russia, Moscow, Nakhimovskiy Prospect, 51/21. Researcher, Center for Political Studies, Institute of Humanitarian Technologies and Social Engineering, Financial University under the Government of the Russian Federation. Address: 125167, Russia, Moscow, Leningradskiy Prospect, 49/2. E-mail: valukushin@fa.ru

Статья поступила в редакцию/Received: 13.03.2023

Статья поступила после рецензирования и доработки/Revised: 07.05.2023

Статья принята к публикации/Accepted: 06.06.2023

УДК 101.1:316

DOI: 10.31857/S0869049923030061
EDN: GIKAEEM

Оригинальная статья/ Original article

Проблема коммуникации в обществе риска: вызовы медиареальности

© Д.Г. КУКАРНИКОВ, Н.А. ГАРШИН

Кукарников Дмитрий Германович, Воронежский государственный университет (Воронеж, Россия), kukarnikoff@yandex.ru. ORCID: 0000-0001-6522-1355

Гаршин Николай Александрович, Воронежский государственный университет (Воронеж, Россия), garshnick@mail.ru. ORCID: 0000-0003-4743-5047

Рассмотрены философские основания анализа социальной коммуникации в обществе риска. Изучены как позитивные, так и негативные стороны воздействия развития медиа и нарастания мультипликативных рисков в обществе, катализатором которых стала пандемия, на коммуникацию в современном мире. С опорой на работы российских и западных философов (в частности, представителей Франкфуртской школы) рассмотрено влияние деформации толерантности на различные социальные структуры. Сделан вывод, что важно критически оценивать действия и в реальном мире, и в виртуальном пространстве. Крайне неосторожно высказанное неоднозначное мнение или выполненное действие могут вызвать непредвиденные последствия.

Ключевые слова: социальная коммуникация, общество риска, медиадискурс, толерантность, Франкфуртская школа, фейковая информация, методология социальных наук

Цитирование: Кукарников Д.Г., Гаршин Н.А. (2023) Проблема коммуникации в обществе риска: вызовы медиареальности // Общественные науки и современность. № 3. С. 83–93. DOI: 10.31857/S0869049923030061, EDN: GIKAEEM.

Communication Problem in Risk Society: Challenges of the Media Reality

© D. KUKARNIKOV, N. GARSHIN

Dmitriy G. Kukarnikov, Voronezh State University (Voronezh, Russia), kukarnikoff@yandex.ru.
ORCID: 0000-0001-6522-1355

Nikolai A. Garshin, Voronezh State University (Voronezh, Russia), garshnick@mail.ru. ORCID:
0000-0003-4743-5047

Abstract. Philosophical foundations for the analysis of social communication within the risk society are studied. The development of media and the multiplication of risks in modern society, multiplied by the impact of the pandemic, impact communication in the modern world. Both positive and negative aspects of the impact of technology on communication are revealed. The influence of the deformation of tolerance on various social structures is studied, based on the works of Russian and Western philosophers (representatives of the Frankfurt School in particular). It is concluded that critical attitude to one's actions is extremely important today both in the real world and in virtual space, since consequences of carelessly expressed ambiguous opinions or actions can cause unpredictable consequences.

Keywords: social communication, risk society, media discourse, tolerance, Frankfurt School, fake information, social science methodology

Citation: Kukarnikov D.G., Garshin N.A. (2023) Communication Problem in Risk Society: Challenges of the Media Reality. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 83–93. DOI: 10.31857/S0869049923030061, EDN: GIKAEEM.

Многие авторы характеризуют современное общество как общество риска. Феномен риска начали изучать еще во второй половине XIX – начале XX в., первоначально в точных науках – математике, статистике и затем экономике. Приблизительно к 1960-м гг. данная категория оказалась в центре внимания и социальных наук. Сегодня риск считают одной из популярных тем в исследованиях общества на стыке XX и XXI вв. Интерес обусловлен необходимостью анализа как современных социальных процессов, так и тенденций и перспектив их развития.

Сам термин «общество риска» в 1986 г. предложил немецкий социолог У. Бек [Бек 2000]. Он считал, что производство материальных и социальных благ в современном обществе сопровождается риском в условиях нарастания глобальных угроз и опасностей. Его теорию развивали в своих трудах Э. Гидденс, Б. Тернер, М. Дуглас, Н. Луман и другие мыслители. Каждый из них ставил акцент на различных аспектах общества риска. Так, У. Бек считает его новой ступенью общества модерна, в котором логика производства рисков превалирует над логикой производства богатства, характерной для индустриального общества. Английский социолог Э. Гидденс анализировал данное понятие в контексте его взаимосвязи с феноменами «модернити» и «радикализованная модернити». Его немецкий коллега Н. Луман предлагает системную теорию риска, отталкиваясь от понимания общества как аутопойетической, самоорганизующейся системы.

Во всех названных теориях риск имеет общие характеристики: 1) отсутствие обусловленности современных рисков прошлым и их тесная связь с настоящим и будущим; формирование нового типа философии истории, который отличается от традиционных концепций (в них всегда присутствуют прошлое, настоящее и будущее); 2) более высокая степень неопределенности (или возрастание неопределенности) как ключевая харак-

теристика общества риска – невозможно предсказать не только позитивный, но и негативный сценарий развития, которое напрямую зависит от принятого в настоящем решения. Основным фундаментальным признаком неопределенности – неоднозначность направления происходящих изменений. Неопределенность имманентно содержит в себе риск, так как неправильный выбор стратегии ее упорядочивания, структурирования может вызвать ущерб [Гаршин, Кукарников 2019].

Современное общество открывает перед личностью новые возможности, однако одновременно требует решать проблемы возрастания рисков, возникающих перед ним. Индивид должен уметь выживать в условиях их накопления, примиряться с ними и учитывать их как новый фактор при планировании своей деятельности. Многие теории общества риска анализируют конкретные обстоятельства, под воздействием которых накапливаются и приумножаются риски: экономические, социокультурные, экологические, эпистемологические и др. Особое место среди них занимают риски, связанные с процессом коммуникации.

Предмет данной статьи – коммуникация в условиях общества риска. Важно понять, какие проблемы и риски связаны с коммуникацией в современном мире. Особую актуальность приобретает анализ деформации толерантности в контексте коммуникации между различными субъектами – как физическими и юридическими лицами, так и политико-правовыми образованиями.

Новые технологии и изменение характера коммуникации

В современном обществе формируются глобальное информационное и коммуникационное пространства. Они отличаются от информационного общества «третьей волны», которое описывал американский философ Э. Тоффлер [Тоффлер 1999]. Теперь смыслообразующим элементом общества выступает не сама информация, а коммуникация – трансляция информации. Неспрогнозированные, непредупрежденные и неуправляемые коммуникационные риски могут представлять значительную угрозу для безопасной и продуктивной коммуникации.

Анализируя специфику и характер взаимодействий в современном обществе, следует признать, что за последние 20 лет коммуникация приобрела новые черты, которые значительно отличают ее от предыдущего опыта человечества. Однозначную оценку изменениям дать непросто. Если отмечать лишь позитивные или негативные тенденции, реальная картина будет сознательно искажена в результате подгонки аргументов под заготовленный ответ. Более того, значительные изменения уже произошли, и их влияние на социальные процессы будет только усиливаться.

В частности, трансформация заметна уже на уровне языка, который под влиянием переноса основной части коммуникации в Интернет становится более функциональным и упрощенным, причем не только в интернет-пространстве, но и в реальном мире. Структура коммуникации становится обрывчатой и машиноподобной. Возникают сомнения в том, что при развитии технологий мы «очеловечим» машину, а не, наоборот, сами начнем все больше походить на роботов, выполняющих определенный функционал. В силу воздействия медиа на сознание человека меняется и сама специфика восприятия информации. Глаз человека стал активнее и быстрее реагировать на визуальную информацию, привыкнув к интенсивному режиму взаимодействия с гаджетами. Однако неясно, к каким последствиям приведет это изменение. При ускорении восприятия снижается внимательность и осмысление контента, что в дальнейшем может сказаться и на понимании окружающей среды.

Наконец, даже интерфейс различных программ способен задавать определенные способы коммуникации в Интернете, которые затем переносятся в реальную жизнь. Так, сравнивая социальные сети Facebook¹ и ВКонтакте, российские исследователи Е.В. Масланов и А.М. Фейгельман приходят к выводу, что «интерфейс самой популярной российской социальной сети – VK (ВКонтакте)... способствует личному общению – как дружескому, так и деловому. Пользователь легко может приложить к сообщению почти любой контент – аудио, видео, фото, текстовый документ, а потом найти его в случае необходимости» [Масланов, Фейгельман 2020, 79]. В данном случае не столь важны частности – какая социальная сеть задает те или иные тренды в личностном и групповом взаимодействии. Ключевой фактор заключается в том, что по своей сути служебная, утилитарная программа, сайт или иной ресурс значительно влияют на мировосприятие, речь и даже подбор круга общения.

Не менее важны и позитивные изменения от новых технологий. Никогда прежде в человеческой истории не было возможности установить личный контакт с представителем другой нации и культуры с такой легкостью. Именно личное взаимодействие помогает избежать воздействия мифов, которые осознанно или неумышленно воспроизводят медиа и сама культура в виде стереотипов, анекдотов и т. п.

Медиареальность и медиадискурс

Под медиареальностью имеется в виду особая форма социальной реальности, в рамках которой через медиа создается особое культурно-смысловое пространство. Оно может подменить собой объективную реальность, поскольку представления о феноменах могут сливаться с оценками самих феноменов. По мнению Н. Лумана, «все, что мы знаем о нашем обществе и даже о мире, в котором живем, мы узнаем через массмедиа. Это относится не только к знанию общества и истории, но и к знанию природы. Мы узнаем о стратосфере так же, как Платон узнавал об Атлантиде: “люди говорят то-то и то-то”... С другой стороны, о самих массмедиа мы слышали такого, что не можем доверять этому источнику. Мы сопротивляемся их воздействию, подозревая, что нами манипулируют, но по существу это ничего не меняет, потому что знания, полученные нами из массмедиа, словно сами собой складываются в замкнутый каркас, элементы которого укрепляют друг друга» [Луман 2005]. С течением времени физическая и виртуальная реальности срастаются, и происходящие в них процессы начинают активно влиять друг на друга. Таким образом, возникает диалектика их взаимодействия: отражая физическую реальность, виртуальная обратным образом воздействует на нее посредством медиа. Следовательно, медиареальность представляется как тип (вид) виртуальной реальности, который отличается от других ее типов и по-своему влияет на познание объективной действительности в реальной среде.

Медиареальность формирует медиадискурс, субъектом которого сегодня может стать физическое лицо, не наделенное властными или экономическими ресурсами. Возникло понятие «лидер мнений» – субъект, который своим поведением в медиасреде порождает новое мнение или оценку даже привычных феноменов, распространяя их в массы. Однако и в современном мире крупные ТВ- и радио-ресурсы по-прежнему существенно влияют на социальные процессы и остаются значимыми субъектами медиареальности, воздействуя на объект – общественное сознание. В нем формируются новые идеи и псевдоидеоло-

---

¹ Компания Meta, материнская компания Facebook, признана в РФ экстремистской организацией, ее деятельность запрещена – прим. ред.

гии (мимикрирующие под классические идеологии, но не обладающие ни теоретической базой, ни системностью, ни категориальным аппаратом и связями в нем). Они воздействуют на конкретных индивидов и сообщества, коммуницирующих между собой, меняя коммуникативную сферу как политической системы, так и общества в целом. В то же время представители властных структур могут использовать медиа не только для того, чтобы доносить информацию массам, но и манипулировать ими.

Происходят также попытки выделить владельцев и сотрудников СМИ и медиа в отдельную элитную группу наряду с политическими, экономическими и культурными [Стариков 2005]. Вместе с тем социальная реальность расслаивается на определенные уровни. Так, американский антрополог А. Аппадурай, исследуя феномен воображаемых миров [Аппадурай 1996], отмечал, что медиареальность становится определенным пластом, который занимает важное место в структуре социального бытия. Коммуникация и генерируемые в ее рамках культурные потоки формируют как у элит, так и у масс определенную картину мира. Исходя из нее, они принимают решения, с которыми тесно связана возможность возникновения рисков.

Мультипликация рисков в современном обществе

Характеристика современного общества как общества риска означает, что в нем всякое действие или бездействие будет сопровождаться многократным воспроизводством рисков. Притом зачастую даже сам актер, начав процесс, приведший к росту рисков, не может контролировать его. Более того, он, как правило, даже не догадывается о последствиях своих действий. Например, мало кто мог ожидать столь бурной реакции на гибель Дж. Флойда в 2020 г., – трагичный и неприятный, однако далеко не уникальный инцидент. Тем не менее, он вызвал масштабные протесты темнокожего населения.

Н. Луман тесно связывает общество риска, медиа и коммуникацию, что нашло отражение в его структурном анализе и системной теории. Так, в работе «Понятие риска» [Луман 1994] автор замечает, что история данного термина подробно еще не изучена.

Следует отметить, что каждая отрасль занимается отдельными видами риска, характерными именно для нее. Данная особенность затрудняет поиск некоего инварианта – краеугольного камня в понимании сущности риска. Вопрос носит междисциплинарный характер и может быть решен только при условии обеспечения продуктивной коммуникации между разными научными институтами, которые занимаются этой проблематикой. Теоретический концепт Ф. Бэкона об идолах рынка наглядно иллюстрирует такую ситуацию.

Нарушение коммуникации приводит к разрыву социальных связей, что в конечном счете из-за хаотичности потока информации в медиа ведет к деградации социальной системы. Именно коммуникация, по сути, обеспечивает воспроизводство общества как системы в новых вариациях при сохранении общей структуры. Более того, очевидно, что угроза риска иногда приводит к попыткам отказа от коммуникации. Такая ситуация может снизить способность системы к исполнению своего функционала, в том числе в части саморегуляции и адаптивности, т. е. привести к тому, что Р. Мертон называл дисфункцией [Мертон 2005]. Таким образом, коммуникативные нарушения угрожают стабильности всей системы, создавая новые риски. К примеру, один из классических исследователей проблемы риска Э. Гидденс обращает внимание на то, как социальные трансформации влияют на систему мировой политики [Гидденс 1994]. Взаимодействие стран в союзах затрудняется из-за того, что при увеличении количества заинтересованных субъектов образуются многочисленные новые риски. В своей работе «Неспокой-

ный и могущественный континент: что ждет Европу в будущем?» Э. Гидденс отмечает: «В сентябре 2006 г. МВФ сообщил, что мировая экономика находится в прекрасной форме, хотя некоторые поводы для беспокойства еще имеются. Спустя всего каких-то 12 месяцев на мир обрушился самый масштабный после кризиса 1930-х годов экономический кризис» [Гидденс 2015].

Следует отметить что в современном мире, во-первых, при наступлении рисков возрастает неопределенность, то есть снижается даже гипотетическая возможность прогнозировать возможные сценарии развития (событий) в долгосрочной перспективе, что само по себе представляет определенный риск. Во-вторых, прежде сравнительно независимые группы рисков сливаются в единую систему, где каждый из них способен спровоцировать риски в иной сфере. Данный аспект касается уже не только экономики и политики, но и репутационных, информационных и иных видов риска. Даже профессиональные политики не могут знать, что и когда вызовет новую волну кризисных явлений, станет их «спусковым крючком». Кроме того, члены политических союзов теперь вынуждены преодолевать риски в отношениях между собой, поскольку цель этих союзов, как правило, заключается в том, чтобы решить некие общие задачи, которые не всегда совпадают с интересами их участников, что порождает новые риски. В обществе риска такое положение дел приводит к фактической формализации любых союзов, превращая их из подлинных и полноценных игроков на политической арене в носителей неких «деклараций о намерениях». Так, говоря о ЕС, Гидденс пишет: «Лидеры крупных стран часто пытаются угнаться за двумя зайцами. Они заявляют о своих общеевропейских интересах, однако на деле на первом месте для них стоят интересы конкретного государства» [Гидденс 2015].

В условиях медиадискурса новые риски могут возникнуть из-за одного неверно интерпретированного слова или «картинки». Как справедливо указывает С.С. Васильев, «в силу своей специфики СМИ не знают ни демографических, ни социальных, ни национальных границ своего действия, обеспечивая тем самым взаимосвязь народов и культур, представляя собой средство формирования целостного представления о мире. Выступая вещественным компонентом коммуникативного процесса, СМИ выражают собой способ передачи, хранения и распространения культурных ценностей в обществе. В то же время специфика воздействия СМИ на человека заключается в том, что в отличие от информации, получаемой в межличностном общении, информация в СМИ проходит отбор, классификацию фактов и явлений общественной жизни, то есть является организованной, структурированной. В результате человек получает интерпретацию информации» [Васильев 2009, 44]. Таким образом, человек становится зависим от того, какую информацию выбирают медиа, которые играют все большую роль в определении повестки. Индивид узнает не столько о самой реальности, сколько о ее отфильтрованном и отсортированном варианте. Активность различных субъектов в медиа сегодня столь велика, что часть населения начинает воспринимать участие в медиа-процессах как ключевой способ защиты своих прав и свобод. Подобный тренд поддерживают (осознанно или нет) и официальные власти, которые переносят все больше услуг и общественно значимых действий в онлайн-режим.

Следует отметить, что в этом отношении Россия занимает передовые позиции в мире. В частности, онлайн-голосование на выборах, которое активно применяется в России, также можно встретить лишь в Эстонии – стране со значительно меньшей численностью населения. Однако в результате стремительного роста использования технологий возрастают и риски, поскольку всякая новация требует адаптации и формирования соответствующих социальных норм. Особенно ярко данная проблема проявляется в вопросе доверия

к новым технологиям и любым инновациям у населения. Отсутствие социального доверия в политической сфере ставит под угрозу нормальное функционирование демократических социальных институтов. Как отмечает И. Крастев: «...Сегодня же индивид либо воспринимает свою свободу как само собой разумеющуюся, либо верит, что он может ее защитить при помощи клика мышки или иска против правительства. То, чему мы оказываемся свидетелями, является не концом демократии, но, скорее, ее радикальной трансформацией» [Крастев 2014, 28]. Таким образом, изменения в медиадискурсе затрагивают реально существующие социальные институты и отношение к ним.

Вызовы медиареальности приобрели особую значимость с началом пандемии коронавируса, когда практически вся деловая и социальная активность переместилась в онлайн-режим. Обилие социальных контактов в Интернете, отсутствие чувства должной ответственности за размещенные там материалы вкупе с психологической напряженностью и неопределенностью затрудняют диалог как между отдельными личностями, так и между социальными группами и даже государствами.

Трансформация принципа толерантности в европейской культуре

Напряженность усиливается в результате деформации толерантности, которая считается одной из ключевых ценностей культуры, в частности европейской, и, соответственно, регулирует самые разные общественные отношения. Коммуникация, которая на протяжении многих лет выстраивалась на принципах взаимного уважения и диалога, механизмуется и упрощается в медиaprостранстве. В результате она зачастую становится токсичной, поскольку нарушается ключевой принцип толерантности – право на толерантность имеет лишь толерантный человек. Когда этот принцип попирают, толерантность отчуждается от своего носителя, противостоит ему. Складывается парадоксальная ситуация: толерантный человек сам испытывает к себе интолерантное отношение в силу собственной толерантности. О рисках подобного положения дел в разное время писали и отечественные, и западные философы. Так, российский публицист К.С. Аксаков уже в XIX в. говорил, что интолерантный человек не имеет права на толерантное к себе отношение. В своей работе «О современном человеке» он пишет: «Нарушающий исповедание не может быть в обществе, основанном непременно на общем единстве исповедания. Удерживать в общественном союзе человека, нарушающего его основу, – значит соглашаться на нарушение самой основы и, следовательно, отказываться от нее, то есть от самого исповедания. Итак, человек, нарушающий нравственную основу общества, не может быть терпим в этом обществе и должен быть из него исключен. Здесь вовсе нет суда над душою человека, над личным его достоинством даже, но только над ним как над лицом общественным, ибо он виноват как общественный человек» [Аксаков 2009, 286].

Ему вторит немецкий и американский философ и социолог Г. Маркузе. Рассматривая проблему толерантности, представитель Франкфуртской школы замечает, что она сама становится источником притеснений и манипуляций вместо того, чтобы защищать права человека, давать ему возможность быть собой без притеснений. Анализируя трансформацию данной ценности в своей работе «Репрессивная толерантность», он пишет: «Такого рода толерантность лишь усиливает тиранию большинства, против которой был направлен протест подлинных либералов. Политический смысл толерантности изменился: поскольку она почти незаметно стала принципом власти, а не оппозиции, она превратилась в форму обязательного поведения по отношению к официальной политике. Толерантность превра-

тилась из активного состояния в пассивное, из практики – в бездеятельность...» [Маркузе 2011, 100–101].

Такие изменения приводят к тому, что полноценный диалог становится затруднительным. Коммуникации переходят не в сотрудничество, а в конфронтацию, общее состояние дел в социальном пространстве лишь ухудшается. Рост конфронтации, чувство неопределенности и кризис доверия вкупе с деформацией толерантности пробуждают интерес к пропаганде в худшем ее проявлении – сознательном формировании социальных мифов и их распространении через медиа в виде fake news. В результате массам все сложнее принимать иную точку зрения, что значительно снижает перспективы полноценного сотрудничества. Особенно проблемно данная тенденция проявлялась в условиях пандемии, когда привычный социальный уклад и без того был нарушен и часть действий перешла в онлайн-формат. Мало того, сама пандемия представляет собой фактор, который разобщает сообщество как на локальном, так и на международном уровнях.

Рассматривая данную проблему в своей работе «Панмедиа. Covid-19, люди и политика», российский философ А.Ю. Недель пишет, что раньше для решения проблемы общество должно было объединиться, то теперь, наоборот, мы должны разделиться. Социальная дистанция означает не только физическое расстояние между людьми. Она распространяется и на личностное общение, а также эмпатию: мы все больше замыкаемся на себе и своей культуре, утрачивая и искажая связи в мире в целом [Недель 2020, 17]. В современном мире значительно возрастает подозрительность, чему в немалой степени способствует широкое и зачастую вполне осознанное распространение фейковой информации в Интернете. Ситуацию усугубляет огромная скорость распространения фейков в медиасреде. Повсеместное развитие практик манипуляций общественным сознанием разрушает общество. «Они сеют панику, направляют общество на поиск ложных врагов, подстрекают к беспорядкам, обманывают потребителей, дестабилизируют аудиторию, формируют ощущение тревоги и неопределенности», – отмечают российские исследователи И.А. Стернин и А.М. Шестерина [Стернин, Шестерина 2020, 3].

Кроме того, сегодня медиа превращаются в ключевой источник и способ распространения произведений искусства. Ранее для соприкосновения с ним нужно было посещать концерты, кинотеатры, однако теперь многие произведения искусства доступны в онлайн-формате. Данная трансформация тоже выступает источником риска. Расширение доступа к искусству в целом следует оценивать позитивно, однако его некорректная интерпретация может привести к неожиданным последствиям. В качестве примера можно привести публикацию журналом «Шарли Эбдо» провокационной карикатуры на пророка Мухаммеда в январе 2015 г. Даже если не относить карикатуру к произведениям искусства – тем более что она имела религиозный подтекст – редакция поступила некорректно. Однако реакция на нее в виде террористического акта, повлекшего за собой смерть 12 человек, была несоразмерна совершенному деянию. Аналогичные проблемы могут возникнуть и с другими произведениями культуры. Их могут воспринять в качестве призыва к агрессии, унижению и т. п. В такой ситуации особую роль играет киберэтика как новое ответвление классической философской дисциплины. Российская исследовательница В.Л. Алиханова, описывая проблемы с пониманием искусства в современном мире, пишет: «Искусство и его оценка попадают в зависимость не от профессионалов, а от дилетантов, оценка которых будет основана не на знаниях и научных критериях, а на личном опыте, а то и просто на настроении. Образуется многослойная, многообразная публика, использующая одни социальные сети и потому подверженная массовым манипуляциям, массовому заражению» [Алиханова 2019, 52].

* * *

Таким образом, в условиях общества риска даже самое позитивное и гуманистическое начинание может привести к возрастанию рисков и социальной напряженности, чреватой кризисами. Технологизация коммуникации представляет собой неоднозначное явление, которое имеет и позитивные, и негативные проявления. На состояние коммуникации влияет множество факторов, которые образуют своеобразную систему. В данной системе риски мультиплицируются особенно активно, поэтому крайне важно критично относиться к действиям не только в реальном мире, но и в виртуальном пространстве. Сегодня неосторожно высказанное мнение или выполненное действие может иметь непредвиденные последствия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аксаков К. С. (2009) О современном человеке. М.: Институт русской цивилизации. С. 238–297.
- Алиханова В. Л. (2019) Проблема взаимодействия ценностей и искусства в эпоху цифрового «поворота» // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия «Философия». № 4. С. 47–54.
- Бек У. (2000) Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-традиция. 381 с.
- Васильев С. С. (2009) Механизмы и уровни внедрения мифа в массовое сознание: массмедиа как инструмент социального мифотворчества // Историческая и социально-образовательная мысль. Вып. 2. С. 37–47.
- Гаршин Н. А., Кукарников Д. Г. (2019) Постидеология и общество риска: системный анализ концептов // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия «Философия». № 2. С. 24–32.
- Гидденс Э. (2015) Европа: беспокойный и могущественный континент: что ждет Европу в будущем? М.: Изд. дом «Дело». 240 с.
- Гидденс Э. (1994) Судьба, риск и безопасность // THESIS. № 5. С. 107–134.
- Крастев И. (2014) Управление недоверием. М.: Европа. 123 с.
- Луман Н. (2005) Реальность массмедиа. М.: Праксис. 256 с.
- Луман Н. (1994) Понятие риска // THESIS. № 5. С. 135–160.
- Маркузе Г. (2011) Репрессивная толерантность // В: Критическая теория общества: Избранные работы по философии и социальной критике. М.: АСТ. С. 98–138.
- Масланов Е. В., Фейгельман А. М. (2020). Неявное знание в интернет-коммуникации: интерфейс как механизм производства неявного знания // Вестник Томского гос. ун-та. № 460. С. 77–83.
- Мертон Р. К. (2006) Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, Хранитель. 873 с.
- Недель А. Ю. (2020) Пандемия. COVID-19, люди и политика. СПб.: Алетейя. 320 с.
- Стариков А. Г. (2005) Взаимодействие элиты СМИ и политической элиты в политическом процессе современной России. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. полит. наук. Ростов-на-Дону. 197 с.
- Стернин И. А., Шестерина А. М. (2020) Маркеры фейка в медиатекстах. Воронеж: РИТМ. 34 с.
- Тоффлер Э. (1999) Третья волна. М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ». 784 с.
- Appadurai A. (1996) Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. Minneapolis. 248 p.

REFERENCES

- Aksakov K. S. (2009) *O sovremennom cheloveke* [About Modern Man]. Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii. Pp. 238–297.
- Alikhanova V. L. (2019) Problema vzaimodeistviya tsennosti i iskusstva v ehpokhu tsifrovogo «povorota» [The Problem of the Interaction of Values and Art in the Era of the Digital “Turn”]. *Vestnik Voronezhskogo gos. un-ta. Seriya «Filosofiya»*. no. 4, pp. 47–54.
- Appadurai A. (1996) *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis. 248 p.
- Bek U. (2000) *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu* [Risk Society. Towards a New Modernity]. Moscow: Progress-traditsiya. 381 p.
- Vasil'ev S. S. (2009) Mekhanizmy i urovni vnedreniya mifa v massovoe soznanie: massmedia kak instrument sotsial'nogo mifotvorchestva [Mechanisms and Levels of Myth Introduction into the Mass Consciousness: Mass Media as a Tool of Social Myth-Making]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*. issue 2, pp. 37–47.
- Garshin N. A., Kukarnikov D. G. (2019) Postideologiya i obshchestvo riska: sistemnyi analiz kontseptov [Post-Ideology and Risk Society: System Analysis of Concepts]. *Vestnik Voronezhskogo gos. un-ta. Seriya «Filosofiya»*. no. 2, pp. 24–32.
- Giddens E. (2015) *Evropa: nespokojnyj i mogushchestvennyj kontinent: chto zhdet Evropu v budushchem?* [Turbulent and Mighty Continent. What Future for Europe?]. Moscow: Izd. dom «Delo». 240 p.
- Giddens E. (1994) Sud'ba, risk i bezopasnost [Risk, Fate and Safety]. *THESIS*. no. 5, pp. 107–134.
- Krastev I. (2014) *Upravlenie nedoveriem* [Mistrust Management]. Moscow: Evropa. 123 p.
- Luman N. (2005) *Real'nost' massmedia* [The Reality of the Mass Media]. Moscow: Praksis. 256 p.
- Luman N. (1994) Ponyatie riska [The Concept of Risk]. *THESIS*. no. 5, pp. 135–160.
- Markuze G. (2011) Repressivnaya tolerantnost' [Repressive Tolerance]. In: *Kriticheskaya teoriya obshchestva: Izbrannye raboty po filosofii i sotsial'noi kritike*. Moscow: AST. Pp. 98–138.
- Maslanov E. V., Feigel'man A. M. (2020). Neyavnoe znanie v internet-kommunikatsii: interfeis kak mekhanizm proizvodstva neyavnogo znaniya [Implicit Knowledge in Internet Communication: Interface as a Mechanism for the Production of Implicit Knowledge]. *Vestnik Tomskogo gos. un-ta*. no. 460, pp. 77–83.
- Merton R. K. (2006) *Social'naya teoriya i social'naya struktura* [Social Theory and Social Structure]. Moscow: AST, Hranitel'. 873 p.
- Nedel' A. YU. (2020) *Pandemiya. COVID-19, lyudi i politika* [Pandemic. COVID-19, People and Politics]. Saint-Petersburg: Aleteiya. 320 p.
- Starikov A. G. (2005) *Vzaimodejstvie elity SMI i politicheskoy elity v politicheskom processe sovremennoj Rossii* [Interaction between the Media Elite and the Political Elite in the Political Process of Modern Russia]. Avtoref.dis. naseisk. uchen. step. kand. polit. nauk. Rostov-na-Donu. 197 p.
- Sternin I. A., Shesterina A. M. (2020) *Markery feika v mediatekstakh* [Fake Markers in Media Texts]. Voronezh: RITM. 34 p.
- Toffler E. (1999) *Tret'ya volna* [The Third Wave]. Moscow: OOO «Firma «Izdatel'stvo AST»». 784 p.

Информация об авторах

Кукарников Дмитрий Германович, кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой истории философии и культуры факультета философии и психологии Воронежского государственного университета. Адрес: 394018, Россия, Воронеж, Университетская пл., д. 1. E-mail: kukarnikoff@yandex.ru

Гаршин Николай Александрович, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры истории философии и культуры факультета философии и психологии Воронежского государственного университета. Адрес: 394018, Россия, Воронеж, Университетская пл., д. 1. E-mail: garshnick@mail.ru

About the authors

Dmitriy G. Kukarnikov, Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Head of the Department of History of Philosophy and Culture, Faculty of Philosophy and Psychology, Voronezh State University. Address: 394018, Russia, Voronezh, Universitetskaya sq., 1. E-mail: kukarnikoff@yandex.ru

Nikolai A. Garshin, Candidate of Sciences (Philosophy), Senior Lecturer, Department of History of Philosophy and Culture, Faculty of Philosophy and Psychology, Voronezh State University. Address: 394018, Russia, Voronezh, Universitetskaya sq., 1. E-mail: garshnick@mail.ru

Статья поступила в редакцию/Received: 02.06.2022

Статья поступила после рецензирования и доработки/Revised: 10.04.2023

Статья принята к публикации/Accepted: 06.06.2023

ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО POSTSOVIET SPACE

Оригинальная статья/ Original article

Историческая политика и мемориальная культура в Латвии в начале 2020-х гг.

© М.В. КИРЧАНОВ

Кирчанов Максим Валерьевич, Воронежский государственный университет (Воронеж, Россия), maksymkyrchanoff@gmail.com. ORCID: 0000-0003-3819-3103

Проанализирована политика памяти в Латвийской Республике в начале 2020-х гг. Изучены роль и место интеллектуальных сообществ в современной общественной и политической мысли Латвии. Такие сообщества выступают основными пространствами генезиса памяти, а также функционирования мемориальной культуры и коллективной исторической памяти. Новизна исследования заключается в изучении современного этапа в развитии исторической политики латвийского общества в контексте дефицита междисциплинарных исследований, сфокусированных на анализе мемориальных культур постсоветского пространства и выполненных на основе оригинальных источников на латышском языке. Показано, что: 1) интеллектуальное сообщество как один из системных сегментов современного латвийского общества существенно влияет на развитие и трансформацию мемориальной культуры, 2) спектр мемориальных практик латышских интеллектуалов варьируется от исторического ревизионизма до попыток формировать либеральный мемориальный канон, 3) мемориальные практики интеллектуального сообщества взаимосвязаны с развитием гражданского и этнического националистического дискурса, 4) участие интеллектуалов в мемориальной политике увеличивает политическую и идеологическую гетерогенность современного общества, содействуя параллельному развитию различных форм и измерений исторической памяти. Предполагается, что роль гражданского общества в исторической политике современной Латвии будет возрастать, а интеллектуальное сообщество останется активным участником политики коллективной памяти.

Ключевые слова: Латвия, коллективная память, интеллектуалы, историческая политика, войны памяти, культура памяти

Цитирование: Кирчанов М.В. (2023) Историческая политика и мемориальная культура в Латвии в начале 2020-х гг. // Общественные науки и современность. № 3. С. 94–108. DOI: 10.31857/S0869049923030073, EDN: GIKFFM.

Historical Policy and Memorial Culture in Latvia in the Early 2020s

© M. KYRCHANOFF

Maksym W. Kyrchanoff, Voronezh State University (Voronezh, Russia), maksymkyrchanoff@gmail.com. ORCID: 0000-0003-3819-3103

The politics of memory in the Latvian Republic in the early 2020s are analyzed. The role and place of intellectual communities is studied. These communities act as the main spaces of the genesis and functioning of memorial culture and collective historical memory in modern social and political thought in Latvia. The novelty of the study lies in the examination of the current stage in the development of the historical policy of the Latvian society in the context of a lack of original sources-based interdisciplinary works focused on the analysis of the memorial cultures of the post-Soviet space in Russian historiography. It is shown that: 1) as one of the systemic segments of modern Latvian society, the intellectual community significantly contributes to the development and transformation of memorial culture; 2) the range of memorial practices of Latvian intellectuals varies from historical revisionism to attempts to form a liberal memorial canon; 3) memorial practices of modern intellectual community are interconnected with the development of civil and ethnic nationalist discourse; 4) the participation of intellectuals in memorial politics actualizes the political and ideological heterogeneity of modern society, contributing to the parallel development of various forms and dimensions of historical memory. It is assumed that the role of the Latvian civil society in the historical politics of modern Latvia will increase, and the intellectual community will remain an active participant in collective memory policy.

Keywords: Latvia, collective memory, intellectuals, historical politics, wars of memory, culture of memory

Citation: Kyrchanoff M.W. (2023) Historical Policy and Memorial Culture in Latvia in the Early 2020s. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 94–108. DOI: 10.31857/S0869049923030073, EDN: GIKFFM.

Введение

Развитие современных государств как Восточной, так и Западной Европы невозможно представить без активного обращения правящих элит к символическим ресурсам – образам прошлого и национальной исторической памяти. Их используют для консолидации общества в условиях электоральных циклов и внешних вызовов и угроз, а также для легитимации политических элит и правящих групп, которые находятся у власти. Практически все современные европейские страны в большей или меньшей степени формируют историческую политику. Инструментами в данном случае выступают формальные и неформальные институты, которые от лица элит и общества обращаются к прошлому как к эффективному мобилизационному ресурсу.

Современная Прибалтика не стала исключением из этого правила. Страны региона активно занимаются политикой памяти или исторической политикой, направленной на интерпретацию прошлого. Соответственно, формируются и продвигаются образы национальной истории, которые соотносятся как с политическими предпочтениями элит, так и с векторами развития сложившихся национальных идентичностей этих обществ как государств-наций. К таким государствам относится и современная Латвийская Республика.

Политика памяти в странах Балтии различается незначительно: стратегии варьируются в зависимости от идеологической конъюнктуры государств, которая, как правило,

основана на ценностях и принципах национализма. Несмотря на общие черты в политике памяти, исторические манипуляции правящих элит в каждой стране этого региона обладают определенной спецификой и особенностями. Так, латышская историческая политика на современном этапе отличается рядом характеристик, которые существенно влияют на ее развитие при сложившемся в стране политическом режиме.

Статья сконцентрирована на проблемах исторической политики памяти в Латвийской Республике в начале 2020-х гг. Исследование ставит следующие задачи: изучить развитие и функционирование коллективной исторической памяти в современной Латвии через призму тем, которым отдается предпочтение; проанализировать модель восприятия исторического опыта и национальной истории Латвии в контексте сложившейся национальной идентичности; выявить особенности политики памяти в публичных пространствах современной Латвии; спрогнозировать развитие и дальнейшую трансформацию политики памяти в Латвии как в условиях европейской интеграции, так и в рамках модели национального государства.

Анализ политики памяти выступает приоритетной задачей современной российской историографии из-за целого ряда факторов. Во-первых, практически все общества в современном мире проводят политику памяти, в результате чего историки становятся вынужденными свидетелями политизации и идеологизации истории как науки. Во-вторых, обращение к истории и интерпретации стали эффективным мобилизационным и легитимационным ресурсом, что вынуждает научное сообщество реагировать на неакадемические формы ее толкования. В-третьих, историческая политика Латвийской Республики не только актуализирует общие тенденции, присущие манипуляциям прошлым, но и обладает национальными чертами, характерными только для латышских правящих элит, которые стремятся использовать прошлое для решения политических задач.

Как правило, действия по формированию политики памяти находятся в центре исследовательского внимания, однако ученые концентрируются на общих тенденциях и закономерностях исторической политики. Однако ее современная латышская версия менее изучена по сравнению со стратегиями других европейских стран по интерпретации прошлого. Также недостаточно внимания уделяется политически и идеологически мотивированному применению таких стратегий.

Политика памяти: историография и латвийские реалии

Политике памяти посвящен значительный объем литературы. Исследователи анализируют общие проблемы политически и идеологически мотивированной интерпретации истории, а также ее использование для легитимации политических режимов [Kyrchanoff 2022]. В целом, историческую политику воспринимают как проявление кризиса академической историографии, ее неспособности оперативно и эффективно реагировать на общественный запрос на познание истории. При таком восприятии историческую политику квалифицируют как элемент манипулирования, который используют для политической мобилизации [Лескинэн 2021]. Исследования, посвященные политике памяти, неизбежно выводят на передний план проблемы профессиональной этики и корпоративной ответственности исторического сообщества, которое втягивают в манипуляции фактами и интерпретациями событий [Miller 2016]. Данные процессы связаны не с потребностями развития истории как науки, а с ожиданиями правящих политических элит от использования прошлого как символического ресурса.

Анализируя историографию, посвященную политике памяти в Латвии, во внимание следует принимать и то, что манипуляции элит с историей считают одним из элементов

формирования современной политической идентичности [Forchtner 2016]. Кроме этого, в большинстве исследований утверждают, что активная идеологизация и политизация истории, ее последовательная интеграция в функционирование политической культуры содействует кризису исторического знания [Koposov 2017]. Данная тенденция ставит его в зависимость от идеологической и политической конъюнктуры, которая существенно влияет на развитие коллективной памяти.

Мемориальная культура Латвии изучена меньше, чем аналогичные явления и манипуляции в других регионах, из-за лингвистического барьера. Современная политика прошлого Латвийской Республики и дискурс коллективной исторической памяти преимущественно функционируют на латышском языке, что отсекает доступ к ним для значительной части российских историков. Тем не менее, отечественная научная литература рассматривает такие проблемы исторической политики, как виды формирования коллективной памяти [Дюков 2018] и функционирования соответствующей мемориальной культуры [Кирчанов 2019] в контекстах ее национальных особенностей и «войн памяти» [Зверев 2020].

При исследованиях исторической политики Латвии в современной историографии используют несколько интерпретационных моделей. Первая из них – нарративный и дискурсивный анализ [Gensburger, Lefranc 2020], посредством которого преимущественно изучаются тексты, формирующие и актуализирующие различные версии исторической памяти и представлений о прошлом [Keightley 2017].

В рамках такой интерпретационной модели историческая политика редуцируется до нарративов, которые производят и воспроизводят интеллектуалы как участники идеологически и политически мотивированных интерпретаций прошлого. Подобные нарративные стратегии анализа исторической памяти считаются универсальными, так как участники мемориальной политики формируют и предлагают свои представления о прошлом именно в пределах нарративных пространств. К ним можно отнести тексты, предназначенные для относительно массового читателя как потребителя и носителя памяти.

Вторая модель представляет собой визуальные исследования исторической политики, которые рассматривают визуализацию памяти в современных культурных пространствах общества потребления [Pickering, Keightley 2015]. Подобная форма анализа мемориальной культуры позволяет избегать крайностей и ограничений нарративного подхода, связанных с низведением памяти до дискурса. Тем не менее эта стратегия опасна из-за вероятности редукции исторической политики до визуальных проявлений поведения современного общества потребления – несмотря на то, что толкование прошлого этими методами не ограничивается.

Упомянутые модели обладают как сильными, так и слабыми чертами. Вместе с тем, они редуцируют множественные и разнообразные формы манипуляции историей до ее нарративного и визуального выражения в политической повестке правящих элит. Тем не менее описанные выше модусы изучения исторической политики получили определенное развитие в историографии и ставят перед исследователями ряд вопросов о применении «классических» теорий памяти. Последние развивали в своих работах французский философ М. Хольбвакс [Halbwachs 1925], историк П. Нора [Nora 2010] и немецкий культуролог А. Ассманн [Assmann 2010].

Актуальные для 2020–2023 гг. формы исторической политики памяти Латвии невозможно определить как «points de repère» М. Хольбвакса. Он считал «реперные точки» мемориальной культуры факторами консолидации сообщества. Однако в случае современной Латвии пересмотр подобных «точек», относительно четко локализуемых в географических пространствах (памятники, мемориальные доски, названия улиц) стимулирует не консолидацию, но фрагментацию памяти. Анализируемые в данной статье нарративы

санкционированы не социально, а, идеологически. Кроме этого, данные формы политики памяти нельзя описать через призму концепции «lieux de mémoire» П. Нора, так как нарративные конструкции, составляющие парадигму современной мемориальной культуры, локализуемой преимущественно на уровне политического дискурса, больше не соотносятся с реальным монументальным наследием прошлого, от которого современные элиты отказываются.

Мемориальная стратегия Латвийской Республики фактически игнорирует символичность и сакральность «lieux de mémoire», которые в данной статье понимаются как реальные пространства памяти, представленные существовавшими в городских пространствах Риги памятниками. Соответственно, стратегии развития и функционирования мемориальной культуры Латвии нельзя соотнести с идеальными моделями, описанными А. Ассманн. Ее концепция основана на примате диалога и примирения – память функционирует через призму травматического опыта. Однако реалии политики памяти в Латвии [Skultans 2002] указывают скорее на склонность элит к использованию дискурсивного выстраивания памяти. Исходя из сложившейся историографической ситуации, в представленной статье различные подходы синтезируются: в одинаковой степени использованы разные достижения современной междисциплинарной историографии исторической политики.

Особенности политики памяти в Латвии

Анализируя современные формы исторической политики в Латвии, во внимание следует принимать ее уникальные структурные и системные особенности, которые определяют использование истории как политического ресурса в этой балтийской стране.

Во-первых, мемориальная культура в современной Латвии гетерогенна – разнообразна содержательно и тематически. Несмотря на то, что большинство версий памяти консолидируются вокруг различных форм латышского национализма (от политического и гражданского до радикального этнического), агенты коллективной памяти в публичных пространствах воспроизводят различные точки зрения на прошлое.

Во-вторых, мемориальная политика в современной Латвии, как и в других странах, политизирована и подвержена влиянию различных политических идеологий. Одной из самых влиятельных можно считать латышский национализм. Идеологии воздействуют как на векторы и траектории развития исторического воображения, так и на способы отображения истории в публичных и общественных пространствах.

В-третьих, для исторической политики Латвии характерны определенные идеологические ограничения. Данная особенность проявляется, например, в активном использовании и продвижении советских нарративов. Они позволяют актуализировать историческую коллективную травму, полученную Латвией в результате советского периода. Последний в национальной идентичности определяют как «советская оккупация».

В-четвертых, проведение политики памяти в современной Латвии в значительной степени осложнено фрагментацией общества на граждан и «неграждан». Каждая из этих групп выступает носителем разных версий коллективной памяти. Вместе с тем интеграция Латвии в Европейский союз в определенной степени смягчила противоречия между двумя основными сообществами в Латвийской Республике. Латышская коллективная память была включена в более широкие европейские контексты, которые основаны не на этнической, а на политической и гражданской идентичности. Она использует иной механизм функционирования памяти, цель которого – не подчеркивать образы «Самости» и «Другости», а консолидировать общество на основе ценностей гражданской нации.

В-пятых, в современной Латвии формы институционализации исторической политики отличаются от аналогов в Центральной и Восточной Европе. В Латвии отсутствует официально учрежденный Институт исторической памяти. Его функции выполняет Музей оккупации и интеллектуалы, которые активно формируют различные образы коллективной памяти в публичных и общественных пространствах. Вместе с тем, в марте 2023 г. на государственном уровне признали необходимость учредить подобный институт, но эта идея к настоящему времени по-прежнему не воплощена.

Политика памяти как форма политическая реакция элит

Современная историческая политика в Латвии в значительной степени носит релятивистский и реакционный (реагирование на внешние стимулы-раздражители) характер. Данная особенность стала следствием постмодернистской методологии и ее ассимиляции латышскими интеллектуалами, а также зависимости акторов политики памяти от внешней конъюнктуры. Латышский историк Д. Блейере, комментируя сложившуюся ситуацию, подчеркивает, что мемориальная политика других стран «поставила вопрос об отношении СССР к национальным республикам как отношений метрополии и колоний»¹.

В такой ситуации коллективная историческая память становится конструктом, который позволяет преодолеть более ранний травматический опыт коллективной памяти [Assmann 2015]. В нем «нельзя проводить строгие границы между прошлым, настоящим и будущим. Прошлое сформировало нас, и мы формируем будущее нашими принятыми и не принятыми решениями, совершенными и несовершенными делами. Будущее тоже через какое-то время станет прошлым»². Лидеры современной Латвии также переняли понимание истории как социального конструкта. В сложившейся ситуации и политики, и интеллектуалы постепенно отказываются от видения «истории прошлых веков как только фактов прошлого, которые не отягощены дополнительными политическими смыслами, в то время как настоящее конструируется через свободную интерпретацию прошлого» [Акудович, Казакевич 2006, 45].

В исторической политике прошлое используют как символический ресурс для решения насущных политических задач, что наполняет его идеологическими смыслами. Так, публичные выступления президента готовят при участии профессиональных историков. Те, в свою очередь, утверждают, что «история никогда не бывает готовой и законченной... История творится вечно, и не только потому, что всегда есть новые периоды времени, которые нужно исследовать. Она меняется не только потому, что открываются новые факты в более ранние моменты времени, открываются новые предметы и новые исторические свидетельства. Оно изменчиво, потому что каждый из нас, или каждый из вас, историков, прикасается к истории и интерпретирует ее. Каждое новое поколение приходит со своим новым опытом, и взгляд этого поколения на свою историю и свои события накладывает отпечаток на то, как понимается история»³. Подобное понимание прошлого

¹ Laganovskis G. Padoņņu mantojumu varam saskaņāt visai paradoksālos veidos. LV portals. 2023. g. 24. martā. (<https://lvportals.lv/viedokli/350199-padomju-mantojumu-varam-saskatit-visai-paradoksalos-veidos-2023>).

² Grūbe G. Vēsturiskā atmiņa, latvieši un vēsturiskās impērijas. Saruna ar Gati Krūmiņu. Latvijas Radio. g. 28. februāris. (<https://lr1.lsm.lv/lv/raksts/brivibas-bulvaris/vesturiska-atmina-latviesi-un-vesturiskas-imperijas.-saruna-ar-g.a173468/>).

³ Levits E. Latvijas vēstures pētniecība pilnvērtīgi savus uzdevumus varēs pildīt tikai tad, ja valstij beidzot būs 21. gs. atbilstoša vēstures un atmiņu politika un finansējums. LV Portals. 2020. g. 15. septembrī. (<https://lvportals.lv/dienaskartiba/319876-e-levits-latvijas-vestures-petnieciba-pilnvertigi-savus-uzdevumus-vares-pildit-tikai-tad-ja-valstij-beidzot-bus-21-gs-atbilstosa-vestures-un-atminu-politika-un-finansejums-2020>).

в латвийской исторической политике усиливает манипуляции историей в тех обществах, которые активно используют «историческую память в создании общего прошлого и идеи единства, особенно важной для развития политического сообщества» [Brüggemann, Kasekamp 2008, 426].

Восприятие коллективной исторической памяти, которое открыто декларируют латвийские элиты, с одной стороны, в определенной степени имеет революционный характер. Правящие группы, как правило, склонны сохранять представления о прошлом, полагая, что стабильность коллективной памяти гарантирует и устойчивость режима. Политический класс Латвии, в свою очередь, использует пересмотр истории как форму собственной легитимации. С другой стороны, память относится к числу важных мобилизационных и легитимационных ресурсов, что признает и министр культуры Латвийской Республики Н. Пунтулис, подчеркивающий, что «историческая память – важнейшее оружие в борьбе за умы и души людей»⁴. Однако в академическом сообществе не понимают, почему «Латвийское государство не торопится сохранять, возвращать и укреплять свою историческую память в стране и за рубежом»⁵. Подобные точки зрения не только усиливают «противоречия между академическими и политическими мотивациями в изучении прошлого» [Coakley 2004, 533], но и содействуют расширению использования памяти для решения идеологических задач.

Власть как источник конструирования коллективной памяти

В то же время представители власти говорят о важности исторической памяти и декларируют свою заинтересованность в ее сохранении. Так, в 2020 г. президент Латвийской Республики Э. Левитс указывал на важность национальной консолидации, невозможной без «языка, культуры, традиций и объединяющей памяти, так как воспоминания об общей истории образуют особый тип социальной общности – общую судьбу. Ни одно государство не может существовать без своего глубокого исторического осознания, так как исторические события, их интерпретация составляют часть идентичности страны»⁶.

Власти склонны воспринимать прошлое в категориях национальной истории, что автоматически приближает его к политическому мифу. Профессиональные историки, также признавая важность исторической памяти, смотрят на проблему несколько иначе. Позицию академического сообщества в отношении памяти излагал, например, М. Минтаурс. Он подчеркивал, что «история не есть и не может быть прошлым, история – это лишь часть прошлого, о существовании которого мы знаем, потому что оно важно. Историки не только изучают прошлое, но и находят в нем историю, составляя ее образы в соответ-

---

⁴ Puntulis N. Fašisms un «rašisms» ir viena koka augļi. TV net. 2022. g. 30. maijs. (<https://www.tvnet.lv/7534259/puntulis-fasisms-un-rasisms-ir-viena-koka-augli>).

⁵ Nollendorfs V. Latvijas vēsturiskās atmiņas un demokrātiskās izglītības institūts: ideja un vajadzība. Latvijas Okupācijas Muzejs. 2023. g. 15. marts. (<https://okupacijasmuzejs.lv/lv/aktualitates/latvijas-vesturiskas-atminas-un-demokratiskas-izglitibas-instituts-ideja-un-vajadziba>).

⁶ Levits E. Latvijas vēstures pētniecība pilnvērtīgi savus uzdevumus varēs pildīt tikai tad, ja valstij beidzot būs 21. gs. atbilstoša vēstures un atmiņu politika un finansējums. LV Portals. 2020. g. 15. septembrī. (<https://lvportals.lv/dienaskartiba/319876-e-levits-latvijas-vestures-petnieciba-pilnvertigi-savus-uzdevumus-vares-pildit-tikai-tad-ja-valstij-beidzot-bus-21-gs-atbilstosa-vestures-un-atminu-politika-un-finansejums-2020>).

ствии со своими представлениями и запросом общества»⁷. Более того, ученый полагает, что коллективные представления о прошлом нужно конструировать, так как «историческая память не растет сама по себе на воле, ее необходимо создавать и поддерживать, как и любую часть культуры»⁸.

В данном контексте следует привести заключение американского историка Дж. Фридмана о том, что «история является представлением о прошлом, тесно связанным с выработкой идентичности в настоящий момент» [Friedman 1992, 195]. При таком отношении историческую память интерпретируют почти исключительно в модернистской перспективе, описывая ее как социальный и культурный конструкт. Латышские авторы воспринимают историческую политику как отражение политической культуры и политических процессов, векторы и траектории протекания которых в значительной степени зависят от идеологических предпочтений тех сил, которые формируют представления о прошлом в публичных и общественных пространствах. Например, Д. Блейере указывает на то, что большинство постсоциалистических обществ в большей или меньшей степени подвержены влиянию «коммунистического прошлого»⁹. Соответственно, история в политике памяти становится инструментом политических элит, который используют ее для «укрепления нашей истории в обществе и в мировом сознании, так как этот вопрос является проблемой нашей безопасности. Нравится вам это или нет, но история стала полем битвы. Если мы теряем историю, мы теряем не только страну, но и саму нацию, построенную на общем сюжете истории»¹⁰.

Гражданская идентичность в Латвии: от политики памяти к изобретению традиций

Попытки преодоления мемориального раскола в Латвии проявились в введении новых памятных дней. Они должны одновременно консолидировать гражданскую идентичность и указать на ее исторические основания. Тем не менее, подобные меры не способны полностью нивелировать негативные тенденции. По мнению М. Минтаурса, эта стратегия фактически представляет собой «самый простой способ сохранить историческую память... так как политический календарь является хорошим барометром, показывающим плотность исторической памяти общества, но он зависит не только от количества памятных дней, но и от того, с чем связаны эти формы памяти»¹¹.

Такая стратегия формирования коллективной памяти вынуждает латышских интеллектуалов отбирать факты, которые можно интегрировать в компромиссный мемориальный канон. События, которые не проходят этот отбор, должны быть подвергнуты маргинализа-

⁷ Grūbe G. Mārtiņš Mintauris: Vēsture tiek pārrakstīta, jo citādi skatāmies uz jau zināmām lietām. Latvijas Radio. 2023. g. 21. marts. ([https://lr1.lsm.lv/raksts/brivibas-bulvaris/martins-mintauris-vesture-tiek-parrakstita-jo-citadi-skatamies-uz.a174412/](https://lr1.lsm.lv/raksts/brivibas-bulvaris/martins-mintauris-vesture-tiek-parrakstita-jo-citadi-skatamies-uz-a174412/)).

⁸ Laganovskis G. Spēja “panest” savu vēsturi – nācijas pašcieņas jautājums. LV portals. 2022. g. 01. aprīlī. (<https://lvportals.lv/viedokli/339504-speja-panest-savu-vesturi-nacijas-pascienas-jautajums-2022>).

⁹ Grūbe G. Vēsturniece Daina Bleiere: Praktiskā «desovjetizācija» prasīs vairāk nekā 40 gadu staigāšanu pa tuksnesi. LSM. 2023. g. 9. marts. (<https://www.lsm.lv/raksts/dzive--stils/sarunas/09.03.2023-vesturniece-daina-bleiere-praktiska-desovjetizacija-prasis-vairak-neka-40-gadu-staigasana-pa-tuksnesi.a499999/>).

¹⁰ Nollendorfs V. Latvijas vēsturiskās atmiņas un demokrātiskās izglītības institūts: ideja un vajadzība // Latvijas Okupācijas Muzejs. 2023. g. 15. marts. (<https://okupacijasmuzejs.lv/lv/aktualitates/latvijas-vesturiskas-atminas-un-demokratiskas-izglitibas-instituts-ideja-un-vajadziba>).

¹¹ Laganovskis G. Spēja “panest” savu vēsturi – nācija pašcieņas jautājums. LV portals. 2022. g. 01. aprīlī. (<https://lvportals.lv/viedokli/339504-speja-panest-savu-vesturi-nacijas-pascienas-jautajums-2022>).

ции с санкции общества – потребителя и носителя исторической памяти. Так, Д. Блейере подчеркивает: «Мы 50 лет были в составе Советского Союза, мы были частью этой политической, экономической, социальной системы, и мы многое впитали из этой системы... Сорок лет [после восстановления независимости] закончатся в обозримом будущем, но это советское наследие дает о себе знать по-разному... возможно, проблема в том, что мы часто думаем, что если мы устраним все символические моменты советского пространства – памятники, переименуем улицы – то решим и эту практическую десоветизацию. Но проблема в том, что для его практической десоветизации потребуется более 40 лет хождений туда-сюда по пустыне»¹².

По сути, профессиональное сообщество историков в такой ситуации признает, что создать единую версию исторической памяти невозможно. Таким образом они не только защищают свое право высказывать разные точки зрения, но и признают гетерогенный характер современного социума, в котором группам свойственны разные интерпретации памяти и мемориальные культуры. Например, М. Минтаурс не скрывает скептического отношения к попыткам унифицировать память, сравнивая подобные действия с мифотворчеством¹³. Однако мифы в подобных обществах, подчеркивает он, «не только компонент исторического сознания. Мифы, как и сама историческая наука, в равной степени формируют историческое сознание и национальную традицию» [Маркава 2012, 186].

Тем не менее, в современном обществе Латвии, как и в других странах, «история всегда была важнейшей частью формирования идентичности, гражданского воспитания и конечно же индоктринации» [Касьянов 2009, 24]. Латышские профессиональные историки, которые участвуют в формировании исторической политики в публичных и общественных пространствах, указывают не только на конструируемый характер исторической памяти, но и на невозможность ее менять. Пример подобного процесса представляет собой Латвия, которая с 1990 г. продолжает выстраивать свою мемориальную культуру. Латышский историк Г. Круминьш указывает на пагубность и опасность стагнации представлений о прошлом, полагая, что «время от времени мы переписываем историю... это нормально, и так должно быть, потому что нельзя избежать того, что каждая эпоха предъявляет свои требования... что-то меняется, и мы тоже смотрим на прошлое другими глазами»¹⁴.

«Война памятников» в Латвии в 2022 г.

С конца 2022 г. в Латвии началось активное продвижение политики памяти. 16 июня 2022 г. Сейм Латвии принял закон «О запрещении экспонирования объектов, прославляющих советский и нацистский режим, и их демонтаже на территории Латвийской Республики»¹⁵. В соответствии с ним Совет по памятникам Рижской городской думы предписал демонтировать памятники писателям А. Упитсу, А. Саксе и А.С. Пушкину, а также

¹² Grūbe G. Daina Bleiere: Padomju mantojums dažādos veidos liek par sevi manīt. Latvijas Radio. 2023. g. 7. marts. (<https://lr1.lsm.lv/lv/raksts/brivibas-bulvaris/daina-bleiere-padomju-mantojums-dazados-veidos-liek-par-sevi-man.a173804/>).

¹³ Laganovskis G. Mārtiņš Mintauris: vienotas atmiņas par pagātni nav iespējamās. LV portāls. 2020. g. 15. maijā. (<https://lvportals.lv/viedokli/316157-martins-mintauris-vienotas-atminas-par-pagatni-nav-iespejamas-2020>).

¹⁴ Grūbe G. Vēsturiskā atmiņa, latvieši un vēsturiskā simpērijas. Saruna ar Gati Krūmiņu. Latvijas Radio. 2023. g. 28. februāris. (<https://lr1.lsm.lv/lv/raksts/brivibas-bulvaris/vesturiska-atmina-latviesi-un-vesturiskas-imperijas.-saruna-ar-g.a173468/>).

¹⁵ Par padomju un nacistisko režīmu slavinošu objektu eksponēšanas aizliegumu un to demontāžu Latvijas Republikas teritorijā. Rīgā 2022. gada 22. jūnijā. (<https://likumi.lv/ta/id/333439-par-padomju-un-nacistisko-rezimu-slavinosu-objektu-eksponesanas-aizliegumu-un-to-demontazu-latvijas-republikas-teritorija>).

ученому М. Келдышу. Кроме этого, было решено убрать некоторые мемориальные доски в Риге, например – историку Я. Зутису¹⁶. Представители элит восприняли такую радикальную версию мемориальной политики («война памятников») как проявление десоветизации. Так, президент страны Э. Левитс заявил о том, что Латвия может «собственными силами, если у нас есть соответствующее понимание и воля, избавиться от остатков советской колониальной истории, но освобождение пространства европейской памяти от пропаганды русской истории возможно только вместе с соседними странами»¹⁷.

Примечательно, что в том числе из общественных пространств Риги уберут памятники трем латышам, которые «сотрудничали с коммунистическим режимом» – писателю А. Упитсу, писательнице А. Саксе и историку Я. Зутису. Такая «война с памятниками» в большей степени мотивирована не национальными, а идеологическими мотивами. Комментируя политику памяти, М. Минтаурс подчеркивает, что «неправильно ставить на одну плоскость Упитса, Пушкина и Баркляя де Толли, потому что Упитс – классик латышской литературы вне зависимости от его политических убеждений, связь Пушкина с Латвией или Ригой абсолютно минимальна, его статуя в Риге не имеет культурно-исторической основы; Барклай де Толли – это часть истории Прибалтики, в том числе часть истории империи, а значит, и часть истории Латвии»¹⁸. В защиту памятника А. Упитсу выступили деятели латышской культуры, которые напомнили о его вкладе в защиту латышского языка, указав, что идея демонтажа памятника – это попытка «препарирования памяти»¹⁹.

Историк В. Зелче подчеркивает, что решение о демонтаже указывает на важность вопроса о том, «какое место в нашей идентичности занимают Упитс, Саксе или Зутис»²⁰. По мнению исследователя исторической памяти С. Цвийича, в подобных случаях обществу следует прибегать к «деидеологизации истории». Она «имеет важное политическое значение и может использоваться политическими элитами для формирования определенного взгляда на историю как инструмент в создании новых национальных идентичностей» [Cvijic 2008, 713]. Такие же цели преследуют агенты политики памяти в Латвии, но не в рамках деидеологизации, а в рамках идеологического дискурса.

Решение Сейма от 16 июня 2022 г. привело к началу острой фазы «войны памятников» в Латвии, наиболее важным событием которой стал снос мемориала «Памятник воинам Советской Армии – освободителям Латвии и Риги от немецко-фашистских захватчиков» в августе 2022 г. Мэр Риги М. Стакис, комментируя решение о демонтаже монумента, сослался на выводы Музея оккупации, который не признал Монумент памятником²¹, обладающим культурной ценностью. В самом Музее заявили, что не проводили соответствующей экспертизы из-за отсутствия соответствующих полномочий. В результате в авгу-

¹⁶ Laganovskis G. Pieminekļu revīzija – starp kultūras vērtību un karalaika situāciju. LV portals. 2023. g. 27. martā. (<https://lvportals.lv/viedokli/350269-piemineklu-revizija-starp-kulturas-vertibu-un-karalaika-situaciju-2023>).

¹⁷ Levits E. Ja ir griba, varam atbrīvoties no padomju koloniālās vēstures lūžņiem. LV portals. 2023. g. 17. martā. (<https://lvportals.lv/viedokli/349950-ja-ir-griba-varam-atbrivoties-no-padomju-kolonialas-vestures-luznjiem-2023>).

¹⁸ Laganovskis G. Pieminekļu revīzija – starp kultūras vērtību un karalaika situāciju. LV portals. 2023. g. 27. martā. (<https://lvportals.lv/viedokli/350269-piemineklu-revizija-starp-kulturas-vertibu-un-karalaika-situaciju-2023>).

¹⁹ Atklātā vēstule par Andreja Upiša pieminekli. LV portals. 2023. g. 09. martā. (<https://lvportals.lv/dienaskartiba/349728-atklata-vestule-par-andreja-upisa-pieminekli-2023>).

²⁰ Laganovskis G. Pieminekļu revīzija – starp kultūras vērtību un karalaika situāciju. LV portals. 2023. g. 27. martā. (<https://lvportals.lv/viedokli/350269-piemineklu-revizija-starp-kulturas-vertibu-un-karalaika-situaciju-2023>).

²¹ Demidovs V., Līcīte M. Uzvaras parka pieminekli nespridzinās; nojaukšanas tehniku teritorijā i vedīs rīt. Latvijas Sabiedriskie Mediji. 2022. 22. augusts. (<https://www.lsm.lv/raksts/zinas/latvija/uzvaras-parka-pieminekli-nespridzinas-nojaukšanas-tehniku-teritorija-ivedis-rit.a470318/>).

сте 2022 г. в Риге снесли единственный крупный памятник советского периода в городе. Демонтаж монумента в целом вписывался в логику исторической политики, направленной на последовательную десоветизации мемориальной культуры. Примечательно и то, что власти Риги приурочили снос памятника к 23 августа – дню подписания Договора о ненападении между Германией и Советским Союзом и Дню воинской славы России (годовщина победы в Курской битве).

В рамках такого восприятия коллективной памяти мемориальная культура латышского общества оказывается зависимой не только от политической и идеологической конъюнктуры, но и от исторического ревизионизма. Профессиональные историки и активисты «действительно переписывают историю... Когда мы говорим о переписывании истории, сразу приходят на ум некоторые историки или политики, которые пытаются нам сказать, что на самом деле все произошло не так, как мы привыкли думать... Когда мы говорим о переписывании истории, это имеет негативное значение, но на самом деле история переписывается именно потому, что мы не только узнаем что-то новое, чего не знали предыдущие поколения о своем прошлом, но и потому, что мы иначе смотрим на то, что уже знаем, на то, что было»²². Соответственно, изменения и трансформация коллективной памяти со стороны общества, а также исторический ревизионизм, инициируемый академическим сообществом, выступают системными характеристиками памяти в современном латвийском обществе. Мемориальная культура в нем в одинаковой степени зависима от действий агентов исторической политики и профессиональных историков.

Удаление памятников советского периода из публичных и общественных пространств Латвии свидетельствует о том, что меняются векторы развития исторической политики и функционирования мемориальной культуры. Мемориальность в современной Латвии перестает существовать как совокупность мест памяти. На смену пространственно-географической укорененности памяти приходят преимущественно нарративные формы легитимации современных мемориальных культур и связанные с ними представления о прошлом. В такой ситуации жертвами радикальной исторической политики, которая в 2022 г. обрела формы «войны памятников», становятся не только монументы, которые связаны с советским наследием, но и образы латышских политиков, историков и писателей, которые участвовали в формировании латышской идентичности в советский период. Такая радикализация исторической политики указывает на ее идеологический характер.

Политика памяти: перспективы институционального оформления

Понимая важность сохранения памяти, 13 января 2023 г. президент Латвийской Республики Э. Левитс предложил создать Латвийский институт исторической памяти и демократического образования. Подобная инициатива свидетельствует о том, что историческая память представляет собой многоуровневую информационную систему, «в структуру которой входит не только феномен индивидуальной памяти, но и структуры наиндивидуальной памяти» [Макаров 2014, 8]. Она может включать в себя и институционализованные элементы – такие, как будущий Институт исторической памяти. Предполагается, что деятельность данного учреждения будет направлена на заполнение лакун и пустот в латышской коллективной памяти, так как обществу «пока не удалось найти в публичном

²² Grūbe G. Mārtiņš Mintauris: Vēsture tiek pārrakstīta, jo citādi skatāmies uzjauzināmāmlietām. Latvijas Radio. 2023. g. 21. marts. (<https://lr1.lsm.lv/raksts/brivibas-bulvaris/martins-mintauris-vesture-tiek-parrakstita-jo-citadi-skatamies-uz.a174412/>).

пространстве общих знаменателей ни для памяти о латышских легионерах, ни для лесных братьев после войны, ни для темы, связанной с коллаборационизмом и сопротивлением»²³.

К настоящему времени данный институт пока не создан, но его появление остается вопросом времени. Нельзя исключать, что он не принесет радикальных изменений в политику памяти Латвии, но сможет повлиять на векторы и траектории ее развития.

Выводы

В начале 2020-х гг. в Латвии подвергся ревизии и пересмотру широкий круг проблем, связанных с функционированием мемориальной культуры. Национальная история, которую современная латышская историческая политика ограничивает XX в., стала основным символическим пространством мемориальных конфронтаций. История XIX в. менее востребована у агентов исторической политики, равно как и опыт домодерновой Латвии.

Таким образом, современные интеллектуалы и другие акторы исторической политики Латвии склонны использовать наиболее политизированные и идеологизированные моменты национального коллективного исторического опыта XX в. Такой подход актуализирует образ истории как травмы, связанной с утратой государственной независимости в 1940 г., «принудительным» вхождением государства в состав Советского Союза и недобровольным пребыванием в нем. В этой ситуации современные латышские интеллектуалы относительно свободно рефлексируют об историческом коллективном опыте XX в., соотнося его интерпретации с различными режимами функционирования памяти, которые включают как актуализацию, так и амнезию – в зависимости от политической конъюнктуры. Данные стратегии стимулируют некоторые из представленных в латышском обществе политических идеологий, в частности, национализм и либерализм.

Национальный исторический опыт Латвийской Республики и опыт советского периода в такой мемориальной культуре будут постоянно противопоставлять и сопоставлять в русле националистических идей и либеральных ценностей западной модели развития. В результате участие интеллектуалов в политике памяти редуцируется до ревизии прошлого. Агенты исторической политики превращаются в источник генерации новых смыслов памяти, которые и формируют ядро национальной мемориальной культуры в Латвии. Таким образом, деятельность латышских интеллектуалов как основных участников мемориальной политики в последние годы отражала общие тенденции европейской политики памяти, которая сводится к активному использованию истории как практико-ориентированного ресурса.

Подобное восприятие памяти фактически сократило мемориальную культуру до уровня одного из символических ресурсов в широком механизме политической культуры и идентичности. Ее применяют для политической мобилизации и легитимации сложившейся модели развития современного латышского общества. Вместе с тем тенденции к большей формализации мемориальной культуры, новая волна «войн памятников» и мемориальной конфронтации, которая началась в Латвии в 2022 г., указывает на важность дальнейшего изучения данной проблематики.

---

²³ Nollendorfs V. Latvijas vēsturiskās atmiņas un demokrātiskās izglītības institūts: ideja un vajadzība. Latvijas Okupācijas Muzejs. 2023. g. 15. marts. (<https://okupacijasmuzejs.lv/lv/aktualitates/latvijas-vesturiskas-atminas-un-demokratiskas-izglitibas-instituts-ideja-un-vajadziba>).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акудовіч А., Казакевіч А. (2006) *Навука і стратэгі і працы з мінулым. Дыскусія ў межах семінара «Сучаснае беларускае мысленне»*, Інстытут сацыялогіі, Інстытут філасофіі НАН, 16 сакавіка 2006 года // Палітычная сфера. № 6. С. 44–48.
- Дюков А.Р. (2018) *Участие прибалтийских коллаборационистов в блокаде Ленинграда: проблемы правовой квалификации* // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. № 4. С. 108–132.
- Зверев К.А. (2020) *Государственная историческая политика в современной Латвии* // Проблемы национальной стратегии. № 1. С. 163 – 177.
- Касьянов Г. (2009) *Голодомор и строительство нации* // Pro et Contra. № 3–4. С. 24–42.
- Кирчанов М.В. (2019) *Континуитет и дискретность в современных исторических памятях стран Балтии (мифы политической нации vs мифы политизированной этничности)* // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. № 1. С. 180–218.
- Лескинен М.В. (2021) *Историческая политика и национальная мифология: «постправда» и наука на государственной службе. Новое прошлое*. № 2. С. 66–82.
- Макаров А.И. (2014) *Историческая память: конструкция или реконструкция?* // Историческая экспертиза. № 1. С. 4–10.
- Маркава А. (2012) *Гістарычная свядомасць як прадмет самарэфлексіі ў чэшскай істарыяграфіі* // Беларускі Гістарычны Агляд. № 19. С. 179–212.
- Assmann A. (2010) *From Collective Violence to a Common Future: Four Models for Dealing with a Traumatic Past* // In: Conflict, Memory Transfers and the Reshaping of Europe. Newcastle: Cambridge Scholars Publishing. Pp. 8–23.
- Assmann A. (2015) *Shadows of Trauma: Memory and the Politics of Postwar Identity*. NY: Fordham University Press. 312 p.
- Brügge mann K., Kasekamp A. (2008) *The Politics of History and the “War of Monuments” in Estonia* // Nationalities Papers. No. 36. Pp. 425–448.
- Coakley J. (2004) *Mobilizing Past: Nationalist Images of History* // Nationalism and Ethnic Politics. No. 10. Pp. 531–560.
- Cvijic S. (2008) *Swinging the Pendulum: World War II History, Politics, National Identity and Difficulties of Reconciliation in Croatia and Serbia* // Nationalities Papers. No. 36. Pp. 713–740.
- Forchtner B. (2016) *Lessons from the Past?: Memory, Narrativity and Subjectivity*. L.: Palgrave Macmillan. 340 p.
- Friedman J. (1992) *Myth, History, and Political Identity* // Cultural Anthropology. No. 7. Pp. 194–210.
- Gensburger S., Lefranc S. (2020) *Beyond Memory: Can We Really Learn From the Past?* L.: Palgrave Macmillan. 185 p.
- Halbwachs M. (1925) *Les Cadres sociaux de la mémoire*. Paris: Félix Alcan. 299 p.
- Keightley E., Pickering M. (2017) *Memory and the Management of Change: Repossessing the Past*. L.: Palgrave Macmillan. 237 p.
- Koposov N. (2017) *Memory Laws, Memory Wars: The Politics of the Past in Europe and Russia*. Cambridge: Cambridge University Press. 338 p.
- Kyrchanoff M.W. (2022) *Nationalism and Historical Politics: Western or Eastern European Phenomenon?* // Российский журнал исследований национализма. №. 1–2. С. 136–158.
- Miller A. (2016) *Memory Control* // Russia in Global Affairs. No. 14, Pp. 120–131.
- Nora P. (2010) *Rethinking France: Les Lieux de mémoire*. Vol. 4: Histories and Memories. Chicago: University of Chicago Press. 504 p.
- Pickering M., Keightley E. (2015) *Photography, Music and Memory: Pieces of the Past in Everyday Life*. London: Palgrave Macmillan, 222 p.

Skultans V. (2002) *The Testimony of Lives: Narrative and Memory in Post-Soviet Latvia*. L.: Routledge. 217 p.

REFERENCES

Akudovič A., Kazakievič A. (2006) Navuka i strategii pracy z minulym. Dyskusija ū miežach sieminara «Sučasnjaje bielaruskaje myšliennje», Instytut sacyjalohii, Instytut filozofii NAN, 16 sakavika 2006 hoda [Science and Strategies for Dealing with the Past. Discussion within the Seminar «Modern Belarusian thinking», Institute of Sociology, Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences, February 16, 2006]. *Palityčnaja sfera*. no. 6, pp. 44–48.

Assmann A. (2010) From Collective Violence to a Common Future: Four Models for Dealing with a Traumatic Past. In: *Conflict, Memory Transfers and the Reshaping of Europe*. Newcastle: Cambridge Scholars Publishing. Pp. 8–23.

Assmann A. (2015) *Shadows of Trauma: Memory and the Politics of Postwar Identity*. New York: Fordham University Press. 312 p.

Brüggemann K., Kasekamp A. (2008) The Politics of History and the “War of Monuments” in Estonia. *Nationalities Papers*. no. 36, pp. 425–448.

Coakley J. (2004) Mobilizing Past: Nationalist Images of History. *Nationalism and Ethnic Politics*. no. 10, pp. 531–560.

Cvijic S. (2008) Swinging the Pendulum: World War II History, Politics, National Identity and Difficulties of Reconciliation in Croatia and Serbia. *Nationalities Papers*. no. 36, pp. 713–740.

Dyukov A.R. (2018) Učastiye pribaltiyskikh kollaboratsionistov v blokade Leningrada: problemy pravovoy kvalifikatsii [Participation of Baltic Collaborators in the Siege of Leningrad: Problems of Legal Qualification]. *Zhurnal rossiyskikh i vostочноyevropeyskikh istoricheskikh issledovaniy*. no. 4, pp. 108–132.

Forchtner B. (2016) *Lessons from the Past?: Memory, Narrativity and Subjectivity*. London: Palgrave Macmillan. 340 p.

Friedman J. (1992) Myth, History, and Political Identity. *Cultural Anthropology*. no. 7, pp. 194–210.

Gensburger S., Lefranc S. (2020) *Beyond Memory: Can We Really Learn From the Past?* London: Palgrave Macmillan. 185 p.

Halbwachs M. (1925) *Les Cadres sociaux de la mémoire*. Paris: Félix Alcan. 299 p.

Kas’yanov G. (2009) Golodomor i stroitel’stvo natsii [Holodomor and Nation Building]. *Pro et Contra*. no. 3–4, pp. 24–42.

Keightley E., Pickering M. (2017) *Memory and the Management of Change: Repossessing the Past*. London: Palgrave Macmillan. 237 p.

Kirchanov M.V. (2019) Kontinuitet i diskretnost’ v sovremennykh istoricheskikh pamyatyakh stran Baltii (mify politicheskoy natsii vs mify politizirovannoy etnichnosti) [Continuity and Discreteness in Modern Historical Memories of the Baltic Countries (Myths of the Political Nation vs Myths of Politicized Ethnicity)]. *Zhurnal rossiyskikh i vostочноyevropeyskikh istoricheskikh issledovaniy*. no. 1, pp. 180–218.

Koposov N. (2017) *Memory Laws, Memory Wars: The Politics of the Past in Europe and Russia*. Cambridge: Cambridge University Press. 338 p.

Kyrchanoff M.W. (2022) Nationalism and Historical Politics: Western or Eastern European Phenomenon? *Rossiyskiy zhurnal issledovaniy natsionalizma*. no. 1–2, pp. 136–158.

Leskinen M.V. (2021) Istoricheskaya politika i natsional’naya mifologiya: «postpravda» i nauka na gosudarevoy sluzhbe [Historical Politics and National Mythology: «Post-truth» and Science in the State Service]. *Novoye proshloe*. no. 2, pp. 66–82.

Makarov A.I. (2014) Istoricheskaya pamyat': konstruktsiya ili rekonstruktsiya? [Historical Memory: Construction or Reconstruction?]. *Istoricheskaya ekspertiza*. no. 1, pp. 4–10.

Markava A. (2012) Histaryčnaja sviadomasé jak pradmiet samarefleksii ŭ češskaj histaryjahrafií [Historical Consciousness as a Subject of Self-reflection in Czech Gistoriography]. *Bielaruski Histaryčny Ahliad*. no. 19, pp. 179–212.

Miller A. (2016) Memory Control. *Russia in Global Affairs*. no. 14, pp. 120–131.

Nora P. (2010) *Rethinking France: Les Lieux de mémoire. Vol. 4: Histories and Memories*. Chicago: University of Chicago Press. 504 p.

Pickering M., Keightley E. (2015) *Photography, Music and Memory: Pieces of the Past in Everyday Life*. London: Palgrave Macmillan. 222 p.

Skultans V. (2002) *The Testimony of Lives: Narrative and memory in post-Soviet Latvia*. London: Routledge. 217 p.

Zverev K.A. (2020) Gosudarstvennaya istoricheskaya politika v sovremennoy Latvii [State Historical Policy in Modern Latvia]. *Problemy natsional'noy strategii*. no. 1, pp. 163–177.

Информация об авторе

Кирчанов Максим Валерьевич, доктор исторических наук, доцент кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран факультета международных отношений, доцент кафедры истории зарубежных стран и востоковедения исторического факультета, Воронежский государственный университет. Адрес: 394000, Россия, г. Воронеж, Университетская пл. 1. E-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com

About the author

Maksym W. Kyrchanoff, Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Department of Regional Studies and Economics of Foreign Countries, Faculty of International Relations, Associate Professor, Department of History of Foreign Countries and Oriental Studies, Faculty of History, Voronezh State University. Address: 394000, Russia, Voronezh, Universitetskaya sq. 1. E-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com

Статья поступила в редакцию/Received: 09.04.2023

Статья поступила после рецензирования и доработки/Revised: 26.04.2023

Статья принята к публикации/Accepted: 06.06.2023

Оригинальная статья/ Original article

Общественное мнение Армении о Большом российском пространстве до и после Второй карабахской войны

© С.А. МАНУКЯН

Манукян Самвел Аршалуйсович, Ереванский Государственный Университет (Ереван, Республика Армения), samvelmanukyana@gmail.com. ORCID: 0000-0002-9332-8640

Рассмотрена проблема геополитического выбора Армении в контексте мир-системного анализа и истории Армении XX – начала XXI вв. Выдвинут тезис о том, что геополитическая конфигурация в Закавказье сегодня и 100 лет назад схожи. Армении следует учитывать данный фактор, чтобы делать адекватный геополитический выбор современных условиях. Приведена динамика отношения армянского общества к России как наилучшему союзнику республики и к Франции как к основному конкуренту России в Армении (2011–2022 гг.). В данном контексте изучено, как 44-дневная Карабахская война повлияла на отношение в Армении к Большому российскому пространству. Применены два индикатора – отношение к СССР и отношение к присоединению Армении к Союзному государству России и Беларуси. Идентифицированы системы аргументаций «за» и «против» СССР и то, как они изменились в результате 44-дневной войны. Выделены факторы, которые влияют на отношение общества к Большому российскому пространству. Произведена сегментация армянского общества на пророссийский, прозападный, смешанный и не имеющий акцентированной ориентации секторы. Оценены объемы этих сегментов, проведен сравнительный анализ их основных характеристик: уровень лояльности к политическому курсу страны, электоральное участие, информационные предпочтения, доверие к государственным и общественным институтам. Представленный эмпирический материал получен вторичным анализом баз данных общереспубликанских репрезентативных социологических опросов «Кавказский барометр» за 2011–2022 гг. Кавказских центров исследовательских ресурсов. Приведены также результаты других общереспубликанских социологических исследований.

Ключевые слова: мир-системный анализ, Армения, 44-дневная война, историческая память, распад СССР, Союзное государство РФ – Беларусь, опросы общественного мнения

Цитирование: Манукян С.А. (2023) Общественное мнение Армении о Большом российском пространстве до и после Второй карабахской войны // *Общественные науки и современность*. № 3. С. 109–130. DOI: 10.31857/S0869049923030085, EDN: GIPCCF.

Public Opinion in Armenia on the Greater Russian Space Before and After the Second Karabakh War

© S. MANUKYAN

Samvel A. Manukyan, Yerevan State University (Erevan, Republic of Armenia), samvelmanukyana@gmail.com. ORCID: 0000-0002-9332-8640

Abstract. The problem of Armenia’s geopolitical choice in the context of world-system analysis and the history of Armenia in the 20th and early 21st centuries is considered. It is concluded that geopolitical configuration in Transcaucasia today and 100 years ago are similar, and said similarity determines an adequate geopolitical choice for Armenia in modern conditions – integration with the Greater Russian space. The dynamics of attitudes in Armenian society towards Russia as the best ally of Armenia, and France as the main competitor of Russia during 2011–2022 is given. In this context, the impact of the 44-day Karabakh war on attitudes towards the Greater Russian space is estimated. The analysis is based on two indicators – the attitude towards the USSR and the attitude towards Armenia’s accession to the Union State of Russia-Belarus. The systems of argumentation of supporters and opponents of the USSR are identified, as well as their transformation after the 44-day war and the factors influencing the attitude of society towards the Greater Russian space. Armenian society was segmented into pro-Russian, pro-Western, mixed, and not having an accentuated orientation sectors. An assessment of the sizes of these segments, as well as a comparative analysis of their main characteristics was carried out. These characteristics include (but not limited to): the level of loyalty to the country’s political course, electoral participation, information preferences, trust in state and public institutions. The presented empirical material was obtained by secondary analysis of the databases of nationwide representative sociological surveys “Caucasian Barometer” for 2011–2022, carried out by the Caucasus Research Resource Centers. The results of other sociological surveys are also presented.

Keywords: World-System analysis, Armenia, 44-day war, historical memory, the collapse of the USSR, the Union State of Russia and Belarus, opinion polls

Citation: Manukyan S.A. (2023) Public Opinion in Armenia on the Greater Russian Space Before and After the Second Karabakh War. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 109–130. DOI: 10.31857/S0869049923030085, EDN: GIPCCF.

Введение

Согласно положениям мир-системного анализа, современная капиталистическая мир-система находится в фазе смены гегемона [Валлерстайн 2001, 106]. Более того, утверждается, что в мир-системе начался завершающий кризис, и она может превратиться в совершенно новый тип исторической системы [Валлерстайн 2000]. Некоторые эксперты считают, что новым гегемоном может стать Китай [Купряшкин 2019, Мозолев 2018], и оценивают вероятность этого варианта [Фишман 2021]. В данной статье рассматривается одно из основных положений мир-системного анализа, согласно которому смене гегемона сопутствует мировая война, обусловленная, во-первых, стремлением гегемона сохранить

свой статус, а, во-вторых, желанием сильнейших стран освободиться от диктата гегемона или занять его место. Мир-системный анализ утверждает, что мировую войну провоцирует теряющий свой статус гегемон, и она длится несколько десятилетий. В приведенном контексте отдельные войны последней четверти века в Югославии, Ираке, Афганистане, Сирии, Ливии, Центральной Азии, в Грузии, Мали и Конго, Украине, а также угроза войн на Тайване или в Иране можно считать составляющими мировой войны современной переходной фазы мир-системы. К таким конфликтам относится и Вторая карабахская война, которая продлилась с 27 сентября по 09 ноября 2020 г. Основные субъекты мировой войны обладают ядерным оружием, что сдерживает масштаб ее интенсивности и охвата, а также вуалирует само ее наличие.

Симптомы сегодняшнего состояния мирового порядка впервые проявились четверть века назад. В 1997 г. против гегемонистского статуса США выступили Россия и Китай, подписав «Российско-китайскую совместную декларацию о многополярном мире и формировании нового международного порядка»¹. В 1999 г. Иран распространил на Генеральной Ассамблее ООН Декларацию о диалоге между цивилизациями, одним из основных принципов которой было «неприятие попыток культурного господства и навязывания, а также доктрин и практики, поощряющих конфронтацию и столкновение между цивилизациями»². В 2007 г. Президент РФ В.В. Путин на Мюнхенской конференции по безопасности заявил: «Для современного мира однополярная модель не только неприемлема, но и невозможна»³. Данные события, а также воплощение этой позиции в Концепции внешней политики России⁴, можно интерпретировать как тенденцию, подтверждающую гипотезу мир-системного анализа о переходе мировой системы в некое новое состояние, в котором может и не быть явного гегемона.

Сложившаяся сейчас ситуация в мире представляет собой экзистенциальный вызов для Армении, которая находится в одном из эпицентров войн переходной фазы мир-системы. Вследствие своего геополитического положения Армении необходимо однозначно определиться, с каким из конкурирующих центров силы ей предпочтительно или необходимо интегрироваться. От адекватного выбора зависит не только сценарий развития страны, но, возможно, и само ее существование.

Исторический контекст геополитического выбора Армении в рамках мир-системного анализа

Краткая история Армении последних 100 лет может служить контекстом для локализации мир-системной теории при анализе проблемы геополитического выбора Армении в сегодняшних условиях. В 1922–1991 гг. Армения находилась в составе СССР, вследствие чего в ее обществе постепенно исчезал страх и чувство опасности перед турецко-азербайджанской угрозой, которая сформировалась после геноцида армян в Османской империи

¹ Российско-китайская совместная декларация о многополярном мире и формировании нового международного порядка. 23 апреля, 1997. Дипломатический вестник. № 5. 1997. (<https://docs.cntd.ru/document/1902155>).

² Тегеранская декларация о диалоге между цивилизациями, принятая на Исламском симпозиуме по диалогу между цивилизациями, состоявшемся 3–5 мая 1999 г. ODS – Sédoc. (<https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N99/155/94/PDF/N9915594.pdf?OpenElement>).

³ Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. Kremlin.Ru. 10 февраля 2007 года. (<http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034>).

⁴ Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229. (<http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/udpjZePcMAyCLXOGGAgmVHQDloFCN2Ae.pdf>).

1915 г., а также после катастрофических поражений в армяно-турецких войнах мая-июня 1918 г. [История Армении 2012, 512–521] и сентября-ноября 1920 г. [Там же, 614–613]. Данным конфликтам сопутствовали массовые погромы, резня и этнические чистки.

30 января 1918 г. Турция, воспользовавшись развалом Кавказского фронта и отходом русских войск, продвинула свои войска в Закавказье и быстро добилась больших успехов на этом направлении. Закавказская Демократическая Федеративная Республика, провозглашенная 22 апреля 1918 г., распалась. Объявили свою независимость Грузия (26 мая), Азербайджан (28 мая) и Армения (28 мая). Грузия 28 мая 1918 г. подписала временный Потийский договор с Германией и перешла под ее протекторат, тем самым обезопасив себя от возможных тяжелых последствий заведомо проигранной войны. Азербайджан ждал прихода турецких войск и открыто содействовал Турции в тылу Армении. Турки вошли в Баку 14 сентября 1918 г. В войне Армения осталась одна и 4 июня 1918 г. была вынуждена подписать с Императорским Оттоманским правительством Батумский договор⁵, по которому территория Армении сокращалась до 10,5 тысяч кв. км с 370 тыс. жителями [Махмурян 2022]. После поражения в Первой мировой войне Османское правительство 28 октября 1918 г. дезавуировало Батумский договор [Махмурян 2022] и покинуло районы, которые выходили в состав Российской империи до 1914 г. Территория Армении возросла и в течение 1919–1920 гг. достигала 60 тыс. кв. км.

Армяно-турецкая война 1920 г. была инспирирована в результате Севрского договора, который 10 августа 1920 г. страны-победительницы (государства Антанты и ее союзники) подписали с Оттоманским правительством. По данному соглашению Турция теряла значительную часть своих земель⁶. К Армении должны были перейти территории Эрзрумского, Трапезундского, Ванского и Битлисского вилайетов, которые составляли значительную часть исторической Западной Армении и обеспечивали выход к Черному морю. Территория Республики Армения возросла бы до 161 тыс. кв. км.

Великое национальное собрание Турции, учрежденное в Анкаре 23 апреля 1920 г., не признало Севрский договор. В сентябре начались столкновения на границе между Арменией и Турцией, а 27 сентября 1920 г. Турция начала широкомасштабную войну против Армении. С другой стороны, страны Антанты и Четверного союза продолжали свою военную интервенцию в Россию. В апреле 1920 г. с целью предотвратить переход Закавказья (и, особенно, бакинской нефти⁷) под контроль Великобритании в Закавказье через Азербайджан вошла армия Советской России. К тому моменту в регионе образовались дружественные ей страны. Таким образом, Россия и Турция, которые соперничали в Закавказье более 200 лет и двенадцать раз воевали друг с другом, превратились в стратегических союзников против стран Антанты для сохранения своей целостности.

В 1920 г. Армения одновременно вела переговоры и с Советской Россией, и со странами-победительницами. Дашнакское правительство Армении неправильно оценило сложившуюся обстановку, соблазнившись перспективами Севрского договора и надеясь на

⁵ Судьбоносные договора 1813–1997 гг. 11. Договор о мире и дружбе между Императорским Оттоманским правительством и Республикой Армении. Genocide.ru. (<http://genocide.ru/lib/treaties/11.htm>); ЦИА Арм. ССР, ф.200, д. 11, лл.99Ч100. Копия. Опубликовано в книге Х.Бадаляна «Германо-турецкие оккупанты в Армении в 1918 г.». Ереван. 1962. С. 172–178.

⁶ Судьбоносные договора 1813–1997 гг. 14. Мирный договор между союзными державами и Турцией, подписанный в Севре 10-го августа 1920 года. Статьи 88–93. Genocide.ru. (<http://genocide.ru/lib/treaties/14.htm>)

⁷ В 1901 г. 51,5% мировой добычи нефти находилось в Баку. History of Azerbaijan Oil and Gas. Socar. (<https://www.socar.com.tr/history-1900>). В век «двигателя внутреннего сгорания» нефть стала ключевым стратегическим ресурсом мировой экономики, а для России, экономика которой была разрушена гражданской войной, – одним из главнейших факторов существования.

помощь Антанты. Армения, для которой Турция была врагом со дня основания страны, де-факто также превратилась во враждебное России государство. Однако страны Антанты не помогли Армении [Ованнисян 2007, 785–840]. Турецкая армия за два месяца оккупировала значительную часть страны и вынудила ее 2 декабря 2020 г. подписать Александропольский договор⁸.

Вторая карабахская война началась ровно через 100 лет в тот же день – 27 сентября, что можно считать и простым совпадением, и спланированным символическим решением. Известно, что в ней непосредственно участвовали турецкие высокопоставленные военные, которые руководили ходом боевых действий⁹, а также турецкий военный контингент. Они во многом определили исход войны¹⁰.

Следует отметить, что нынешняя ситуация в мир-системе и регионе парадигмально подобна положению дел в 1918–1920 гг. Сегодня, как и в начале XX в., в мир-системе происходит процесс смещения гегемона. Ситуация заставляет Россию, которая фактически находится в состоянии гибридной войны с НАТО, и Турцию – члена НАТО, вести себя как стратегические союзники. России необходим мир в Закавказье и в регионе в целом для стратегического транспортного проекта Север-Юг. Турция в такой ситуации получает тройную выгоду. Так, вследствие сближения с Россией она превращается в газотранспортный хаб. При открытии транспортных коммуникаций между Арменией и Азербайджаном улучшаются перспективы ускоренной интеграции последнего с Турцией. Наконец, стратегическое партнерство с Россией выступает существенным фактором предотвращения постоянной и катастрофической угрозы для Турции – образования курдского государства и большой региональной войны, которая выгодна только теряющему свой статус гегемону.

В 1922–1991 гг. в Армянской ССР были созданы высокоразвитая экономика, наука и культура. Общество республики приобрело уверенность в своих силах. В условиях начатой в СССР во второй половине 1980-х гг. демократизации оно посчитало достижимой цель восстановить историческую справедливость – воссоединить Нагорный Карабах с Арменией. Через полгода после распада СССР, в ходе Первой карабахской войны новое руководство Армении, которое в 1988–1991 гг. тесно сотрудничало с прибалтийскими националистическими движениями и добивалось разрушения СССР, поняло, что победа возможна лишь при условии восстановления и углубления отношений с Россией. Армении надо было реинтегрироваться в Большое российское пространство.

Под Большим российским пространством в статье подразумевается объединение государств, в котором Россия выступает организационным ядром. Одной из существенных особенностей постсоветской интеграции выступает значительный разрыв между интеграционными настроениями элиты и населения стран СНГ. В своих намерениях национальные элиты зачастую ориентируются на текущую конъюнктуру, под влиянием которой меняется и интеграционная повестка дня.

В контексте победоносной для Армении Первой карабахской войны примечателен ряд событий. 8 мая 1992 г. армянские войска освободили город Шуши (районный центр в НКАО и важный стратегический пункт), после чего Турция пригрозила Армении вводом

⁸ Судьбоносные договора 1813–1997 гг. 17. Мирный договор между Дашнакцаканским правительством Армении и Турцией, Заключенный в Александрополе-Гюмри 2 декабря 1920 г. Genocide.ru. (<http://genocide.ru/lib/treaties/17.htm>).

⁹ Черненко Е. Принуждение к конфликту. Коммерсантъ. 16.10.2020. (<https://www.kommersant.ru/doc/4537733>)

¹⁰ Веселов А. Кто из турецких генералов руководил атакой на Карабах. Взгляд. 12.11.2020. (<https://vz.ru/world/2020/11/12/1069822.html>).

войск. Однако 15 мая 1992 г. Армения вступила в ОДКБ, и 20 мая Главнокомандующий Вооруженными силами СНГ маршал авиации Е. Шапошников предотвратил вторжение Турции в Армению встречной угрозой¹¹.

С другой стороны, со второй половины 1990-х гг. Запад начал экономически и организационно осваивать постсоветские страны. Состязание двух интеграционных векторов определило характер всех политических, социальных, экономических и культурных процессов в постсоветской Армении. «Многовекторность» или «комплиментарность» стала основным принципом внешней политики Армении. Пророссийский вектор подтвердили следующие договоры: «О правовом статусе вооруженных сил РФ на территории Армении» (1992 г.); «О статусе пограничных войск РФ, находящихся на территории Армении» (1992 г.); присоединение Армении к ОДКБ (1992 г.). Армения подписала соглашение о дислокации российской военной базы на своей территории в 1995 г., затем был заключен Договор «О дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Армения» (1997 г.). В 2015 г. страна вошла в ЕАЭС. Однако после смены власти в Армении в результате «Бархатной революции» в 2018 г. во внешней политике республики начал резко ослабевать российский вектор и усиливаться прозападное направление [Атанесян 2018]. Данная тенденция интенсифицировалась после Второй Карабахской войны [Ананьев 2021а].

Динамика отношения общества Армении к Большому российскому пространству

С середины 1980-х гг. – параллельно с ослаблением СССР и в период независимости Армении – коллективный Запад вел в республике информационную войну. Ее цель состояла в том, чтобы разрушить традиционную ориентацию армян на Россию, которая 200 лет обеспечивала им консолидацию и проживание на своей исторической родине, процветание и превращение в высокообразованное общество, а Советскую Армению преобразила в технологически высокоразвитую республику¹².

Вследствие многовекторной политики властей Армении и снижения доверия граждан к правительству, с 2015 г. информационная война Запада начала постепенно приносить значимые успехи. В обществе Армении начала ослабляться пророссийская и усиливаться профранцузская ориентация. На рисунке 1 приведено распределение ответов на вопрос «Какая страна наилучший союзник Армении?», заданный в серии исследований «Кавказский барометр» за 2011–2022 гг. Респонденты могли выбрать один вариант ответа. На рисунке 1 приведены временные ряды только для России, Франции и ответа «Нет такой страны [которая является наилучшим союзником Армении]». Во всех исследованиях ряда остальные страны (Иран, США, Грузия и т. д.) в совокупности получили приблизительно 10%¹³.

¹¹ Демоян Г. (2006) Турция и Карабахский конфликт в конце XX – начале XXI веков. Историко-сравнительный анализ. Ер.: Авторское издание. С. 114. Armenian House. (<http://armenianhouse.org/demoyan/turkey/ch4.html>).

¹² Манукян С.А. Население Армении в 1827–2018 гг. Аналитический центр «Орбели». 2020-08-10. (<https://www.orbeli.am/tu/post/534/2020-08-10/Население+Армении+в+1827-2018+гг>).

¹³ Данные Рисунка 1 и все остальные результаты социологических исследований, приведенные в статье, получены на основе вторичного анализа баз данных «Кавказский барометр» Кавказских центров исследовательских ресурсов. Все исследования «Кавказский барометр» общереспубликанские, они репрезентативны по 11 регионам Армении (Ереван и 10 регионов) и типам населенных пунктов (Ереван, города, села). Генеральная совокупность выборок – население Армении в возрасте 18 лет и старше. Выборки построены на основе списков избирательных участков. Все выборки вероятностные, многоступенчато стратифицированные кластерные. Выбор домохозяйств в кластерах проведен методом случайного блуждания; выбор респондента в домохозяйстве – по

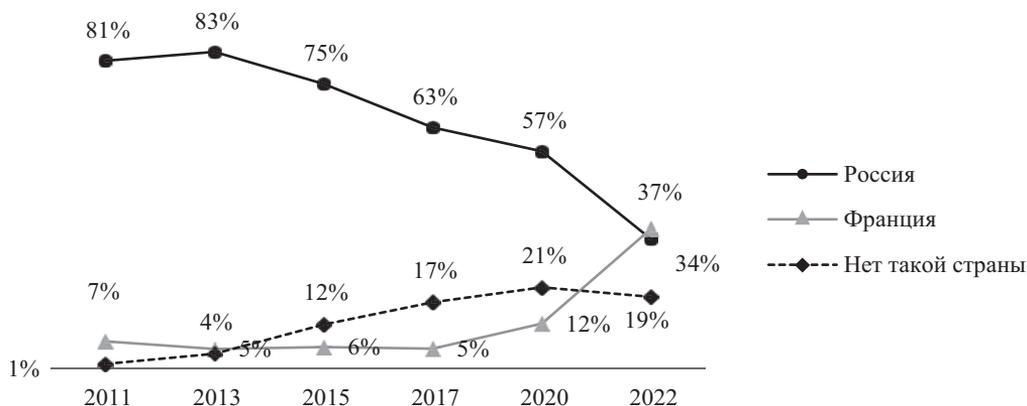

Рисунок 1. Ответы на вопрос «Какая страна наилучший союзник Армении?»

Figure 1. Answers to the question “Which country is Armenia’s best ally?”

Источник: исследование «Кавказский барометр», 2011–2022 гг.

Source: Caucasus Barometer study, 2011–2022.

Из рисунка видно, что за 11 лет доля респондентов, считавших Россию лучшим союзником Армении, снизилась с 83% до 34%. Одновременно доля опрошенных, которые называют важнейшим союзником Францию, выросла с 7% в 2011 г., до 37% в 2022 г. В то же время в обществе формировалась установка, что у Армении «нет союзной страны». Данная тенденция связана с интенсивной пропагандой, которая имела противоречивое содержание. Она сформировала в обществе Армении когнитивные диссонансы различного содержания, в том числе и по вопросу о наилучшем союзнике Армении. Анализ данных говорит, что этот слой общества также формировался в основном из респондентов, которые считали Россию лучшим союзником Армении.

Снижение пророссийских ориентаций в обществе зафиксировали и другие общереспубликанские репрезентативные социологические исследования. Например, в работе «Армения между Россией и Западом: Внешнеполитические приоритеты в общественном мнении» факультета Социологии Ереванского государственного университета 47,1% опрошенных назвали «дружественной страной» Россию, 84,2% – Францию [Атанесян, Мкртичян 2022]. Результаты двух опросов сопоставимы только косвенно, так как во втором случае респондентам задавали вопрос о том, является ли определенная страна дружественной или враждебной к Армении. В исследовании ЕГУ каждую страну оценивали отдельно. Соответственно, суммарная доля респондентов, считающих дружественной Россию и Францию, превышает 100%. В исследовании «Кавказский Барометр» суммарная доля респондентов, назвавших какую-либо страну наилучшим союзником Армении или

таблицам Киша; метод интервью «лицом к лицу» – по технологии персонального интервьюирования при помощи компьютера (CAPI). Объемы выборок и выборочные ошибки приведены по базам данных и незначительно отличаются от представленных в официальных презентациях Кавказских центров исследовательских ресурсов: 2011 г. – 2365, $\pm 2,01$; 2013 г. – 1832, $\pm 2,29$; 2015 г. 1863, $\pm 2,27$; 2017 г. 1648, $\pm 2,41$; 2019 г. 1491, $\pm 2,54$; 2021 1648, $\pm 2,41$. Полевые работы исследования «Кавказский Барометр 2019» проводились в феврале – марте 2020 г., поэтому на диаграмме и далее в тексте все данные этого исследования обозначены 2020 годом. Полевые работы исследования «Кавказский Барометр 2021» проводились в феврале 2022 г., поэтому на рисунке и далее в тексте все данные этого исследования обозначены 2022 годом. Базы данных исследований и сопутствующие документы представлены на сайте Caucasus Barometer (<https://www.crc.am/barometer/>).

ответивших нестандартно (например, «нет такой страны»), составляет 100%. Однако для данной статьи более существенно то, что в обоих исследованиях положительное отношение к Франции выше, чем к России.

Еще один аспект отношения к России и Франции отражен в опросе американского Международного республиканского института¹⁴. На вопрос «Как Вы оценили бы текущее состояние отношений между Арменией и [страной]?» 15% респондентов назвали отношения с Россией «очень хорошими», «хорошими» – 49% (сумма – 64%). Отношения с Францией оценили как «очень хорошие» 49%, как «хорошие» – 43% (сумма – 92%).

В исследовании ВЦИОМ¹⁵ гражданам Армении задали следующий вопрос: «Сейчас я буду перечислять Вам разные страны, а Вы отметьте, какие из них, на Ваш взгляд, являются дружественными для нашей страны (на поддержку которых в трудную минуту можно рассчитывать), а какие недружественными (отношения с которыми являются конфликтными и несущими угрозу нашей стране)?». Францию назвали «дружественной» страной 69% респондентов («недружественной» – 12%), Россию – 54% («недружественной» – 26%).

Отрицательные последствия многовекторной политики и изменения геополитической ориентации Армении уже проявились. К ним можно причислить 4-дневное военное столкновение между Арменией и Азербайджаном 1–5 апреля 2016 г., 44-дневную Вторую карабахскую войну в 2020 г., поражение в этой войне и последующие отрицательные региональные и глобальные процессы, которые ослабляют национальную безопасность страны.

С другой стороны, 44-дневная война в общественном сознании армян усилила и обратный процесс – рост установки на реинтеграцию с Большим российским пространством. Итоговой тренд этих разнонаправленных процессов в контекстах мир-системного анализа и исторического опыта Армении имеет важное значение для будущего страны.

В статье исследованы три аспекта отношения армянского общества к Большому российскому пространству: отношение к распаду СССР, отношение к присоединению Армении к Союзному государству Россия-Беларусь, обобщенная оценка объемов сегментов с пророссийской и прозападной ориентацией. Представлены факторы, которые определяют динамику развития этих установок¹⁶.

Влияние 44-дневной войны на отношения к распаду СССР

Есть основание считать, что до Второй карабахской войны (в период с 2013 по 2020 г.) уровень положительного отношения к СССР в армянском обществе снижался. Согласно результатам исследования агентства Gallup, в июне-августе 2013 г. 66% респондентов из Армении считали, что «из-за распада СССР Армения пострадала». Результат можно интерпретировать как косвенное свидетельство положительного отношения к СССР. Только 12% ответили, что «из-за распада СССР Армения получила пользу»¹⁷.

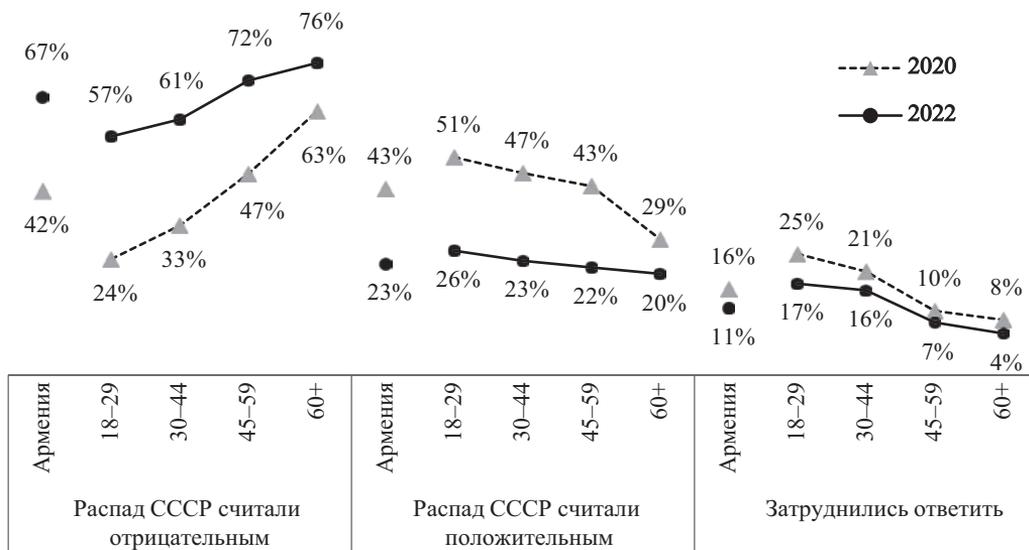
¹⁴ International Republican Institute проводил телефонный опрос в ноябре-декабре 2021 г., размер выборки – 1512 респондентов. Результаты опубликованы 31.01.2022. Public Opinion Survey: Residents of Armenia. IRI. January 31, 2022. (<https://www.iri.org/resources/public-opinion-surveyresidents-of-armenia/>).

¹⁵ Общественное мнение населения стран региона СНГ о российской гуманитарной помощи и вкладе в содействие международному развитию. ВЦИОМ. 2022. (<https://wciom.ru/presentation/prezentacii/obshchestvennoe-mnenie-naselenija-stran-regiona-sng-o-rossiiskoi-gumanitarnoi-pomoshchi-i-vklade-v-sodeistvie-mezhdunarodnomu-razvitiyu>).

¹⁶ Результаты исследования получены вторичным анализом баз данных исследований «Кавказский барометр» 2020 и 2022 гг. Кавказских центров исследовательских ресурсов.

¹⁷ Esipova N., Ray J. Former Soviet Countries See More Harm from Breakup. Gallup. December 19, 2013. (<https://news.gallup.com/poll/166538/former-soviet-countries-harm-breakup.aspx>).

По данным опроса «Кавказский барометр», проведенного в 2020 г., до 44-дневной войны 43% совершеннолетнего населения Армении считали распад СССР положительным явлением (соответственно, респонденты отрицательно оценивали СССР). Однако после нее эта доля сократилась почти вдвое и составила 23% (рис. 2).

Рисунок 2. Ответы на вопрос «По Вашему мнению, распад СССР для Армении был положительным или отрицательным явлением?»

Figure 2. Answers to the question “In your opinion, was the collapse of the USSR positive or negative for Armenia?”

Источник: исследование «Кавказский барометр», 2020 и 2022 гг.
 Source: *Caucasian Barometer Study*, 2020 and 2022.

До войны распад СССР считали отрицательным фактором (положительно относились к СССР) 42% опрошенных, а после войны – 67%. Таким образом, в течение 2013–2022 гг. тенденция снижения положительного отношения к России сопровождалась снижением положительного отношения к СССР. После войны резко выросло положительное отношение к СССР – или к Большому российскому пространству. Причем лучше данный временной период стали оценивать во всех возрастных группах – особенно среди молодежи 18–29 лет. Следует также обратить внимание на то, что после войны в обществе Армении с 16% до 11% сократилась часть населения, которая затруднялась однозначно оценить распад СССР.

Исследована система аргументации в сегментах опрошенных, которые считают распад СССР положительным или отрицательным явлением. В исследованиях «Кавказский барометр» респондентам задавали вопрос: «Почему Вы считаете распад СССР положительным/отрицательным». Участники могли дать два ответа, что позволило выявить не только центральный аргумент той или иной установки, но и второстепенные аргументы. В таблицах 1 и 2 приведены аргументы отвечавших, почему они оценивают распад СССР положительно или отрицательно.

Таблица 1

Ответы на вопрос: «Почему Вы считаете разрушение СССР положительным?»¹⁸
 (% от количества респондентов, считавших распад СССР положительным)

Table 1

Answers to the question: “Why do you consider the destruction of the USSR a positive phenomenon?”
 (% of the number of respondents who assessed the collapse of the USSR as positive)

Аргумент	Год исследования	
	2020	2022
Армения получила независимость	83,9%	87,8%
Люди могут свободно выражать свое мнение, и их не преследуют	7,7%	2,5%
Мы можем сами выбирать нашу власть	7,1%	1,8%
Защищены права человека	6,7%	2,9%
Мы можем лучше защищать наш язык и культуру	6,4%	2,1%
Наша культура получила возможность развития	5,4%	3,8%
Мы можем быть ближе к Западу	5,2%	0,5%
Люди могут начать собственный бизнес	4,6%	2,6%
Мы можем путешествовать по миру	2,7%	0,2%
Появилось много видов продовольственных товаров и продовольствия	2,5%	0,8%
Иные ответы	2,2%	0,0%

Источник: исследование «Кавказский барометр», 2020 г. и 2022 г.

Source: *Caucasian Barometer Study, 2020 and 2022.*

Таблица 2

Ответы на вопрос: «Почему Вы считаете разрушение СССР отрицательным?».
 (% от количества респондентов, считавших распад СССР отрицательным)¹⁹

Table 2

Answers to the question: “Why do you consider the destruction of the USSR a negative phenomenon?”
 (% of the number of respondents who assessed the collapse of the USSR as negative)

Аргумент	Год исследования	
	2020	2022
Ухудшилось экономическое положение людей	70,5%	69,5%
Сократилось количество рабочих мест	19,6%	20,7%
Начался Карабахский конфликт	14,7%	13,0%
Разорвались связи между друзьями и родственниками	8,3%	3,0%
Затруднились путешествия по странам бывшего союза	6,8%	2,8%
Стали платными здравоохранение и учеба	5,9%	1,4%
Увеличился разрыв между богатыми и бедными	5,7%	6,4%
Люди стали относиться к другим в зависимости их этнической и религиозной принадлежности	4,2%	1,6%
Неготовность к независимости	-	5,6%

Источник: исследование «Кавказский барометр», 2020 г. и 2022 г.

Source: *Caucasian Barometer Study, 2020 and 2022.*

¹⁸ Варианты ответов респондентам не предлагались, допускалось не более двух ответов.

¹⁹ Варианты ответов респондентам не предлагались, допускалось не более двух ответов.

На основании анализа таблиц можно сделать несколько основных выводов. Во-первых, респонденты, которые положительно оценивают распад СССР, чаще всего приводят аргумент «Армения получила независимость». Опрошенные, придерживающиеся противоположной точки зрения, в основном подтверждают ее доводом «ухудшилось экономическое положение людей». Однако после 44-дневной войны система аргументации тех, кто считал распад СССР положительным, оказалась практически подорвана. Соответствующий вывод следует из данных столбца «2022 г.» таблицы 1. После конфликта в политическом сознании таких респондентов сохранился только центральный аргумент – «Армения получила независимость» (87,8%). Значительно утратили свое значение все остальные доводы, которые расширяли содержание этой установки: «Люди могут свободно выражать свое мнение, и их не преследуют» (2,5%), «Мы можем сами выбирать нашу власть» (1,8%), «Защищены права человека» (2,9%). Следует отметить, что эти аргументы представляют собой основополагающие принципы демократии.

С другой стороны, в сознании тех, кто считает распад СССР отрицательным фактором, сохранился не только центральный аргумент «Обнищание людей» (69,5%), но и еще два существенных обоснования: «Сократилось количество рабочих мест» (20,7%), и «Начался Карабахский конфликт» (13,0%). По-прежнему актуален довод «Увеличился разрыв между богатыми и бедными» (6,4%). Данные аргументы отображают сущность мир-системной трансформации в 1991 г. – распад полу-периферии и ее превращение в сырьевой придаток ядра мир-системы. С другой стороны, эти аргументы отображают общественное недовольство результатами перехода от социализма к капитализму.

Следует особо обратить внимание на то, что в 2022 г. у противников распада СССР появился новый аргумент – «Неготовность к независимости» (5,6%). Он объединил в себе частные утверждения: «Мы неспособны быть независимыми», «Плохое государственное управление», «Неспособность самостоятельно обеспечивать государственную безопасность», «Зависимость от России».

Углубленный анализ базы данных 2022 г. выявил еще два фактора, которые усиливают в обществе положительное восприятие СССР. Последнее, в свою очередь, формирует установку на реинтеграцию с Большим российским пространством²⁰. Первый фактор – субъективная оценка вероятности новой войны. Чем выше респонденты оценивают такую возможность, тем сильнее у них положительная установка к СССР, и, следовательно, к реинтеграции. После 44-дневной войны в феврале 2022 г. 71% опрошенных считали, что возможен новый конфликт. Второй фактор – неопределенность по отношению к своему будущему. Чем сильнее это чувство, тем выше положительное отношение к СССР и к реинтеграции. После 44-дневной войны 76% опрошенных испытывали высокую степень неопределенности.

Отношение к присоединению Армении к союзу Россия–Беларусь

История создания Союзного государства России и Беларуси официально началась в апреле 1996 г., когда был подписан Договор об образовании Сообщества России и Беларуси. 2 апреля 1997 г. стороны заключили Договор о Союзе Беларуси и России. В Армении идея присоединения к нему существовала, по крайней мере, с мая 1997 г. Основные события этого процесса и отношение в обществе Армении к этому союзу изложены в Постановлении Государственной думы РФ от 1997 г.

²⁰ Использован многомерный регрессионный анализ.

«12 мая 1997 года в городе Ереван состоялось республиканское собрание представителей общественно-политических организаций, поддержавшее воззвание видных деятелей науки и культуры страны о вхождении Армении в Союз Беларуси и России и объявившее о начале сбора подписей за проведение по этому вопросу референдума. 16 мая 1997 г. Государственная Дума Федерального Собрания РФ приняла обращение “О поддержке инициативы представителей общественно-политических организаций Республики Армения о присоединении Армении к Союзу Беларуси и России”. В указанном Обращении, в частности, подчеркивалось, что, несмотря на переживаемые нашими государствами трудности, Армения по-прежнему является надежным стратегическим союзником России. Государственная Дума, поддержав эту инициативу, призвала народы Армении, Беларуси и России к объединению. 5 сентября 1997 г. республиканский оргкомитет “Армянская народная инициатива Россия – Беларусь – Армения” объявил о том, что уже собраны 1 022 342 подписи граждан республики, требующих от властей Армении провести референдум по вопросу вхождения Республики Армения в Союз Беларуси и России», – говорится в документе²¹.

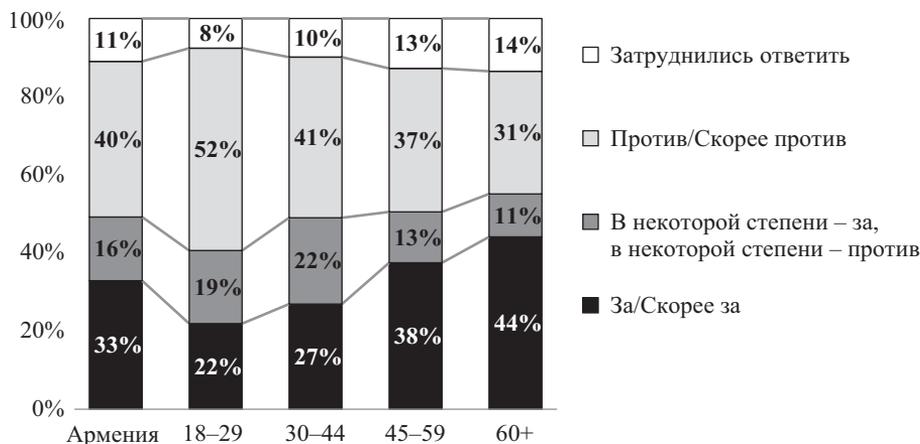
Следует приблизительно оценить долю совершеннолетнего населения Армении, которая была заинтересована в присоединении к Союзу Россия – Беларусь. Во-первых, естественно предположить, что подписавшие требование о референдуме скорее всего поддерживали вхождение Армении в союз России и Беларуси. Во-вторых, на выборах в парламент Армении 1999 г. было зарегистрировано 2 198 544 избирателей²². Однако в течение 1992–1997 гг. миграционный баланс Армении составил минус 611 тысяч человек. Предположим, что две трети из уехавших (≈ 409 тыс. человек) были совершеннолетними гражданами. Соответственно, де-факто численность избирателей составляла приблизительно 1 789 000 человек. Следовательно, в 1999 г. не менее 57% (= 1 022 342 / 1 789 000) населения Армении были согласны с присоединением Армении к союзу Россия – Беларусь.

Общереспубликанское репрезентативное социологическое исследование, в котором задавали вопросы об отношении граждан Армении к возможному присоединению к Союзу России и Беларуси, обнаружить не удалось. Единственным исключением выступает опрос «Кавказский барометр 2022» Кавказских Центров Исследовательских Ресурсов.

После 44-дневной войны на вопрос «Насколько Вы выступаете за присоединение Армении к Союзу Россия-Беларусь?», 33% респондентов в Армении ответили «за» или «скорее за», 16% не исключили такой выбор («в какой-то мере за, в какой-то мере против»). 40% опрошенных ответили «против» или «скорее против» (рис. 3). Следовательно, в 2022 г. 49% населения Армении были «за» или «в какой-то мере за». Доля сторонников присоединения Армении к союзу Россия – Беларусь значительно сократилась по сравнению с 1996 г.: с 57% до 33%. Из рисунка 3 видно, что наиболее положительно оценивают союз респонденты старшего возраста. В возрастной группе 18–29 лет соотношение «за» и «против» представляет собой 22:52, в группе 60+ – 44:31.

²¹ О Комиссии Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по поддержке народной инициативы вхождения Республики Армения в состав Союза Беларуси и России. Постановление. Государственная Дума Федерального Собрания РФ. 25.09.97 1748-II ГД. Предпринимательское право. (http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_53262.html).

²² Elections 1999–2005, May 30, 1999, Parliamentary (Proportional). Central Electoral Commission of Republic of Armenia. (<https://www.elections.am/PageFor/Elections%201999-2005>).

Рисунок 3. Ответы на вопрос «Вы за или против присоединения Армении к Союзу Россия – Беларусь?»

Figure 3. Answers to the question “Are you in favor or against the accession of Armenia to the Russia-Belarus Union?”

Источник: исследование «Кавказский барометр», 2022 г.
 Source: *Caucasian Barometer Study*, 2022.

Обобщенный анализ геополитических ориентаций общества Армении

Сравнение мнений по поводу присоединения к союзу Россия-Беларусь с установками по отношению к другим интеграционным образованиям позволяет лучше понять полученные результаты. На рисунке 4 приведены оценки присоединения к ЕС, НАТО, союзу Россия-Беларусь и продолжению членства в ЕАЭС за 2022 г.²³

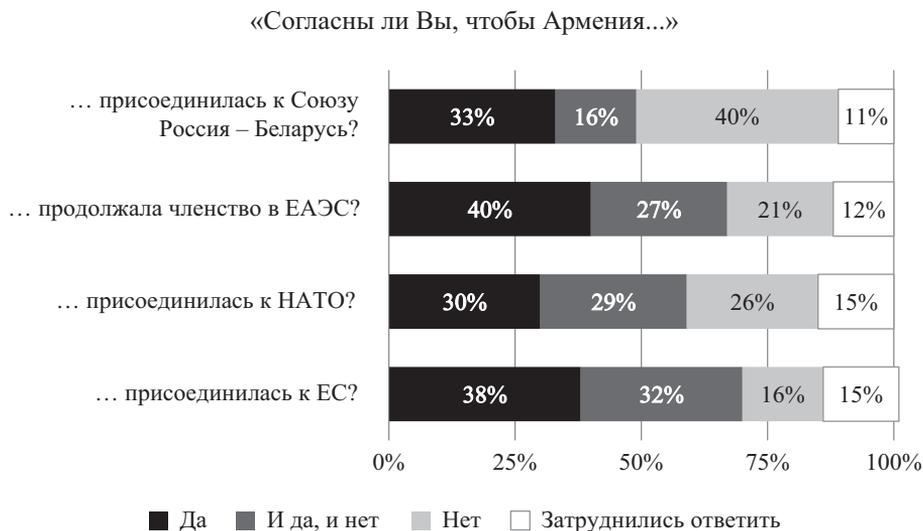
Из рисунка 4 следует, что в 2022 г. в армянском обществе прозападные установки несколько превосходили пророссийские. 49% респондентов были согласны или частично согласны присоединиться к союзу Россия-Беларусь, 67% – оставаться в составе ЕАЭС, 59% – присоединиться к НАТО, 70% – войти в состав ЕС.

Такие результаты возможны, когда значительная доля граждан согласна на участие Армении в противоположных, если не враждебных интеграционных образованиях – с одной стороны, в ЕС и НАТО, с другой стороны – в ЕАЭС и союзе Россия-Беларусь. Данную тенденцию объясняют два фактора. Во-первых, ощущающее сильную внешнюю опасность общество готово участвовать в любом большом пространстве, которое обеспечит его физическую безопасность. Во-вторых, многие представители армянского общества плохо понимают, что собой представляют перечисленные образования, какие отношения существуют между ними и возможно ли одновременное членство в этих интеграционных группировках.

Для обобщенной оценки объемов сегментов пророссийской и прозападной ориентаций на основе переменных рисунка 4 сконструированы шкалы пророссийской и прозападной ориентаций. Они разделены на три уровня – «слабая», «средняя» и «сильная» ориентация. «Сильная» пророссийская ориентация означает, что респондент «согласен»

²³ В исследовании «Кавказский барометр 2022» подобный вопрос об ОДКБ отсутствовал, хотя в исследованиях 2013–2020 гг. этот вопрос присутствовал.

или «скорее согласен» на интеграцию Армении с ЕАЭС и ОДКБ. «Слабую» пророссийскую ориентацию выражают опрошенные, которые «не согласны» или «скорее не согласны» на то, чтобы Армения интегрировалась и с ЕАЭС, и ОДКБ. Все остальные сочетания идентифицированы как ориентации «средней» интенсивности. Подобным образом обработаны данные по прозападной ориентации (ЕС и НАТО). Сводная таблица новых переменных дает обобщенное представление о структуре геополитических ориентаций в Армении (таб. 3).

Рисунок 4. Установки по отношению к российским и западным интеграционным союзам

Figure 4. Attitudes towards Russian and Western integration unions

Источник: исследование «Кавказский барометр», 2022 г.

Source: *Caucasian Barometer Study*, 2022.

Таблица 3

Структура геополитических ориентаций общества Армении

Table 3

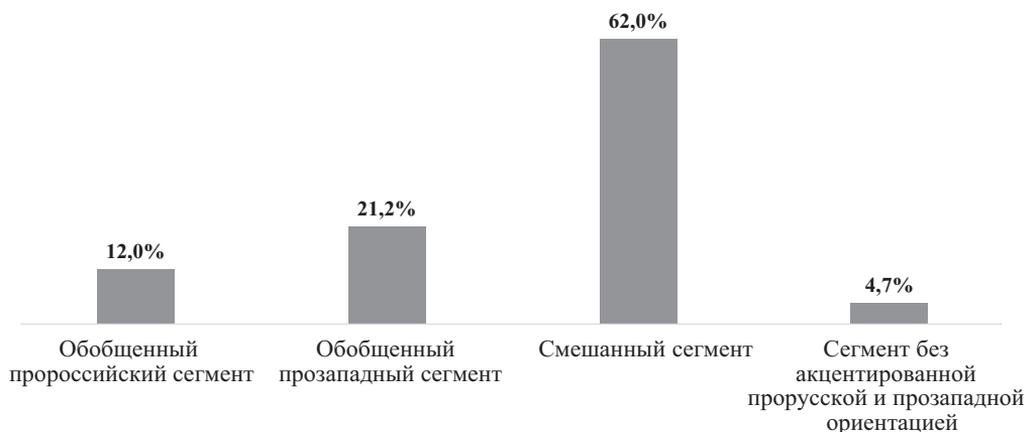
The structure of geopolitical orientations of Armenian society

		Ориентация на НАТО и ЕС			
		Слабая	Средняя	Сильная	Итого
Ориентация к ЕАЭС и Союзу Россия – Беларусь	Слабая	4,7%	12,1%	9,1%	26,0%
	Средняя	5,2%	32,0%	8,8%	46,0%
	Сильная	6,8%	14,3%	6,9%	28,1%
	Итого	16,8%	58,4%	24,8%	100,0%

Источник: исследование «Кавказский барометр», 2022 г.

Source: *Caucasian Barometer Study*, 2022.

В таблице 3 можно выделить четыре сегмента: обобщенный проевропейский, обобщенный пророссийский, смешанный и сегмент без акцентированной пророссийской и прозападной ориентации (рис. 5).

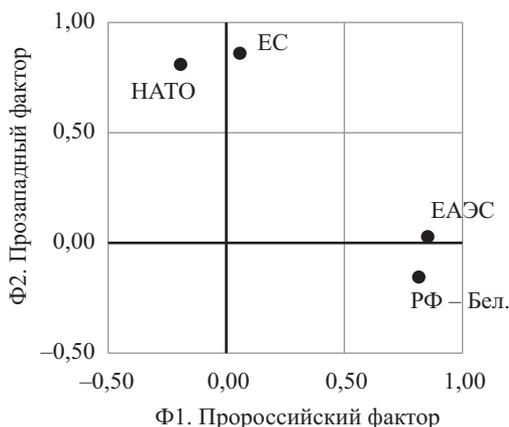

Рисунок 5. Сегменты пророссийской и прозападной ориентаций в Армении (2022)

Figure 5. Segments of pro-Russian and pro-Western orientations in Armenia (2022)

Источник: исследование «Кавказский барометр», 2022 г.

Source: *Caucasian Barometer Study*, 2022.

Рисунок 6. Факторное пространство пророссийской и прозападной ориентаций

Figure 6. Factor space of pro-Russian and pro-Western orientations

Источник: исследование «Кавказский барометр», 2022 г.

Source: *Caucasian Barometer Study*, 2022.

Объем обобщенного сегмента проевропейской ориентации составляет 21,2% (сумма данных в верхнем правом квадранте). К нему относятся респонденты с сильной или средней прозападной ориентацией и слабой пророссийской. Так же вычислен объем обобщенного сегмента пророссийской ориентации – 12,0% (сумма данных в нижнем левом квадранте). Смешанную ориентацию (и пророссийскую, и прозападную) имеет 62% опрошенных (сумма данных в нижнем правом квадранте). В данном сегменте наибольшую подгруппу составляют респонденты со средней ориентацией и на Россию, и на Запад – 32,0%. Одновременно сильную пророссийскую и прозападную ориентации имеют 6,9%

участников. Объем сегмента без акцентированной ориентации составляет 4,7% (верхний левый квадрант).

Сегменты нижнего правого квадранта представляют долю населения, которое сегодня выступает объектом пропаганды. Ее цель – перевести это население в тот или иной сегмент с сильно акцентированной ориентацией. Существует два основных метода для такого воздействия. Первый – информировать широкие слои населения о несовместимости пророссийской и прозападной политической и, тем более, военной интеграции. Второй – объяснять последствия той или иной интеграции простым и ясным для восприятия широких слоев населения языком, опираясь на контекст их жизненных интересов.

В группе со смешанными ориентациями (62%) присутствует существенный разброс сочетаний пророссийской и прозападной позиций. Тем не менее, в общественном сознании они представляют отдельные ментальные комплексы (структуры ассоциированных представлений). Данный вывод подтвержден факторным анализом четырех переменных, представляющих ориентаций на ЕС, НАТО, ЕАЭС и Союз Россия-Беларусь (рис. 6).

Сравнение характеристик политической культуры в пророссийском и прозападном сегментах общества Армении

Исследованы некоторые важные для прогнозирования политических процессов в Армении характеристики обобщенных сегментов, в том числе уровень лояльности политическому курсу страны, электоральное участие и информационные предпочтения.

Уровень лояльности политическому курсу страны в сегментах геополитических ориентаций. На рисунке 7 отображены уровни лояльности населения политическому курсу страны в сегментах геополитических ориентаций.

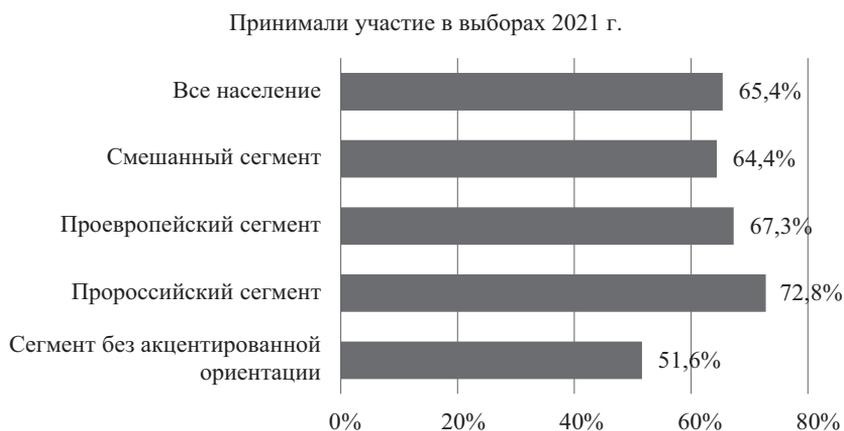
Рисунок 7. Уровень лояльности политическому курсу страны в сегментах пророссийской и прозападной ориентаций

Figure 7. The level of loyalty to the country's political course in the segments of pro-Russian and pro-Western orientations

Источник: исследование «Кавказский барометр», 2020 г.
Source: *Caucasian Barometer Study*, 2020.

Уровень лояльности по всей республике очень низок – 17,4%. Он практически совпадает с показателем по смешанному сегменту, так как он отображает настроения 62% населения. Уровень лояльности политическому курсу страны в пророссийском сегменте значительно ниже, чем в прозападном сегменте. Тем не менее, во втором согласие с политическим курсом также очень низко.

Электоральное участие в геополитических сегментах. Электоральное участие в выделенных сегментах представлено на рисунке 8. Согласно полученным данным, по всей Армении оно выше (65,4%), чем демонстрируют официальные показатели (49,4%). Данная особенность связана с тем, что исследование оценивает показатель на основе численности населения де-факто, а официальная статистика опирается на де-юре численность населения. Электоральное участие в пророссийском сегменте (73%) выше, чем в прозападном сегменте (67%), однако это различие статистически не значимо (на уровне 0,05). Только в сегменте без акцентированной ориентации (51,6%) электоральное участие статистически значимо ниже, чем в остальных сегментах.

Рисунок 8. Электоральное участие в сегментах пророссийской и прозападной ориентаций

Figure 8. Electoral participation in the segments of pro-Russian and pro-Western orientations

Источник: исследование «Кавказский барометр», 2022 г.

Source: *Caucasian Barometer Study*, 2022.

Информационные предпочтения геополитических сегментов. Детальный анализ информационного воздействия на общественное мнение Армении, его переформатирования и влияния на социальные и политические процессы в Армении до и после Второй карабахской войны приведен в [Ананьев 2021b]. К нему следует добавить выделенные особенности информационных предпочтений в геополитических сегментах армянского общества после Второй карабахской войны.

Информационные предпочтения в геополитических сегментах представлены в таблице 4. В таблице выделены данные каждой строки, которые статистически значимо отличаются. Остальные данные строки имеют ориентировочный характер.

Телевидение выступает первым или вторым основным источником информации в пророссийском сегменте (80,1%). Показатель данной группы статистически значимо выше, чем в проевропейском (64,1%) и остальных сегментах. Социальные сети и интер-

нет (без социальных сетей) преобладают в проевропейском сегменте (соответственно 59,9% и 30,3%).

Таблица 4

**Распространенность источников информации в сегментах
 с различными геополитическими ориентациями**

Table 4

**The prevalence of information sources in segments
 with different geopolitical orientations**

Источники информации	Все население	Пророс- сийский сегмент	Проевро- пейский сегмент	Сме- шанный сегмент	Сегмент без акцент. ориентации
Телевидение	71,0%	80,1%	64,1%	72,2%	62,3%
Социальные сети	53,1%	46,6%	59,7%	52,0%	52,7%
Интернет (без социальных сетей)	22,9%	18,0%	30,3%	21,5%	20,3%
Соседи, друзья	12,5%	10,8%	11,6%	12,7%	17,3%
Члены семьи	11,1%	11,4%	9,1%	11,6%	11,3%
Сослуживцы	4,6%	4,9%	4,0%	4,9%	1,7%
Радио	2,4%	3,0%	1,6%	2,6%	1,8%
Печатные газеты	1,6%	2,8%	0,4%	1,9%	0,0%

Источник: исследование «Кавказский барометр», 2022 г.

Source: *Caucasian Barometer Study*, 2022.

Может показаться, что телевидение формирует или поддерживает пророссийские настроения. Однако картина значительно меняется при исследовании аудиторий конкретных телеканалов. Во-первых, 33% всех телезрителей больше всего доверяют «1 каналу» Общественной телекомпании Армении, 29% – телеканалу «Армения», 20% – «Шант». Всем остальным каналам вместе больше всего верят 18% телезрителей. В данном контексте следует рассмотреть предпочтения основных телеканалов, входящих в государственный мультиплекс в различных сегментах (таб. 5). Наиболее влиятельный телеканал формирует в основном прозападные ориентации, так его считают наиболее заслуживающим доверия 42,0% проевропейского сегмента и только 22,1% пророссийского сегмента. Для каналов «Армения» и «Шант» эти соотношения статистически равны – их пропорции соответственно 24,1%:23,2% и 19,3%:19,0%. Соответственно, на этих телеканалах проевропейская и пророссийская информационные составляющие примерно равны.

Из данных таблицы 5 видно, что пророссийские ориентации формируют «Армньюс» (12,6%) и «5-ый канал» (11,6%). Первый из них считали ассоциированным с третьим Президентом Армении С. Саркисяном. По решению властей в феврале 2022 г. он прекратил вещание в государственном мультиплексе, который транслирует цифровые каналы по всей республике. Телеканал «Еркир Медиа» ассоциировали с оппозиционной партией АРФ «Дашнакцутюн», которая входит в предвыборный блок «Армения» второго Президента Армении Р. Кочаряна. Его вывели из государственного мультиплекса 22 января 2023 г.

Таблица 5

Ответы на вопрос «Какому телеканалу Вы больше всего доверяете для получения политической информации об Армении?»²⁴

Table 5

Answers to the question “Which TV channel do you trust the most for getting political information about Armenia?”

ТВ канал	Все население	Пророссийский сегмент	Проевропейский сегмент	Смешанный сегмент	Сегмент без акцент. ориентации
«1-ый Общественный»	33,1%	23,1%	42,0%	32,3%	36,6%
«Армения ТВ»	29,1%	23,2%	24,1%	32,2%	23,0%
«Шант ТВ»	20,0%	19,0%	19,3%	20,5%	19,8%
«Армьюс»	5,3%	12,8%	2,7%	4,5%	5,1%
«5-ый канал»	3,8%	11,8%	1,4%	2,6%	8,9%
«Еркир Медиа»	2,0%	3,0%	0,9%	2,1%	2,6%
«Кентрон»	1,0%	2,7%	0,9%	0,7%	1,6%
Остальные телеканалы	5,6%	4,5%	8,8%	5,1%	2,3%
Итого	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%

Источник: исследование «Кавказский барометр», 2022 г.

Source: *Caucasian Barometer Study*, 2022.

Доверие к государственным и общественным институтам. В таблице 6 приведены уровни доверия различных сегментов к государственным, политическим и общественным институтам.

Таблица 6

Уровень доверия к государственным и общественным институтам в сегментах с различными геополитическими ориентациями²⁵

Table 6

Level of trust in state and public institutions in segments with different geopolitical orientations

Институт	Сегмент без акцент. ориентации	Пророссийский сегмент	Проевропейский сегмент	Смешанный сегмент	Все население
СМИ	5%	6%	8%	10%	9%
Премьер-министру/ правительству	7%	8%	12%	14%	13%
Парламенту	7%	8%	12%	14%	13%
Полиции	13%	16%	15%	21%	19%
Неправительственным организациям	14%	21%	25%	27%	25%
Президенту	21%	18%	32%	30%	28%
Политическим партиям	26%	30%	38%	42%	39%
Армии	63%	82%	83%	82%	81%

Источник: исследование «Кавказский барометр», 2022 г.

Source: *Caucasian Barometer Study*, 2022.

²⁴ Принимался только один ответ.

²⁵ Представлены суммарные показатели по ответам «Полностью доверяют» и «Скорее доверяют».

Исследования показывают очень низкий уровень доверия к правительству, к парламенту и особенно к СМИ. В этом контексте очень высокий уровень доверия к армии косвенно демонстрирует, кого общество считает ответственным за поражение в 44-дневной войне и дезинформацию о ходе конфликта.

Вторая особенность заключается в том, что уровень доверия ко всем институтам в пророссийском сегменте ниже, чем в проевропейском. Он наиболее высок в смешанном сегменте. Такое положение дел можно объяснить тем, что пророссийский сегмент недоумен ослаблением соответствующего вектора в государственной политике, а прозападный сектор – недостаточным темпом усиления импонирующего ему вектора. Смешанный сегмент более лоялен из-за того, что в государственной политике он «видит» и то, и другое.

Основные выводы

Важнейшим вопросом для национальной безопасности Армении остается соответствующий реалиям геополитический выбор. Опыт армяно-турецких войн 1918 и 1920 гг., когда состояние мир-системы и геополитическая конфигурация в мире и Закавказье в своих основных характеристиках были идентичны сегодняшней, показал, что для Армении предпочтительно развивать интеграцию с Большим российским пространством.

Отрицательные последствия 44-дневной войны повысили положительное отношение к СССР в обществе Армении – особенно среди молодежи. Данную установку также усиливает высокая степень неопределенности относительно будущего и ожидание новой войны. Возрастающее положительное отношение к СССР формирует установки на реинтеграцию в Большое российское пространство, в частности, на членство в союзе Россия-Беларусь. В 2022 г. «за» или «в какой-то мере за» присоединение к союзу выступали 49% населения Армении.

После Второй карабахской войны система аргументации тех, кто считает распад СССР положительным событием, разрушилась. Сохранился лишь центральный аргумент – «Армения получила независимость». Утратили свое значение доводы, связанные с либерализмом и демократией. В то же время система аргументации тех, кто считал распад СССР отрицательным событием, сохранилась. Ее основное содержание можно описать следующим тезисом: «Распад СССР лишил общество основных завоеваний социализма – гарантированных рабочих мест, социальной справедливости и мира в межэтнических отношениях». После 44-дневной войны в этой системе появился новый концепт – «Неготовность Армении к независимости».

Из-за сильного ощущения внешней физической опасности в обществе Армении распространена установка присоединиться к большому интеграционному пространству, которое может обеспечить его безопасность. Сегодня 62% армянского общества такими пространствами видит одновременно и европейский (ЕС и НАТО), и пророссийский (ЕАЭС и союз Россия-Беларусь) блоки. Такое противоречивое сочетание возникло в результате подавляющего перевеса системной прозападной пропаганды в обществе Армении, в том числе в СМИ, образовательной системе и социально активных организованных слоях населения. Вторая причина заключается в том, что гражданское общество недостаточно осознает невозможность такого сочетания и последствия неправильного выбора.

Информационное поле в Армении содействует росту проевропейских и сокращению пророссийских ориентаций. Особое влияние сохраняет телевидение, особенно «1 канал» Общественной телекомпании Армении, «Армения» и «Шант». Первый из них особенно влияет на ориентации среднего и старшего поколений, которые составляют значительную часть пророссийски ориентированного сегмента общества. Перечислен-

ные телеканалы особенно важны в контексте формирования электоральных предпочтений в Армении.

Обострение геополитического противостояния в Армении и регионе в переходной фазе мир-системы, аморфное отношение общества к жизненно важному вопросу геополитической ориентации, низкий уровень лояльности политическому курсу страны, политическим и общественным институтам, поляризация отношений между правящей и оппозиционными партиями – эти факторы говорят о неготовности армянского общества к возможным потрясениям в стране и регионе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ананьев А.В. (2021a) Внутриполитическое положение в Армении после карабахского конфликта // *Международная жизнь*. № 2. С. 94–111. (<https://interaffairs.ru/jauthor/material/2470>).

Ананьев А.В. (2021b) Армянский информационно-политический разлом // *Общественные науки и современность*. № 1. С. 145–156. DOI: 10.31857/S086904990013998-9.

Атанесян А.В. (2018) «Бархатная революция» в Армении: потенциал, достижения и риски политико-протестной активности // *ПОЛИС (Политические исследования)*. № 6. С. 80–98. DOI: 10.17976/jpps/2018.06.06. (<https://www.politstudies.ru/article/5463>).

Атанесян А. В., Мкртчян А. Е. (2022) Армения между Россией и Западом: внешнеполитические приоритеты в общественном мнении // *Социологические исследования*. № 12. С. 88–100. DOI: 10.31857/S013216250022088-9.

Валлерстайн И. (2000) Глобализация или переходный период? // *Экономические стратегии*. № 2. С. 14–26.

Валлерстайн И. (2001) Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. Пер. с англ.: П. М. Кудюкин. СПб.: Издательство «Университетская книга». 416 с.

История Армении. С древнейших времен до наших дней. Учебник для вузов (2012) Ред.: Г. Р. Симонян. Ереван. 874 с.

Купряшкин И. В. (2019) Накануне гегемона? Мир-системный подход к перспективе глобального лидерства КНР // *Вестник Бурятского государственного университета. Философия*. Вып. 4. С. 32–42. DOI: 10.18101/1994-0866-2019-4-32-42.

Махмурян Г. (2022) Об отказе Османского правительства от Батумского договора 1918 г. // *Вестник общественных наук. Национальная академия наук Республики Армения*. № 3. С. 9–27. DOI: 10.53548/0320-8117-2022.3-9.

Мозолев К.И. (2018) Глобальная гегемония Китая: реальность и перспективы // *Juvenis scientia. Юридические науки и политология*. № 4. С. 20–25.

Ованнисян Р.Г. (2007) Международные отношения Республики Армения, 1918–1920 гг. Пер. с англ.: Г. Г. Махмурян. Ин-т истории НАН Армении; Кафедра современной армянской истории Калифорнийского ун-та Лос-Анджелеса. Ереван: Тигран Мец. 912 с.

Фишман Л. (2021) Достойный гегемон «испорченного» мира // *Россия в глобальной политике*. № 4. DOI: 10.31278/1810-6439-2021-19-4-98-110.

REFERENCES

Ananiev A. V. (2021a) Vnutripoliticheskoe polozhenie v Armenii posle karabahskogo konflikta [Domestic Politics in Armenia in the Wake of the Karabakh Conflict]. *International Affairs*. no. 2, pp. 94–111. (<https://interaffairs.ru/jauthor/material/2470>).

Ananiev A.V. (2021b) Armjanskij informacionno-politicheskiy razlom [The Armenian Information and Political Rift]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*. no. 1, pp. 145–156. DOI: 10.31857/S086904990013998-9.

Atanesjan A.V. (2018) «Barhatnaja revoljucija» v Armenii: potencial, dostizhenija i riski politiko-protestnoj aktivnosti [“The Velvet Revolution” in Armenia: Potential, Achievements, and Risks of Political and Protest Activity]. *POLIS (Political Studies)*. no. 6, pp. 80–98. DOI: 10.17976/jpps/2018.06.06.

Atanesjan A. V., Mkrtichjan A. E. (2022) Armenija mezhdru Rossiej i Zapadom: vneshnepoliticheskie priority v obshhestvennom mnenii [Armenia Between Russia and the West: Foreign Policy Priorities in Public Opinion]. *Sociologicheskie issledovanija*. no. 12, pp. 88–100. DOI: 10.31857/S013216250022088-9.

Fishman L. (2021) Dostojnyj gegemon «isporchennogo» mira [A Worthy Hegemon of the “Spoiled” World]. *Russia in Global Affairs*. no. 4, July/August. DOI: 10.31278/1810-6439-2021-19-4-98-110.

Istorija Armenii. S drevnejshih vremen do nashih dnei. Uchebnik dlja vuzov [History of Armenia. From Ancient Times to Our Days. Manual for Universities] (2012) Ed(s): G.R. Simonjan. Erevan. 874 p.

Kuprjashkin I. V. (2019) Nakanune gegemona? Mir-sistemnyj podhod k perspektive global'nogo liderstva KNR [On the Eve of a Hegemon? World-Systems Approach to the Perspective of the Global Leadership of the CPR]. *Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija*. issue 4, pp. 32–42. DOI: 10.18101/1994-0866-2019-4-32-42.

Mahmurjan G. (2022) Ob otkaze Osmanskogo pravitel'stva ot Batumskogo dogovora 1918 g. [On the Rejection by the Ottoman Government of the Treaty of Batum]. *Vestnik obshhestvennyh nauk. Nacional'naja akademija nauk Respubliki Armenija*. no. 3, pp. 9–27. (<https://arar.sci.am/dlibra/publication/366583/edition/340348/content>).

Mozolev K.I. (2018) Global'naja gegemonija Kitaja: real'nost' i perspektivy [Global Hygemony of China: Reality and Prospects]. *Juvenis scientia. Law and Political Sciences*. no. 4, pp. 20–25.

Ovannisjan R.G. (2007) *Mezhdunarodnye otnoshenija Respubliki Armenija, 1918–1920 gg.* [International Relations of the Republic of Armenia, 1918–1920]. Erevan: Tigran Mec. 912 p.

Vallerstajin I. (2000) Globalizacija ili perehodnyj period? [Globalization or a Transitional Period?]. *Jekonomicheskie strategii*. no. 2, pp. 14–26.

Vallerstajin I. (2001) Analiz mirovyh sistem i situacija v sovremennom mire [World-system Analysis and the Situation in the Modern World]. Saint-Petersburg.: Izdatel'stvo «Universitetskaja kniga». 416 p.

Информация об авторе

Манукян Самвел Аршалуйсович, кандидат социологических наук, преподаватель Ереванского государственного университета. Адрес: 0025, Армения, Ереван, Алек Манукян ул., д. 1. E-mail: samvelmanukyana@gmail.com

About the author

Samvel A. Manukyan, Candidate of Sciences (Sociology), Lecturer, Yerevan State University. Address: 0025, Republic of Armenia, Yerevan, 1 Alex Manoogian. E-mail: samvelmanukyana@gmail.com

Статья поступила в редакцию/Received: 06.03.2023

Статья поступила после рецензирования и доработки/Revised: 20.04.2023

Статья принята к публикации/Accepted: 06.06.2023

ГЕНДЕРНЫЕ ИСЛЕДОВАНИЯ GENDER STUDIES

Оригинальная статья/ Original article

Представленность женщин в региональных парламентах: тестирование модели традиционных гендерных ролей

© Р.С. МУХАМЕТОВ

Мухаметов Руслан Салихович, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия), muhametov.ru@mail.ru. ORCID: 0000-0002-5175-8300

Исследованы причины ограниченной представленности женщин-депутатов в парламентах субъектов РФ. Статистика показывает, что в одних российских регионах доля женщин-депутатов в региональных ассамблеях больше, чем в других. Согласно классической точке зрения, участие женщин в политике в качестве народных представителей зависит от гендерных норм и ролей. На основе российской статистики оценено влияние традиционных гендерных ролей на представленность женщин в выборных органах. Использована информация по субъектам РФ. Методом исследования стал регрессионный анализ (метод пошаговой регрессии). Теоретико-методологической основой работы выступает теория гендерных ролей Э. Игли. Анализ опроверг сформулированную гипотезу. Традиционные взгляды на гендерные роли косвенно влияют на представительство женщин в парламенте, опосредованное процедурой отбора кандидатов политическими партиями и объединениями. «Ресурсная» модель политической активности женщин также не получила подтверждения. Показано, что доля женщин-депутатов в легислатурах субъектов РФ, где выборы прошли по партийным спискам, меньше, чем в региональных законодательных органах, сформированных по мажоритарной или смешанной системе.

Ключевые слова: женщины, парламент, гендерные роли, гендерный порядок, патриархальная семья, гендерная политология, регрессионный анализ, пошаговая регрессия

Цитирование: Мухаметов Р.С. (2023) Представленность женщин в региональных парламентах: тестирование модели традиционных гендерных ролей // *Общественные науки и современность*. № 3. С. 131–145. DOI: 10.31857/S0869049923030097, EDN: GIQWFE.

Representation of Women in Regional Parliaments: Testing the Model of Traditional Gender Roles

© R. MUKHAMETOV

Ruslan S. Mukhametov, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russia), muhametov.ru@mail.ru. ORCID: 0000-0002-5175-8300

Abstract. The reasons for the limited women's representation in the parliaments of the constituent entities of the Russian Federation are studied. Statistics show that in some Russian regions the proportion of women deputies in regional assemblies is higher than in the others. The classical point of view states that women's participation in politics as people's representatives is determined by gender norms and roles. Assessments of the influence of traditional gender roles were carried out based on Russian statistics. Information on the subjects of the Russian Federation was used in analysis. The regression analysis (step-by-step regression method) was used as a research method. The theoretical and methodological basis of the work is the theory of gender roles by A. Eagly. The conducted research refutes the formulated hypothesis. Traditional gender views have at most indirect influence on the parliamentary representation of women, mediated by the procedure of selection of candidates by political parties and civil society organizations. Provisions of the "resource" model of women's political activism also weren't confirmed. It is shown that the share of women deputies in the legislatures of the constituent entities of the Russian Federation which use the system of party lists during the election is less than in regional legislative bodies formed according to the majority or mixed electoral system.

Keywords: women, parliament, gender roles, gender order, patriarchal family, gender political science, regression analysis, step-by-step regression

Citation: Mukhametov R. (2023) Representation of Women in Regional Parliaments: Testing the Model of Traditional Gender Roles. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 131–145. DOI: 10.31857/S0869049923030097, EDN: GIQWFE.

Введение

Гендерные политические исследования в России выступают одним из основных направлений политологии [Айвазова 2002; Рябова, Овчарова 2016; Temkina, Zdravomyslova 2003]. Отечественные ученые развивают исследования нескольких основных проблем: роль женских образов и символов в информационном пространстве и политике [Riabov 2020; Riabova, Riabov 2019]; гендерный аспект выборов [Шведова 2018] и гендерные стереотипы в российской политической культуре [Рябова, Рябов 2020; Хасбулатова 2001]. Также научный интерес вызывает представленность женщин в органах федеральной и региональной государственной власти [Козлова, Монахова 2019; Кочкина 2013]. Данная статья продолжает традицию четвертого направления исследований.

Согласно данным Росстата, население страны по состоянию на 1 января 2020 г. составило 146 749 тыс. человек, 78 625 тыс. из них – женщины (53,5%). Иными словами, более половины жителей страны относится к женскому полу. В то же время среди глав субъектов РФ на данный момент единственной женщиной является Н. Комарова (ХМАО-Югра). За всю постсоветскую историю подобные посты занимали только шесть женщин: В. Броневич (Корякский автономный округ, 1996–2000 гг.), В. Матвиенко (Санкт-Петербург, 2003–2011 гг.), М. Ковтун (Мурманская область, 2012–2019 гг.), С. Орлова (Владимирская

область, 2013–2018 гг.) и Н. Жданова (Забайкальский край, 2016–2018 гг.). Доля женщин среди депутатов Государственной Думы по состоянию на 1 января 2020 г. составляла 16,3%, женщин-депутатов в представительных органах муниципальных районов – 33%, городских поселений – 43%, сельских поселений – 50%, городских округов – 28%, внутригородских районов – 29%, внутригородских территорий – 49%¹. По данным Росстата на 1 января 2014 г., в законодательных органах субъектов РФ доля женщин составляла 13%. В то же время в Дагестане показатель был 2%, а в Калужской области – 35%. Осенью 2019 г. женщины в законодательных органах российских регионов были представлены на уровне 16,34% (медиана – 14,9%). В легислатурах Магаданской области и Чеченской Республики их присутствие составляет 0%, а в Думе Чукотского автономного округа – 46,7%². Одновременно следует подчеркнуть, что эксперты относят Россию к группе государств с жесткой гендерной асимметрией в пользу женщин [*Силласте* 2022]. Соответственно, исследовательский вопрос настоящей статьи можно сформулировать так: чем обусловлена большая представленность женщин-депутатов в парламентах в одних субъектах РФ, чем в других?

Другие исследователи ранее также пытались ответить на данный вопрос. Так, российский политолог Г. Голосов, изучая влияние политических партий на представительство женщин в законодательных органах субъектов РФ, пришел к выводу, что партии создают благоприятную среду для политической активности женщин. Сильные партии, которые заботятся о сохранении своей политической выживаемости, стремятся выдвигать женщин, а не партийных боссов [*Golosov* 2001]. В ситуации электорального авторитаризма представительство увеличивается пропорционально, когда доминирующая партия достаточно велика, чтобы сделать список кандидатов гендерно-сбалансированным. На выборах в мажоритарных округах из-за снижения электоральной конкуренции представленность женщин сокращается [*Golosov* 2014]. Исследования показывают, что значительное присутствие женщин в российских парламентах обеспечивает мажоритарная избирательная система с одномандатными округами [*Moser* 2001]. Как указывает Р. Мухаметов, парламентские выборы в России по пропорциональной системе не обеспечивают их высокое представительство [*Мухаметов* 2021b]. Выборы депутатов на основе мажоритарной системы с многомандатными округами способствует повышению доли женщин в представительных органах [*Мухаметов* 2021a]. Р. Мозер отмечает, что доля женщин-депутатов в России немного возросла в связи с возникновением конкурентного авторитаризма в России и появлением доминирующей партии «Единая Россия», в то же время тип избирательной системы не сильно влияет на представительство женщин [*Moser, Rybalko* 2022].

Как отечественные, так и зарубежные исследователи уделяют основное внимание влиянию избирательных систем на представительство женщин в выборных органах. В то же время общепринятая точка зрения состоит в том, что традиционные семейно-ролевые ориентации препятствуют выдвижению женщин-кандидатов и избранию их депутатами. Гендерный разрыв в легислатурах возникает в результате традиционного гендерного порядка, которая сохраняется в культуре России. Недостаточную политическую активность жен-

¹ Информационно-аналитические материалы о состоянии и основных направлениях развития местного самоуправления в Российской Федерации (данные за 2018 г. – начало 2019 г.). Развитие федеративных отношений и местного самоуправления. Министерство юстиции Российской Федерации. (<https://minjust.gov.ru/ru/activity/directions/977/#section-materials>).

² Непредставительная власть: женщины в региональных собраниях. Трансперенси Интернешнл. (<https://transparency.org.ru/special/womenassembly/#rec151368293>). Организация признана иностранным агентом в РФ – прим. ред.

щин и их представленность в законодательных органах России исследователи объясняют патриархальными устоями страны и т. д. [Рябова 2008; Dolan et al 2010].

Цель данной работы – эмпирически проверить соответствие модели «маскулинизированного этоса» политики данным о представленности женщин-депутатов в корпусе региональных парламентариев. Новизна настоящего исследования заключается в том, что оно пополняет базу знаний о причинах слабого представительства женщин в парламентах субъектов РФ и дополняет уже существующие исследования о влиянии культурно-идеологического фактора на представительство женщин в политике.

В первом разделе статьи рассмотрена модель традиционных гендерных ролей и выработаны рабочие гипотезы. Второй раздел посвящен источникам информации, а также методам сбора и анализа данных. Результаты эмпирического тестирования и их обсуждение представлены в третьем разделе. Наконец, в заключительном разделе подведены итоги.

Теоретическая база исследования

Методологической основой настоящего исследования выступает теория гендерных ролей, которую разработала американский профессор психологии Элис Игли, согласно которой половые различия и сходства в поведении отражают представления о гендерных ролях. Последние, в свою очередь, воспроизводят представления людей о социальных ролях мужчин и женщин в обществе, в котором они живут [Eagly, Wood 1999; Eagly, Wood 2012; Eagly et al 2000]. Гендерный разрыв – небольшое присутствие женщин на выборных должностях, в том числе и в депутатском корпусе региональных парламентов, – обычно объясняют традиционным гендерным порядком.

Он представляет собой систему социальных норм, политической культуры и социальных институтов, которые формируют в обществе отношение к гендерным проблемам и к их решению [Силласте 2019, 7]. Некоторые исследователи понимают под таким порядком совокупность разных гендерных режимов (или укладов), которые появляются в результате действий и стратегий людей в рамках заданных институциональных условий [Здравомыслова, Темкина 2003, 300]. Многие эксперты полагают, что традиционная роль мужчины в семье – кормилец, в то время как задача женщины – заботиться о детях. Обязанность женщины состоит в том, чтобы рожать их, нянчить и следить за тем, чтобы они были одеты, накормлены и хорошо ухожены. Гендерные роли мужчин традиционно обозначают такими словами, как «кормилец», «хозяин», «защитник», в то время как классические женские гендерные роли – это «домохозяйка», «мать».

Общество, в котором преобладают традиционные гендерно-ролевые ориентации, ожидает, что женщина будет доброй, терпеливой, скромной, мягкой, заботливой, понимающей и «домашней» [Bos et al 2022]. В качестве примера традиционного распределения гендерных ролей можно привести патриархальную семью, в которой муж зарабатывает деньги и полностью обеспечивает своих родных, в то время как жена присматривает за домом, готовит и воспитывает детей. Традиционные семейно-ролевые ориентации воплощаются в гетеросексуальном браке, в котором женщины берут на себя большинство обязанностей по домашнему хозяйству и уходу за детьми. В результате для многих женщин политическая карьера выступает «третьей работой» [Judge, Livingston 2008].

В силу экономических и структурных реалий женщины исторически выполняли функции, связанные с помощью другим (уход за детьми, сфера частной жизни), а мужчины брали на себя роли, в которых внимание сосредотачивается на них (лидерство, сфера общественной жизни) [Adebayo et al 2015]. Можно согласиться с тезисом о том, что в основе традиционного образа «настоящего мужчины» лежит маскулинная идеология,

которая строится на отличии мужчин от женщин, а также о праве «настоящих» мужчин властвовать над женщинами и «ненастоящими» мужчинами (подчиненными) [Кон 2008, 37–38]. Таким образом, традиционные семейно-ролевые ориентации препятствуют участию женщин в политической сфере.

В рамках модели классической гендерной социализации, которая проявляется в традиционных семейно-ролевых ориентациях и маскулинизированном этосе политики, установки и личный опыт женщин и мужчин будут отличаться: они будут по-разному оценивать вероятность выдвижения собственной кандидатуры на выборах. В процессе традиционной гендерно-ролевой социализации у потенциальных кандидатов складывается мнение, что политика – это область, которую лучше оставить мужчинам. В этой модели политика представлена как «мужская игра». Следовательно, женщины и девочки воспринимают ее как мужское занятие и учатся думать, что им следует избегать активного участия в общественной жизни [Valentova 2016]. Политические организации и институты, которые всегда контролировали мужчины, учитывают в своей деятельности гендерные факторы, которые способствуют участию мужчин в политической жизни, и не поощряют участие женщин в традиционно «мужских» сферах жизнедеятельности.

В рамках гендерной политической социализации дети усваивают существующие гендерные роли и нормы. У девочек развиваются соответствующие черты характера (например, девочки ценят заботливость, а не конкурентоспособность). Их воспитывают с ориентацией на уход за другими людьми. Девочки перенимают модель поведения женщин-опекунов. Напротив, социализация мальчиков направлена на достижение автономии и поведение, которое часто отделено от заботы о благополучии других. Воспитание со стороны матерей-опекунов поощряет девочек развивать эмпатические отношения. Мальчики исторически испытывают меньше вины за прямое выражение агрессии [Lawless, Fox 2003].

Таким образом, женщины, как правило, в ходе социализации не перенимают качества, которые требуются в современной политике от кандидатов и выборных должностных лиц. Мужчин же учат быть уверенными и напористыми.

С точки зрения теории рационального выбора политики действуют с учетом долгосрочной перспективы. Они учитывают свой опыт и общественное мнение при принятии политических решений. В рамках традиционной гендерной социализации женщины и мужчины будут по-разному оценивать затраты и преимущества при выдвижении на выборную должность. Соответственно, и спрос избирателей на женщин-кандидатов, и желание самих женщин принимать участие в выборах должны быть минимальными.

Таким образом, гендерный разрыв в политическом представительстве женщин связан с традиционными семейно-ролевыми ориентациями и «маскулинизированным духом». Традиционная полоролевая социализация объясняет медленное включение женщин в предвыборные кампании. Ее считают ключом к пониманию гендерного неравенства в политических институтах.

Исходя из всего вышесказанного, сформулирована следующая рабочая гипотеза: в субъектах РФ, где преобладают традиционные взгляды на гендерные роли, женщин-депутатов в региональном парламенте меньше, чем мужчин.

Переменные, источники данных и методы исследования

Для измерения влияния традиционных гендерных ролей на представленность женщин в legislatures субъектов РФ необходимо определить переменные. Зависимая переменная («женщины») – это доля женщин-депутатов в региональных парламентах. Выбор независимых переменных определялся теоретическими рамками исследования и поставлен-

ной гипотезой. Модель традиционного гендерного порядка операционализована через несколько переменных:

- 1) «дети» – количество родившихся на 1000 человек;
- 2) «рождаемость» – суммарный коэффициент рождаемости;
- 3) «разводы» – коэффициент разводов.

Выбор обусловлен двумя обстоятельствами: ролью субъекта РФ как единицы анализа и имеющимися статистическими данными.

Чтобы корректно установить взаимосвязь между независимыми и зависимой переменными, а также исключить ошибочный результат, необходимо обозначить контрольные переменные. Ими стали: отношение заработной платы женщин к заработной плате мужчин («зарплата»), доля женщин с высшим образованием в общей численности населения («образование»), доля женщин со степенью магистра в общей численности населения («магистратура»). Данные переменные выделены в рамках ресурсной теории объяснения политической активности женщин. Согласно этому подходу, различия в таких социально-экономических ресурсах, как образование и доход, отображаются на политической представленности женщин [Atkeson 2003]. Данная теоретическая модель предполагает, что отдельные люди с большей вероятностью будут принимать участие в политике, если у них есть ресурсы, которые позволяют это сделать: время для политической деятельности, деньги на избирательную кампанию и т. д. [Burns et al 2001]. Контрольной переменной выступает уровень наличия нефтегазовых ресурсов в субъектах РФ (переменная «природные ресурсы»). Так, М. Росс считает, что низкий статус женщин и их недопредставленность в рабочей силе и политике в странах Ближнего Востока обусловлены не патриархальными обычаями, а связано с добычей нефти и полезных ископаемых. По мнению исследователя, доходы от экспорта углеводородов делает традиционные отрасли экономики, в которых преимущественно работают женщины, убыточными, что сокращает их численность в составе рабочей силы и, как следствие, снижает политическое участие женщин [Ross 2008].

В анализе использована фиктивная переменная. Ее добавляют в регрессионную модель для представления факторов, которые принимают одно из двух значений: ноль или единица. В данном исследовании такой переменной стала «избирательная система»: она получает значение «1», если выборы проходили по пропорциональной системе, «0» – во всех остальных случаях. Существует множество исследований о влиянии типа избирательных систем на участие женщин в политике. Считается, что доля женщин в парламенте выше в странах с избирательными системами пропорционального представительства. Другими словами, количество женщин-депутатов возрастает при использовании пропорциональной системы [Salmond 2006; Thames 2017]. В таблице 1 представлены данные по всем переменным.

В таблице 2 представлена описательная статистика переменных: среднее значение, медиана, стандартное отклонение, максимальное и минимальное значения.

Доля женщин в депутатском корпусе региональных парламентов определена на основе данных Росстата о составе законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ³. Информация о численности родившихся на 1 тыс. человек, о суммарном коэффициенте рождаемости и коэффициенте разводов приведена по данным Федеральной службы государственной статистики за 2020 г. Доля женщин с высшим образованием была подсчитана самостоятельно на основе материалов Всероссийской переписи населения 2010 г. Доля добывающей промышленности в структуре ВРП вычис-

³ Состав депутатов законодательных (представительных) органов государственной власти на 1 января 2014 г. Женщины и мужчины России – 2020 г. Федеральная служба государственной статистики. (https://gks.ru/bgd/regl/b20_50/Main.htm).

лена на основе данных Росстата за 2020 г. Источником информации по избирательным системам на выборах региональных депутатов стали официальные сайты избирательных комиссий субъектов РФ и открытые данные.

Методом исследования выступает регрессионный анализ. Статистическая обработка данных была выполнена в прикладном программном пакете GRETЛ.

Таблица 1

Описание переменных регрессионной модели

Table 1

Description of the variables of the regression model

Код	Наименование переменной	Тип переменной	Определение	Предполагаемый характер взаимосвязи
Y	Женщины	зависимая	Доля женщин в депутатском корпусе региональных парламентов, %	–
X1	Дети	независимая	количество родившихся на 1 тыс. человек	отрицательный
X2	Рождаемость	независимая	суммарный коэффициент рождаемости, количество детей	отрицательный
X3	Разводы	независимая	коэффициент разводов	положительная
X4	Зарплата	контрольная	отношение заработной платы женщин к заработной плате мужчин, %	отрицательная
X5	Образование	контрольная	доля женщин с высшим образованием в общей численности населения, %	положительная
X6	Магистратура	контрольная	доля женщин со степенью магистра в общей численности населения, %	положительная
X7	Природные ресурсы	контрольная	доля добычи полезных ископаемых в структуре регионального валового продукта, %	отрицательная
X8	Избирательная система	фиктивная	1 – выборы депутатов по пропорциональной системе, 0 – по другим.	–

Таблица 2

Описательная статистика по переменным

Table 2

Descriptive statistics of variables

Переменная	Среднее	Медиана	Стандартное отклонение	Минимум	Максимум
Женщины	14,1	13,3	7,06	2,2	35
Дети	13,7	13,1	2,99	8,8	26,1
Рождаемость	1,85	1,82	0,31	1,29	3,39
Разводы	4,76	4,9	1,11	1	7
Зарплата	73,9	72,9	6,73	61,3	96,9
Образование	9,83	9,7	1,95	3,16	19,3
Магистратура	0,2	0,19	0,08	0,05	0,49
Природные ресурсы	9,5		16,95	0	75,9
Избирательная система	0,1	0	0,35	0	2

Результаты эмпирического анализа и их обсуждение

Для оценки влияния модели гендерного порядка на представленность женщин в субнациональных парламентах была построена линейная модель множественной регрессии методом наименьших квадратов (см. таб. 3).

Таблица 3

Результаты регрессионного оценивания модели традиционных гендерных ролей

Table 3

Regression estimation of the model of traditional gender roles

Переменные	Коэффициент	Ст. ошибка	t-статистика	P-значение
Дети	-2,22766	0,740632	-3,008	0,0036***
Рождаемость	25,7886	6,64671	3,880	0,0002***
Разводы	0,583017	0,971307	0,6002	0,5502
Зарплата	-0,153146	0,139605	-1,097	0,2762
Образование	0,256619	0,533838	0,4807	0,6321
Магистратура	5,14579	11,6301	0,4425	0,6594
Природные ресурсы	-0,0425076	0,0592014	-0,7180	0,4750
Избирательная система	6,01288	3,04555	1,974	0,0520
const	1,10386	12,6754	0,08709	0,9308
R-квадрат – 0,22				

В результате линейной регрессии может проявляться мультиколлинеарность. Чтобы выявить ее, в регрессионной модели использован метод инфляционных факторов (VIF). Анализ мультиколлинеарности, выполненный в Gretl, показал ее присутствие. Самые большие значения VIF-фактора у переменных «Дети» и «Рождаемость» – 9,507 и 8,502 соответственно. Мультиколлинеарность устранялась через метод пошаговой регрессии – итеративное пошаговое проектирование регрессионной модели, в рамках которого выбирают независимые переменные для окончательной модели [Wilkinson, Dallal 1981]. Метод включает в себя последовательное удаление потенциальных объясняющих переменных и проверку статистической значимости после каждой итерации [McIntyre et al 1983].

В итоговой регрессионной модели остались только две переменные (см. таб. 4).

Таблица 4

Результаты пошаговой регрессии

Table 4

Step-by-step regression results

Переменные	Коэффициент	Ст. ошибка	t-статистика	P-значение
Дети	-2,40033	0,628015	-3,822	0,0003***
Рождаемость	25,1073	5,88997	4,263	0,0000***
const	-0,111614	4,64428	-0,02403	0,9809
R-квадрат – 0,2				

В таблице 4 представлены результаты оценки того, как модель традиционного гендерного порядка влияет на представленность женщин в депутатском корпусе региональных legislatures. Она предполагает, что низкое участие женщин в законодательных органах возникает из-за доминирования традиционного восприятия гендерных ролей. Регрессионный анализ взаимосвязи между переменными позволил определить факторы, которые при прочих равных условиях существенно влияют на долю женщин-депутатов в законодательных органах. Коэффициенты показывают характер (положительный или отрицательный) и силу влияния отдельных факторов (с учетом их значимости).

Статистический анализ показал неоднозначные результаты. Данные по первой переменной (таб. 4) подтвердили предполагаемую отрицательную взаимосвязь между количеством детей на 1 тыс. человек и долей женщин в legislatures, однако итоги по второй переменной продемонстрировали обратную зависимость. Кроме того, построенная регрессионная модель объясняет только 20% случаев. Вышеназванные выводы явно не соответствуют описанным теоретическим ожиданиям. Тезис о том, что культура негативно влияет на долю женщин-парламентариев, выработан давно [Inglehart, Norris 2001]. Объяснение низкого уровня политического участия женщин традиционным гендерным порядком и сильной патриархальной системой, которая затрудняет женщинам участие в мире политики, зачастую принимают на веру. Таким образом, результаты данного исследования бросают вызов распространенному мнению о том, что традиционные взгляды на роль и место женщин в политике и негативное отношение к их политическому участию выступают основным препятствием для избрания женщин в парламент.

На данном этапе важно объяснить результаты исследования. Как представляется, рассматриваемая теория косвенно положительно влияет на парламентское представительство женщин. Чтобы объяснить опосредованный причинно-следственный механизм, необходимо экстраполировать модель спроса и предложения на политиков-женщин. Объяснение со стороны спроса предполагает, что партийное руководство (на стадии выдвижения кандидатов) и избиратели контролируют доступ к выборным должностям, а со стороны предложения – женщины имеют разный уровень политических амбиций [Norris, Lovenduski 1995]. Доминирующие в обществе социальные нормы влияют как на самих женщин, определяя их мотивацию заниматься политической деятельностью, так и на избирателей, которые имеют разный уровень готовности голосовать за женщин-кандидатов. Кроме того, партийный менеджмент взвешивает все аргументы за и против, когда включает то или иное лицо в партийный список кандидатов или рассматривает поддержку конкретного кандидата в округе.

Необходимо отметить результаты контрольных и фиктивных переменных, которые отразили «ресурсную» модель политической активности женщин. Согласно данному подходу, образовательные достижения и увеличение показателей участия женщин в рабочей силе положительно влияют на их уровень политического представительства – в том числе и в законодательных органах. Считается, что если женщины будут иметь доступ к образовательным и профессиональным возможностям, они получат человеческий и финансовый капитал, необходимый для того, чтобы баллотироваться на выборные должности [Kunovich, Paxton 2005; Paxton, Kunovich 2003]. Результаты исследования опровергают данную объяснительную модель. Отдельные эксперты также приходят к выводу, что образование, участие в рабочей силе и экономическое положение не оказывают статистически значимого влияния на представительство женщин [Yoon 2004]. Другие ученые считают, что более высокая доля женщин в системе среднего образования и более высокий уровень экономического развития способствуют росту представительства женщин в национальных законодательных органах [Adams 2011]. Таким

образом, «ресурсная» модель политической активности женщин нуждается в дополнительном изучении.

Тезис о положительном влиянии пропорциональной избирательной системы на представительство женщин в legislatures не получил подтверждения. Математические расчеты на основе российской статистики показывают, что в региональных выборных органах власти, сформированных по пропорциональной системе, доля женщин в депутатском корпусе составляет 12,2% (медиана – 11%), в то время как в региональных парламентах с выборами по смешанной или мажоритарной системе показатель равен 14,2% (медиана 13,3%). Иными словами, скорее существует обратная зависимость: доля женщин-депутатов в legislatures субъектов РФ, где выборы прошли по партийным спискам, меньше, чем в региональных законодательных органах с другими системами (исключительно одномандатники или списочники и одномандатники одновременно). Следует отметить, что шесть из семи субъектов РФ с выборами по пропорциональной системе представляют собой национальные республики – как правило, Северного Кавказа (Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия и Чечня). Данные результаты исследования соответствуют выводам других российских ученых [Мухаметов 2021b].

В силу того, что женщины представлены в парламентах недостаточно, насущным остается вопрос о том, как увеличить их участие в политике. Существуют различные стратегии для устранения ограничивающих факторов и барьеров. Гендерные квоты показали себя успешным инструментом в данной ситуации.

Заключение

Ограниченную представленность женщин в определенных профессиональных областях нельзя объяснить исключительно биологическими различиями между мужчинами и женщинами. Часть причин связана с культурными барьерами и доминирующими в обществе социальными нормами. Они (в том числе и гендерные роли) усваиваются и формируются в детстве, продолжая влиять на поведение в подростковом и взрослом возрасте. Невидимые преграды, которые создают гендерное неравенство в политической сфере, состоят из традиционных убеждений и установок. Основной причиной эксперты считают сохранение в обществе патриархальных традиций, в рамках которых женщину рассматривают как мать и жену, а политику считают «мужской» сферой.

В настоящей статье была предпринята попытка эмпирически оценить влияние традиционного гендерного порядка на представительство женщин в региональных парламентах. Опираясь на теорию гендерных ролей Э. Игли и данные по субъектам РФ, был проведен регрессионный анализ (пошаговая регрессия). Результаты статистического анализа на основе данных по таким параметрам, как количество детей на 1 тыс. населения, коэффициент рождаемости и т. д., не подтверждают рабочую гипотезу на 100%.

Кроме того, в статье проверены основные положения «ресурсной» модели политического участия, согласно которой социально-экономические условия (уровень образования, участие женщин в рабочей силе и др.) влияют на численность женщин в законодательных органах. Полученные результаты положительной взаимосвязи ряда показателей, использованных в рамках модели, не подтвердили теоретические ожидания. К результатам данного исследования можно отнести и вывод о том, что доля женщин-депутатов в legislatures субъектов РФ, где выборы прошли по партийным спискам, меньше, чем в региональных законодательных органах, сформированных по мажоритарной или смешанной системе.

Текущие выводы следует принимать с учетом определенных ограничений, главным из которых необходимо считать анализ данных на структурном уровне. Для формирования

полной картины о причинах гендерного политического неравенства необходимо провести дополнительные исследования. Одним из направлений дальнейшего анализа может стать работа, основанная на основе опросных методов. Подобный подход позволит выявить наличие гендерной предвзятости у избирателей. Другой стратегией получения более полных результатов может выступить анализ панельных данных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Айвазова С.Г. (2002) Гендерные исследования современных политических процессов в России // *Женщина в российском обществе*. № 2–3. С. 24–32.

Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. (2003) Государственное конструирование гендера в советском обществе // *Журнал исследований социальной политики*. № 3/4. С. 299–321.

Козлова Н., Монахова Ю. (2019) Женщины-депутаты представительных органов Приволжского федерального округа: опыт анализа политических биографий // *Вестник Пермского университета. Сер. Политология*. № 2. С. 57–69. DOI: 10.17072/2218-1067-2019-2-57-69.

Кон И.С. (2008) Мужская роль и гендерный порядок // *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*. № 2. С. 37–43.

Кочкина Е.В. (2013) Законодательство о выборах в Государственную Думу Федерального Собрания РФ, 1993–2013 гг.: гендерные ограничения и возможности квотирования. М.: Вариант. 153 с.

Мухаметов Р.С. (2021a) Влияние величины избирательных округов на гендерный состав муниципального депутатского корпуса // *Общественные науки и современность*. № 5. С. 43–55. DOI: 10.31857/S086904990017284-4.

Мухаметов Р.С. (2021b) Высокое представительство женщин в парламенте и пропорциональная избирательная система: работает ли эта взаимосвязь в России? // *Сравнительная политика*. № 2. С. 82–93. DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10021.

Рябова Т.Б., Овчарова О.Г. (2016) Гендерная политология в России: достижения, проблемы и перспективы // *Женщина в российском обществе*. № 1. С. 3–23.

Рябова Т.Б. (2008) Пол власти: гендерные стереотипы в современной российской политике. Иваново: Иван.гос. ун-т. 246 с.

Рябова Т.Б., Рябов О.В. (2020) «...Слышу речь не мальчика, но мужа»: о гендерно-возрастных стереотипах в политике // *Женщина в российском обществе*. № 4. С. 5–13. DOI: 10.21064/WinRS.2020.4.1.

Силласте Г.Г. (2022) Мировой гендерный ландшафт и страновой гендерный порядок в условиях глобальной трансформации социальных систем // *Век глобализации*. № 3. С. 112–131.

Силласте Г.Г. (2019) Социальные транзисии и формирование нового гендерного порядка // *Женщина в российском обществе*. № 2. С. 3–16. DOI: 10.21064/WinRS.2019.2.1.

Хасбулатова О.А. (2001) Гендерные стереотипы в политической культуре: специфика российского опыта // *Женщина в российском обществе*. № 3–4. С. 17–24.

Шведова Н.А. (2018) Гендерный аспект президентской кампании 2016 года в США // *Американский ежегодник*. № 2017. С. 57–65.

Adams K. (2011) Moving towards Gender Parity: Female Representation in National Legislatures, 2001 and 2011 // *International Journal of Interdisciplinary Social Sciences*. Vol. 6. No. 3. Pp. 55–74.

Adebayo S., Olawa B., Osasogie O. (2015) Quality of Family Relationships: The Contributions of Family Structures and Gender – Role Orientations // *Social and Natural Sciences Journal*. Vol. 9. No. 1. Pp. 1–4. DOI: 10.12955/snsj.v9i1.718.

Atkeson L. (2003) Not All Cues Are Created Equal: The Conditional Impact of Female Candidates on Political Engagement // *The Journal of Politics*. Vol. 65. No. 4. Pp. 1040–1061. DOI: 10.1111/1468-2508.t01-1-00124.

Bos A., Greenlee J., Holman M., Oxley Z., Lay J. (2022) This One's for the Boys: How Gendered Political Socialization Limits Girls' Political Ambition and Interest // *American Political Science Review*. Vol. 116. No. 2. Pp. 484–501. DOI: 10.1017/S0003055421001027.

Burns N., Schlozman K., Verba S. (2001) *The Private Roots of Public Action: Gender, Equality and Political Participation*. Cambridge: Harvard University Press. 453 p.

Dolan J., Deckman M., Swers M. (2010) *Women and Politics: Paths to Power and Political Influence*. New York: Pearson. 448 p.

Eagly A., Wood W. (1999) The Origins of Sex Differences in Human Behavior // *American Psychologist*. Vol. 54. No. 6. Pp. 408–423. DOI: 10.1037/0003-066X.54.6.408.

Eagly A., Wood W. (2012) Social Role Theory // In: *Handbook of Theories of Social Psychology*. Vol. 2. Thousand Oaks: SAGE Publications Ltd. Pp. 458–476. DOI: 10.4135/9781446249222.n49.

Eagly A., Wood W., Diekmann A. (2000) Social Role Theory of Sex Differences and Similarities: A Current Appraisal // In: *The Developmental Social Psychology of Gender*. Mahwah, NJ: Erlbaum. Pp. 123–174.

Golosov G. (2014) Is Electoral Authoritarianism Good for Women's Representation? Evidence from the 1999–2011 Regional Legislative Elections in Russia // *Post-Soviet Affairs*. Vol. 30. No. 1. Pp. 51–66. DOI: 10.1080/1060586X.2013.831653.

Golosov G. (2001) Political Parties, Electoral Systems and Women's Representation in the Regional Legislative Assemblies of Russia, 1995–1998 // *Party Politics*. Vol. 7. No. 1. Pp. 45–68. DOI: 10.1177/1354068801007001003.

Inglehart R., Norris P. (2001) Women and Democracy: Cultural Obstacles to Equal Representation // *Journal of Democracy*. Vol. 12. No. 3. Pp. 126–140. DOI: 10.1353/jod.2001.0054.

Judge T., Livingston B. (2008) Is the Gap More Than Gender? A Longitudinal Analysis of Gender, Gender Role Orientation, and Earnings // *Journal of Applied Psychology*. Vol. 93. No. 5. Pp. 994–1012. DOI: 10.1037/0021-9010.93.5.994.

Kunovich S., Paxton P. (2005) Pathways to Power: The Role of Political Parties in Women's National Political Representation // *American Journal of Sociology*. Vol. 111. No. 2. Pp. 505–552. DOI: 10.1086/444445.

Lawless J., Fox R. (2003) Family Structure, Sex-role Socialization, and the Decision to Run for Office // *Women & Politics*. Vol. 24. No. 4. Pp. 19–48. DOI: 10.1300/J014v24n04_02.

McIntyre S., Montgomery D., Srinivasan V., Weitz B. (1983) Evaluating the Statistical Significance of Models Developed by Stepwise Regression // *Journal of Marketing Research*. Vol. 20. No. 1. Pp. 1–11.

Moser R., Rybalko M. (2022) Representation of Women and Ethnic Minorities in the Russian State Duma 1993–2021 // *Russian Politics*. Vol. 7. No. 2. Pp. 311–339. DOI: 10.30965/24518921-00604022.

Moser R.G. (2001) The Effects of Electoral Systems on Women's Representation in Post-Communist States // *Electoral Studies*. Vol. 20. No. 3. Pp. 353–369. DOI: 10.1016/S0261-3794(00)00024-X.

Norris P., Lovenduski J. (1995) *Political Recruitment. Gender, Race and Class in the British Parliament*. Cambridge: Cambridge University Press. 320 p.

Paxton P., Kunovich S. (2003) Women's Political Presentation: The Importance of Ideology // *Social Forces*. Vol. 82. No. 1. Pp. 87–113. DOI: 10.1353/sof.2003.0105.

Riabov O. (2020) The Symbol of the Motherland and in the Legitimation and Delegitimation of Power in Contemporary Russia // *Nationalities Papers*. Vol. 48. No. 4. Pp. 752–767. DOI: 10.1017/nps.2019.14.

Riabova T., Riabov O. (2019) The “Rape of Europe”: 2016 New Year's Eve Sexual Assaults in Cologne in Hegemonic Discourse of Russian Media // *Communist and Post-Communist Studies*. Vol. 52. No. 2. Pp. 145–154. DOI: 10.1016/j.postcomstud.2019.04.004.

Ross M. (2008) Oil, Islam, and Women // *American Political Science Review*. Vol. 102. No. 1. Pp. 107–123. DOI: 10.1017/S0003055408080040.

Salmond R. (2006) Proportional Representation and Female Parliamentarians // *Legislative Studies Quarterly*. Vol. 31. No. 2. Pp. 175–204. DOI: 10.3162/036298006x201779.

Temkina A., Zdravomyslova E. (2003) Gender Studies in Post-Soviet Society: Western Frames and Cultural Differences // *Studies in East European Thought*. Vol. 55. No. 1. Pp. 51–61.

Thames F. (2017) Understanding the Impact of Electoral Systems on Women's Representation // *Politics & Gender*. Vol. 13. No. 3. Pp. 379–404. DOI: 10.1017/S1743923X16000325.

Valentova M. (2016). How Do Traditional Gender Roles Relate to Social Cohesion? Focus on Differences between Women and Men // *Social Indicators Research*. Vol. 127. No. 1. Pp. 153-178. DOI: 10.1007/s11205-015-0961-2.

Wilkinson L., Dallal G. (1981) Tests of Significance in Forward Selection Regression with an F-to-Enter Stopping Rule // *Technometrics*. Vol. 23. No. 4. Pp. 377–380.

Yoon M. (2004) Explaining Women's Legislative Representation in Sub-Saharan Africa // *Legislative Studies Quarterly*. Vol. 29. No. 3. Pp. 447–468. DOI: 10.3162/036298004X201258.

REFERENCES

Adams K. (2011) Moving Towards Gender Parity: Female Representation in National Legislatures, 2001 and 2011. *International Journal of Interdisciplinary Social Sciences*. vol. 6, no. 3, pp. 55–74.

Aivazova S.G. (2002) Gendernye issledovaniia sovremennykh politicheskikh protsessov v Rossii [Gender Studies of Modern Political Processes in Russia]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*. no. 2–3, pp. 24–32.

Atkeson L. (2003) Not All Cues Are Created Equal: The Conditional Impact of Female Candidates on Political Engagement. *The Journal of Politics*. vol. 65, no. 4, pp.1040–1061.

Adebayo S., Olawa B., Osasogie O. (2015) Quality of Family Relationships: The Contributions of Family Structures and Gender – Role Orientations. *Social and Natural Sciences Journal*. vol. 9, no. 1, pp.1–4.

Bos A., Greenlee J., Holman M., Oxley Z., Lay J. (2022) This One's for the Boys: How Gendered Political Socialization Limits Girls' Political Ambition and Interest. *American Political Science Review*. vol. 116, no. 2, pp.484–501.

Burns N., Schlozman K., Verba S. (2001) *The Private Roots of Public Action: Gender, Equality and Political Participation*. Cambridge: HarvardUniversityPress. 453 p.

Dolan J., Deckman M., Swers M. (2010) *Women and Politics: Paths to Power and Political Influence*. New York: Pearson. 448 p.

Eagly A., Wood W. (1999) The Origins of Sex Differences in Human Behavior. *American Psychologist*. vol. 54, no. 6, pp. 408–423.

Eagly A., Wood W. (2012) Social Role Theory. In: *Handbook of Theories of Social Psychology*. Vol. 2. Thousand Oaks: SAGE Publications Ltd. Pp. 458–476.

Eagly A., Wood W., Diekmann A. (2000) Social Role Theory of Sex Differences and Similarities: A Current Appraisal. In: *The Developmental Social Psychology of Gender*. Mahwah, NJ: Erlbaum. Pp. 123–174.

Golosov G. (2014) Is Electoral Authoritarianism Good for Women's Representation? Evidence from the 1999–2011 Regional Legislative Elections in Russia. *Post-Soviet Affairs*. vol. 30, no. 1, pp.51–66.

Golosov G. (2001) Political Parties, Electoral Systems and Women's Representation in the Regional Legislative Assemblies of Russia, 1995–1998. *Party Politics*. vol. 7, no. 1, pp.45–68.

Inglehart R., Norris P. (2001) Women and Democracy: Cultural Obstacles to Equal Representation. *Journal of Democracy*. vol. 12, no. 3, pp. 126–140.

Judge T., Livingston B. (2008) Is the Gap More Than Gender? A Longitudinal Analysis of Gender, Gender Role Orientation, and Earnings. *Journal of Applied Psychology*. vol. 93, no. 5, pp. 994–1012.

Khasbulatova O.A. (2001) Gendernye stereotipy v politicheskoi kul'ture: spetsifika rossiiskogo opyta [Gender Stereotypes in Political Culture: Specifics of Russian Experience]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*. no. 3-4, pp. 17–24.

Kochkina E.V. (2013) *Zakonodatel'stvo o vyborah v Gosudarstvennuju Dumu Federal'nogo Sobraniia RF, 1993–2013 gg.: gendernye ogranicheniia i vozmozhnosti kvotirovaniia* [Legislation on Elections to the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, 1993–2013: Gender Restrictions and Quota Opportunities]. Moscow: Variant. 153 p.

Kon I.S. (2008) Muzhskaia rol' i gendernyi poriadok [Male Role and Gender Order]. *Vestnik obshchestvennogo mneniia. Dannye. Analiz. Diskussii*. no. 2, pp. 37–43.

Kozlova N., Monakhova Iu. (2019) Zhenshchiny-deputyaty predstavitel'nykh organov Privolzhskogo federal'nogo okruga: opyt analiza politicheskikh biografii [Women Deputies of Representative Bodies of the Volga Federal District: The Experience of Analyzing Political Biographies]. *Vestnik Permskogo universiteta. Ser. Politologiya*. no. 2, pp. 57–69. DOI: 10.17072/2218-1067-2019-2-57-69.

Kunovich S., Paxton P. (2005) Pathways to Power: The Role of Political Parties in Women's National Political Representation. *American Journal of Sociology*. vol. 111, no. 2, pp. 505–552.

Lawless J., Fox R. (2003) Family Structure, Sex-role Socialization, and the Decision to Run for Office. *Women & Politics*. vol. 24, no. 4, pp.19–48.

McIntyre S., Montgomery D., Srinivasan V., Weitz B. (1983) Evaluating the Statistical Significance of Models Developed by Stepwise Regression. *Journal of Marketing Research*. vol. 20, no. 1, pp. 1–11.

Moser R., Rybalko M. (2022) Representation of Women and Ethnic Minorities in the Russian State Duma 1993–2021. *Russian Politics*. vol. 7, no. 2, pp. 311–339.

Moser R.G. (2001) The Effects of Electoral Systems on Women's Representation in Post-Communist States. *Electoral Studies*. vol. 20, no. 3, pp. 353–369.

Muhametov R.S. (2021a) Vliianie velichiny izbiratel'nykh okrugov na gendernyj sostav municipal'nogo deputatskogo korpusa [The Influence of the Size of Electoral Districts on the Gender Composition of the Municipal Deputy Corps]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*. no. 5, pp. 43–55.

Muhametov R.S. (2021b) Vysokoe predstavitel'stvo zhenshhin v parlamente i proporcional'naja izbiratel'naja sistema: rabotaet li jeta vzaimosvjaz' v Rossii? [High Representation of Women in Parliament and Proportional Electoral System: Does this Relationship Work in Russia?]. *Sravnitel'naja politika*. no. 2, pp. 82–93.

Norris P., Lovenduski J. (1995) *Political Recruitment. Gender, Race and Class in the British Parliament*. Cambridge: Cambridge University Press. 320 p.

Paxton P., Kunovich S. (2003) Women's Political Presentation: The Importance of Ideology. *Social Forces*. vol. 82, no. 1, pp. 87–113.

Riabova T.B., Ovcharova O.G. (2016) Gendernaia politologiya v Rossii: dostizheniia, problemy i perspektivy [Gender Political Science in Russia: Achievements, Problems and Prospects]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*. no. 1, pp. 3–23.

Riabov O. (2020) The Symbol of the Motherland and in the Legitimation and Delegitimation of Power in Contemporary Russia. *Nationalities Papers*. vol. 48, no. 4, pp. 752–767. DOI: 10.1017/nps.2019.14.

Riabova T., Riabov O. (2019) The “Rape of Europe”: 2016 New Year's Eve Sexual Assaults in Cologne in Hegemonic Discourse of Russian Media. *Communist and Post-Communist Studies*. vol. 52, no. 2, pp. 145–154. DOI: 10.1016/j.postcomstud.2019.04.004.

Riabova T.B. (2008) *Pol vlasti: gendernye stereotipy v sovremennoj rossijskoj politike* [Gender of Power: Gender Stereotypes in Modern Russian Politics]. Ivanovo: Ivan. gos. un-t. 246 p.

Riabova T.B., Riabov O.V. (2020) «...Slyshu rech' ne mal'chika, no muzha»: o genderno-vozzrastnykh stereotipakh v politike [«... I Hear the Speech not of a Boy, but of a Man»: About Gender-age Stereotypes in Politics]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*. no. 4, pp. 5–13. DOI: 10.21064/WinRS.2020.4.1.

Ross M. (2008) Oil, Islam, and Women. *American Political Science Review*. vol. 102, no. 1, pp. 107–123.

Shvedova N.A. (2018) Gendernyi aspekt prezidentskoi kampanii 2016 goda v SShA [Gender Aspect of the 2016 Presidential Campaign in the USA]. *Amerikanskii ezhegodnik*. no. 2017, pp. 57–65.

Sillaste G.G. (2022) Mirovoi gendernyi landshaft i stranovoi gendernyi poriadok v usloviakh global'noi transformatsii sotsial'nykh system [Global Gender Landscape and Country Gender Order in the Context of Global Transformation of Social Systems]. *Vek globalizatsii*. no. 3, pp. 112–131.

Sillaste G.G. (2019) Sotsial'nye tranzitsii i formirovanie novogo gendernogo poryadka [Social Transitions and the Formation of a New Gender Order]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*. no. 2, pp. 3–16. DOI: 10.21064/WinRS.2019.2.1.

Salmond R. (2006) Proportional Representation and Female Parliamentarians. *Legislative Studies Quarterly*. vol. 31, no. 2, pp.175–204.

Temkina A., Zdravomyslova E. (2003) Gender Studies in Post-Soviet Society: Western Frames and Cultural Differences. *Studies in East European Thought*. vol. 55, no. 1, pp. 51–61.

Thames F. (2017) Understanding the Impact of Electoral Systems on Women's Representation. *Politics & Gender*. vol. 13, no. 3, pp. 379–404.

Valentova M. (2016). How do Traditional Gender Roles Relate to Social Cohesion? Focus on Differences between Women and Men. *Social Indicators Research*. vol. 127, no. 1, pp. 153–178. DOI: 10.1007/s11205-015-0961-2.

Wilkinson L., Dallal G. (1981) Tests of Significance in Forward Selection Regression with an F-to-Enter Stopping Rule. *Technometrics*. vol. 23, no. 4, pp. 377–380.

Yoon M. (2004) Explaining Women's Legislative Representation in Sub-Saharan Africa. *Legislative Studies Quarterly*. vol. 29, no. 3, pp. 447–468.

Zdravomyslova E.A., Temkina A.A. (2003) Gosudarstvennoe konstruirovaniye gendera v sovetskom obshchestve [State Construction of Gender in Soviet Society]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki*. no. 3/4, pp. 299–321.

Информация об авторе

Мухаметов Руслан Салихович, кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина. Адрес: 620075, Россия, Екатеринбург, Ленина пр., д. 51. E-mail: muhametov.ru@mail.ru

About the author

Ruslan S. Mukhametov, Candidate of Political Science, Assistant Professor, Department of Political Science of the Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin. Address: 620075, Russia, Yekaterinburg, Lenina Street, 51. E-mail: muhametov.ru@mail.ru

Статья поступила в редакцию/Received: 28.02.2023

Статья поступила после рецензирования и доработки/Revised: 15.04.2023

Статья принята к публикации/Accepted: 06.06.2023

ЦЕННОСТИ И ИННОВАЦИИ VALUES AND INNOVATION

Оригинальная статья/ Original article

Ценностные ориентации руководителей и управление инновациями на предприятиях

© А.А. КОВАЛЕНКО, М.А. МАЛЫШЕВ

Коваленко Александр Александрович, МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия), akovalenko777@mail.ru. ORCID: 0000-0002-4021-2433

Малышев Максим Алексеевич, МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия), malyshevma@my.msu.ru. ORCID: 0000-0002-4672-6005

Ценности и ценностные ориентации отвечают за направленность развития индивида, отражают характеристики его личности и определяют его поведение. Ранее они не были предметом исследований общественных наук в СССР и России, однако в настоящее время эта тема приобретает особую важность и актуальность. Представлены результаты исследования ценностных ориентаций в инновационной деятельности руководителей российских компаний (на примере предприятий литейного производства и металлургии). Данная работа продолжила изучение инновационных ценностей руководителей в экономике знаний, проведенных в 2011–2012 гг. В них представлены проблемы инновационного развития современных предприятий в контексте анализа ценностных ориентаций. Были рассмотрены вопросы о том, какие инновации требуются предприятиям в первую очередь, что именно ценят руководители в подчиненных, соответствуют ли корпоративные ценности компаний стратегиям их развития, с какими проблемами сталкиваются творческие люди и какие способы признания талантов применяют на предприятиях, какие формы организации инновационной деятельности имеют приоритет. Результаты исследования сопоставлены с лучшими практиками и особенностями ведущих компаний Японии и Южной Кореи с целью разработать рекомендации и предложения для России.

Ключевые слова: управление, инновации, ценности, стратегия, предприятие, социальное партнерство

Цитирование: Коваленко А.А., Малышев М.А. (2023) Ценностные ориентации руководителей и управление инновациями на предприятиях // Общественные науки и современность. № 3. С. 146–164. DOI: 10.31857/S0869049923030103, EDN: GISASI.

Value Orientations of Managers and Innovation Management at Enterprises

© A. KOVALENKO, M. MALYSHEV

Alexander A. Kovalenko, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), akovalenko777@mail.ru. ORCID: 0000-0002-4021-2433

Maksim A. Malyshev, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), malyshevma@my.msu.ru. ORCID: 0000-0002-4672-6005

Abstract. Values and value orientations are key components of the individual's development: they reflect the characteristics of his/her personality and determine personal behavior. At one time value orientations fell out of the focus of social sciences in Russia, but at present this topic has particular importance and relevance. The results of a study of value orientations in the innovation activity of the CEO's of Russian enterprises (case studies of foundry and metallurgy enterprises) are presented. This analysis is a continuation of studies of innovative values of leaders in the knowledge economy conducted in 2011–2012. It is aimed at finding the innovative development problems of modern enterprises in the context of value orientations. What innovations are required by enterprises in the first place, what managers value in subordinates, whether corporate values correspond to the enterprise development strategy, what problems creative people face and what methods of recognition of talents are used, what forms of organization of innovative activity are prioritized and which are not, – these questions were answered in this study. The results are compared with the best practices and features of the leading companies in Japan and South Korea in order to develop recommendations and proposals.

Keywords: management, innovations, values, strategy, enterprise, social partnership

Citation: Kovalenko A., Malyshev M. (2023) Value Orientations of Managers and Innovation Management at Enterprises. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 146–164. DOI: 10.31857/S0869049923030103, EDN: GISASI.

В плановой экономике времен СССР ценностный подход к управлению практически не применяли. Интересы и цели человека в такой системе не рассматривали, либо изучали в рамках профессиональной этики [Карпова 2008, 140–144]. На сегодняшний день ценности и ценностные ориентации представляют особый интерес, особенно при рассмотрении социальных аспектов инновационной деятельности предприятий. Анализ ценностных ориентаций в сочетании с изучением мотивации руководителей предприятий обогащают представления о существующих методах управления инновациями, проблемах их разработки и внедрения, а также позволяет найти пути их решения.

Обзор подходов к определению понятия ценностей

Ценности и ценностные ориентации выступали предметом научного интереса психологов, социологов и философов (Э. Дюркгейм, М. Вебер, Т. Парсонс, У. Томас и другие). Большой интерес вызывают разные научные точки зрения на связанные между собой понятия – ценности и ценностные ориентации.

В психологии ценностные ориентации выступают важнейшим компонентом мировоззрения личности или групповой идеологии, в котором отражаются стремления личности или группы в отношении каких-либо обобщенных ценностей. Помимо прочего, они

выполняют регуляторную функцию в жизнедеятельности человека [Нугаева, Криводонова 2012, 120–128].

По Н.А. Журавлевой ценностные ориентации – это «относительно устойчивая социально обусловленная направленность личности на те или иные цели, имеющие для нее смысложизненное значение, и на определенные способы их достижения, выражающиеся в виде каких-либо личностных качеств, образцов (способов) поведения» [Журавлева 2016, 156–161]. На них основаны оценки окружающей действительности, а также формируется предрасположенность к социальной активности. К.В. Прядко, как и С.Л. Рубинштейн, рассматривает их как определенную направленность сознания и поведения, которая проявляется в действиях [Прядко 2015, 132–139].

Согласно определению, принятому в социологической науке, ценность – это «особое общественное отношение, благодаря которому потребности и интересы индивида или социальной группы переносятся на мир вещей, предметов, духовных явлений, придавая им определенные социальные свойства, не связанные прямо с утилитарным назначением этих вещей, духовных явлений» [Осипов 2000, 402]. Социология толкует ценностные ориентации как «разделяемые личностью социальные ценности, которые выступают в качестве целей и основных средств их достижения, а также являются важнейшим фактором, регулирующим, детерминирующим мотивацию личности и ее поведение» [Осипов 2000, 225]. По мнению С.А. Кравченко, ценность – «любая часть социальной реальности, в отношении которой индивид занимает оценочную позицию» [Кравченко 2004, 480].

У. Томас и Ф. Знаменский ввели в социологию понятие «ценностные ориентации», считая, что ценности существуют в реальности и проявляются в поведении. Ценностные ориентации, в свою очередь, связаны с социальным процессом, который влияет на поведение индивида через разделяемую систему ценностей: это когнитивный процесс, который помогает индивиду определить, что верно, а что неверно в определенных ситуациях [Khemani 2015].

Ценностная ориентация – четкое устремление человека, которое выступает важнейшей целью его жизнедеятельности [Кравченко 2004, 266]. Групповым ценностям дано следующее определение: «социальная и культурная значимость определенной деятельности, выраженная в ценностных ориентациях, способствующая групповому поведению» [Кравченко 2004, 479].

Ценности интерпретируют как идеал, эталон. Первый элемент механизма формирования ценностных ориентаций – ценности, характерные для конкретного социума в определенный момент развития, которые социум принимает и разделяет. Второй элемент – это ценности организации, которые провозглашает, развивает и поощряет ее менеджмент. Они могут проявляться в виде результата. Третьим элементом выступают ценности бизнес-деятельности: сложившиеся ориентиры и регуляторы сферы экономической деятельности, ее идеалы и императивы. Перечисленные элементы формируют у актора определенные установки, связанные с выполнением инициатив, а также определяют критерии оценки внешнего мира и собственной активности. Четвертый элемент механизма – факторы внешней среды: политические, экономические, социальные, культурные и др. [Магомедова 2017, 119–123]. Для данного исследования важны второй и третий элемент механизма – совокупность провозглашенных, реализуемых и поощряемых руководством ценностей, которые формируют установки, связанные с поддержкой инициатив инновационной деятельности, критериями ее успешности и своего участия в этой работе.

Краткий обзор методологии

В 2011 г. в РАНХиГС директор центра социальных и психологических исследований Е.С. Яхонтов, Т.А. Нестик, Ш. Каххарова провели исследование «Инновационные ценности руководителей в экономике знаний» [Отчет «Инновационные ценности руководителей... 2011». Инновационные ценности в данном случае связали с отношением организации к инновациям, инновационной культурой и с проблемами управления инновациями. Исследование направлено на развитие инновационного потенциала российских компаний. Было опрошено 118 респондентов из 8 федеральных округов: 48% менеджеров высшего звена, 34% менеджеров среднего звена, 3% менеджеров нижнего звена и 14% специалистов. Респонденты представляли организации из следующих отраслей экономики: потребительские товары и услуги (21%), оборудование и обслуживание предприятий промышленности (10%), образование (18%), консалтинговые услуги (14%), финансовый сектор (7%), химическая промышленность (6%), строительство (8%), здравоохранение (3%), сельское хозяйство (3%). Четверть из представленных организаций существовала 5 лет, еще четверть – от 5 до 10 лет, 15% – от 10 до 15 лет, свыше 35% – более 15 лет. Численность персонала организаций составляла: до 50 человек (25%), до 100 человек (16%), до 250 человек (14%), до 500 человек (13%), до 1 тыс. человек (6%), до 2 тыс. человек (7%), до 5 тыс. человек (9%), свыше 5 тыс. человек (10%).

В 2012 г. данная исследовательская группа при участии В.В. Кривошапкина провела еще одно исследование (Якутск-Москва, май-июнь 2012) [Инновационные ценности руководителей... 2012]. Было опрошено 748 респондентов разных районов Республики Саха (Якутия), которые работали в органах государственной власти (42%) и местного самоуправления (8%), бюджетных учреждениях (38%) и муниципальных учреждениях (6%). По отраслям участники распределились так: строительство (4%), государственный сектор (53%), здравоохранение и медицина (12%), потребительские товары (1%), сельское хозяйство (5%), финансовый сектор (1%), образование (22%), консультационные услуги (2%).

На основе первого исследования в 2019–2020 гг. также были изучены инновационные ценности руководителей. Обработка результатов завершилась в 2021 г. В работе была дана оценка российским предприятиям литейного производства и металлургии. Поскольку более 90% изделий машиностроительных производств включают литые детали, данные производства формируют важную заготовительную базу для машиностроения. Технологии литейного производства используют в современных машинах и механизмах. Соответственно, исследования ценностных ориентаций руководителей предприятий в этой отрасли крайне важны для развития промышленности и принятия важных решений.

Основным методом исследования был опрос, который проводился с помощью формализованной анкеты. Данный метод был выбран, чтобы снизить влияние исследователя на респондентов. В опросе участвовали респонденты из 70 предприятий: руководители разного уровня (высшего уровня – 9%, среднего – 64%, нижнего – 14%) и ведущие специалисты предприятий (13%). География исследования охватила следующие регионы: Брянская, Воронежская, Ивановская, Калужская, Курганская, Ленинградская, Московская, Новосибирская, Нижегородская, Омская, Ростовская, Рязанская, Самарская, Свердловская, Тульская и Челябинская области, Республики Чувашия и Башкортостан, Удмуртская Республика. Респонденты преимущественно представляли малые и средние предприятия с численностью сотрудников до 1,5 тыс. человек (среднее значение – 780, медиана – 320). Возраст участников опроса составил от 25 до 59 лет (среднее значение – 37, медианное – 36). Большинство респондентов имели высшее образование. Помимо упомянутого ранее инструментария, в настоящем исследовании применялся разработанный автором метод,

который он использовал при анализе инновационного потенциала российских предприятий [Коваленко 2014]. Эмпирические данные обрабатывали с помощью программ Excel и SPSS, затем был произведен их содержательный анализ. Итоги исследования представлены в виде таблиц и рисунков, которые содержат результаты анализа и статистической обработки полученных данных. Нумерация вопросов, указанная в таблицах и рисунках, соответствует нумерации этих вопросов в исследовательской анкете для респондентов.

Анализ данных исследования

Можно утверждать, что инновации представляют собой основной залог выживания компании в условиях жесткой конкуренции в современных условиях. Инновации играют важную роль как в развитии национальной экономики (макроуровень), так и в достижении целей отдельных предприятий (микроуровень). По результатам исследования, во-первых, следует отметить, что значительная часть респондентов осознают важность инноваций. Так, 74% из них указывают на необходимость технологических инноваций. На второе место по важности опрошенные поместили инновации продукции (услуг) (69%). На третьем месте оказались маркетинговые инновации (59%). Распределение ответов представлено в таблице 1 и на рисунке 1.

Таблица 1

Инновации, необходимые для компании

Table 1

Required corporate innovations

№ п/п	Вопрос 3. Какие инновации необходимы Вашей компании? ¹	Кол-во ответов	%
1	Продукции /услуг	48	69
2	Управленческие	13	19
3	Маркетинговые	41	59
4	Технологические	52	74
5	Затрудняюсь	0	0

Источник: составлено по материалам исследования Е.С. Яхонтовой, Т.А. Нестика, Ш. Каххаровой [Отчет ... 2011].

Source: compiled from the materials from the study by E.S. Yakhontova, T.A. Nestik, Sh. Kakhkharova [Отчет ... 2011].

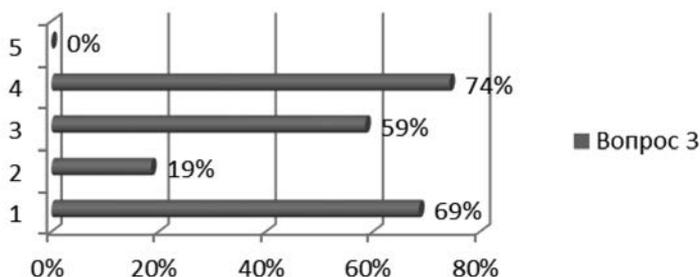

Рисунок 1. Инновации, необходимые для компании

Figure 1. Required corporate innovations

¹ Нумерация вопросов здесь и далее по тексту указана так, как эти вопросы были представлены в анкете, предлагаемой респондентам.

Что руководители высшего звена больше всего ценят в подчиненных

Table 2

What top managers value the most in their subordinates

№ п/п	Вопрос 17. Отметьте, что более всего ценит Ваши руководители высшего звена в подчиненных:	Кол-во ответов	%
1	Профессионализм	58	83
2	Ум, эрудицию и широкий кругозор	12	17
3	Самостоятельность	22	31
4	Послушание и исполнительность	24	34
5	Творчество и креативность	9	13
6	Ответственность	41	59
7	Честность	36	51
8	Открытость новому	8	11
9	Принципиальность	7	10
10	Коммуникабельность	11	16
11	Связи в профессиональной среде	20	29
12	Умение не доставлять хлопоты и проблемы руководству	21	30
13	Амбициозность	3	4
14	Непритязательность	25	36
15	Лидерские компетенции	2	3
16	Командность	9	13

Источник: составлено по материалам исследования Е.С. Яхонтовой, Т.А. Нестика, Ш. Каххаровой [Отчет ... 2011].

Source: compiled from the materials from the study by E.S. Yakhontova, T.A. Nestik, Sh. Kakhkharova [Отчет... 2011].

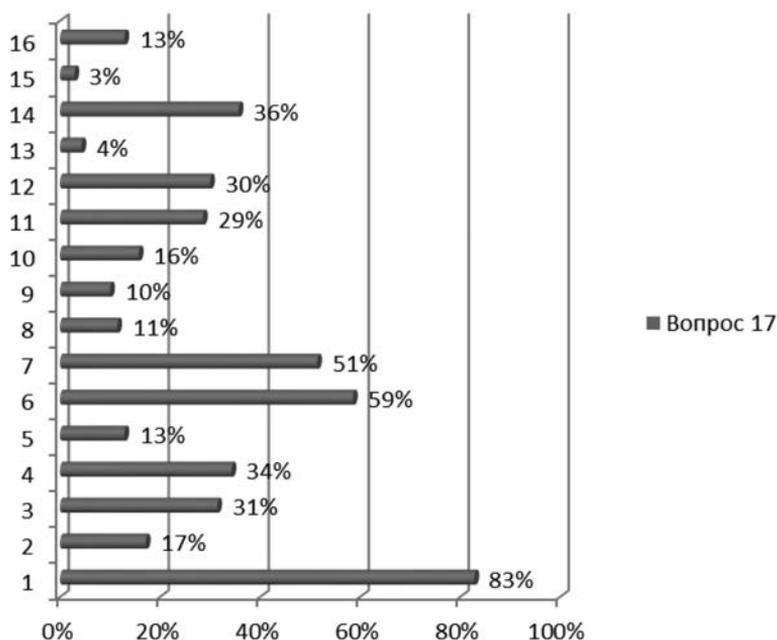

Рисунок 2. Что ценят руководители высшего звена в подчиненных

Figure 2. What top managers value the most in their subordinates

Примечательно, что большая часть руководителей-участников опроса понимают необходимость и важность инноваций, однако их ценностные ориентации не в полной мере соответствуют инновационному развитию. Руководители больше всего ценят в подчиненных профессионализм (83%), ответственность (59%), честность (51%) и непритязательность (36%). Примечательно, что послушание и исполнительность (34%) они ставят выше, чем самостоятельность (31%), а умение не доставлять хлопоты руководству (30%) – выше, чем творчество и креативность (13%), эрудицию и широкий кругозор (12%), а также открытость новому (8%).

По результатам можно предположить, что инновационные ценности не являются приоритетными для руководителей: они не доминируют, наблюдаются некоторые противоречия в структуре ценностей. Так, отвечая на вопрос, что более всего они ценят в сотрудниках, большинство из них отметили следующие пункты: персональная ответственность (69%), креативность (63%), сотрудничество и работа в команде (56%). В то же время за качества, значимые для инновационного развития, проголосовало гораздо меньше участников: открытость новому (16%), ориентация на долгосрочную перспективу (17%), проактивность и действия на опережение (21%), непрерывное профессиональное и личностное развитие (34%), доверие (36%). Распределение ответов на этот вопрос представлено в таблице 3 и на рисунке 3.

Таблица 3

Что респонденты больше всего ценят в сотрудниках

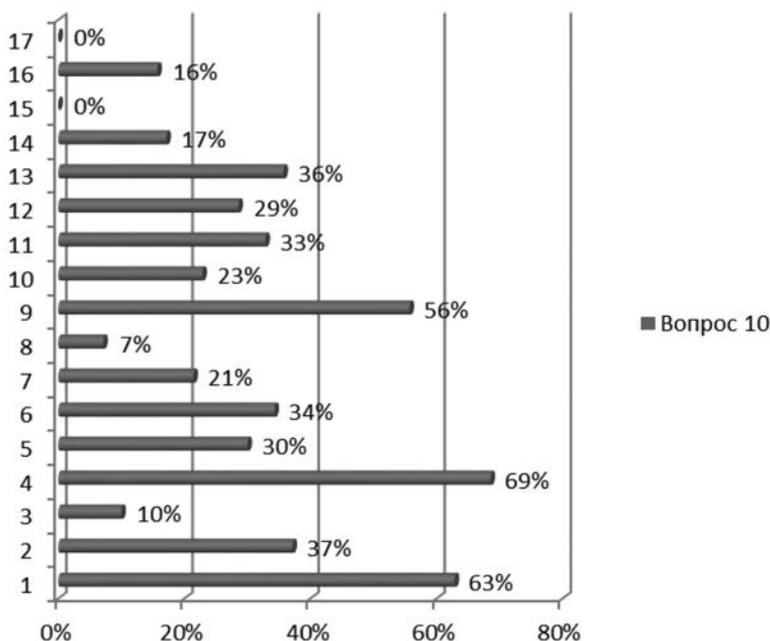
Table 3

What respondents value the most in employees

№ п/п	Вопрос 10. Что более всего Вы цените в сотрудниках? (можно выбрать не более 5 вариантов)	Кол-во ответов	%
1	Креативность	44	63
2	Способность работать в ситуации неопределенности	26	37
3	Рискованность в принятии решений	7	10
4	Персональная ответственность	48	69
5	Уважение	21	30
6	Непрерывное профессиональное и личностное развитие	24	34
7	Проактивность, действия на опережение	15	21
8	Стабильность	5	7
9	Сотрудничество и работу в команде	39	56
10	Ориентация на клиента	16	23
11	Высокое качество	23	33
12	Исполнительность	20	29
13	Доверие	25	36
14	Ориентация на долгосрочную перспективу	12	17
15	Перфекционизм	0	0
16	Открытость к новому	11	16
17	Другое (напишите)	0	0
			100

Источник: составлено по материалам исследования Е.С. Яхонтовой, Т.А. Нестика, Ш. Какхаровой [Отчет ... 2011].

Source: compiled from the materials from the study by E.S. Yakhontova, T.A. Nestik, Sh. Kakhkharova [Отчет ... 2011].

Рисунок 3. Распределение ответов на вопрос: «Что более всего Вы цените в сотрудниках?»

Figure 3. Distribution of answers to the question: "What do you value most in employees?"

На многих предприятиях отмечается недостаточная значимость корпоративных ценностей, которые ориентировали бы на инновационное развитие (и эти требования были бы внесены во внутренние документы). Недостаточно четко выражена корпоративная идеология, которая находит отражение в таких документах, как стратегия управления персоналом (49%), кодекс делового поведения (23%) и политика управления персоналом (21%). 21% респондентов сообщили, что у них в компаниях такие документы отсутствуют (таб. 4, рис. 4).

Таблица 4

Документы, раскрывающие корпоративные ценности

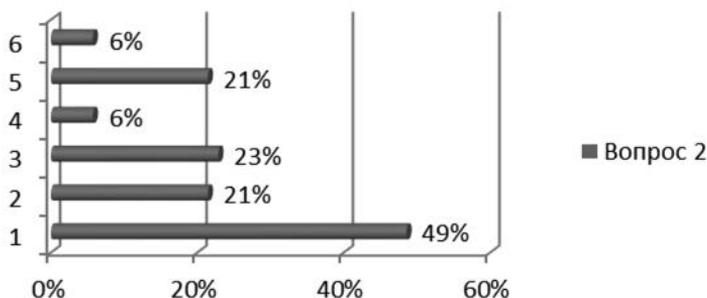
Table 4

Documents revealing corporate values

№ п/п	Вопрос 2. В каких корпоративных документах раскрыты корпоративные ценности?	Кол-во ответов	%
1	Стратегия управления персоналом	34	49
2	Политика управления персоналом	15	21
3	Корпоративный кодекс делового поведения /этики	16	23
4	Корпоративный стандарт управления культурой	4	6
5	Таких документов пока нет	15	21
6	Затрудняюсь	4	6
7	Другое		0

Источник: составлено по материалам исследования Е.С. Яхонтовой, Т.А. Нестика, Ш. Каххаровой [Отчет ... 2011].

Source: compiled from the materials from the study by E.S. Yakhontova, T.A. Nestik, Sh. Kakhkharova [Отчет ... 2011].

Рисунок 4. Документы, раскрывающие корпоративные ценности

Figure 4. Documents revealing corporate values

Согласно опыту японских предприятий, одним из ведущих принципов управления современными предприятиями выступает целенаправленная поддержка и стимулирование сотрудников к инновационной деятельности. Среди подобных мер в компаниях-участницах исследования преобладают: советы по доработке или реализации (53%), моральная поддержка (49%), экспертиза предложений сотрудников (46%). Наименее популярны материально-техническая помощь в реализации (24%), информационная поддержка (23%), команда исполнителей (23%) и финансовая помощь (11%). Распределение ответов представлено в таблице 5 и на рисунке 5, респонденты могли выбрать несколько вариантов ответов.

Таблица 5

Меры поддержки творческой и инновационной деятельности

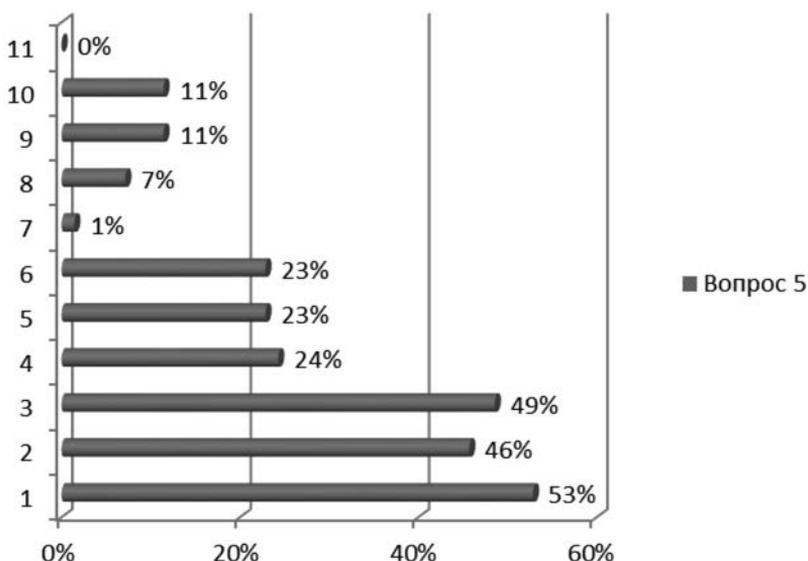
Table 5

Measures to support creative and innovative activities

№ п/п	Вопрос 5. Какую поддержку творческой и инновационной деятельности можно получить в Вашей компании?	Кол-во ответов	%
1	Совет по доработке или реализации	37	53
2	Экспертиза предложения	32	46
3	Моральная поддержка	34	49
4	Материально-техническая помощь в реализации	17	24
5	Информационная поддержка	16	23
6	Команда исполнителей	16	23
7	Реклама	1	1
8	Признание таланта	5	7
9	Доверие	8	11
10	Финансовая	8	11
11	Другое (определите)	0	0

Источник: составлено по материалам исследования Е.С. Яхонтовой, Т.А. Нестика, Ш. Каххаровой [Отчет ... 2011].

Source: compiled from the materials from the study by E.S. Yakhontova, T.A. Nestik, Sh. Kakhkharova [Отчет ... 2011].

Рисунок 5. Распределение ответов на вопрос: «Какую поддержку творческой и инновационной деятельности можно получить в Вашей компании?»

Figure 5. Distribution of answers to the question: “What kind of support for creative and innovative activities can you get in your company?”

Примечательно, что лишь 7% компаний финансируют разного рода стажировки, обучение и участие в конференциях по развитию новаторской деятельности. В основном поддержка новаторов выражается в создании условий для профессионального роста (46%), предоставлении льгот (44%) или других бонусов (дополнительных вознаграждений) (41%). В то же время повышаются требования к новаторам и к качеству выполняемых работ (36%), также к их должностным обязанностям добавляются дополнительные задачи, что в целом свойственно инновационным процессам. Подробная информация о формах признания таланта новаторов представлена в таблице 6 и на рисунке 6. Респонденты могли выбрать несколько вариантов ответов.

Результаты исследования свидетельствуют о проблемах в механизмах управления инновациями, которые тормозят инновационный процесс. Среди изменений в инновационной активности предприятия респонденты особо выделяют уменьшение численности новаторов и высококвалифицированных сотрудников (64%), ухудшение инновационного климата (60%), уменьшение количества рационализаторских предложений (26%). Респонденты из тех предприятий, которые уделяют достаточно внимания инновационной деятельности, отмечают успешное выполнение инновационных проектов (21%), создание новых высокотехнологичных рабочих мест (19%), и увеличение численности новаторов и высококвалифицированных сотрудников (10%). Полное распределение ответов представлено в таблице 7 и на рисунке 7, респонденты могли выбрать несколько вариантов ответов.

Таблица 6

Способы признания талантов новаторов

Table 6

Methods of recognition of innovators' talents

№ п/п	Вопрос 11. В каких формах выражается признание таланта и заслуг новаторов в Вашей компании?	Кол-во ответов	%
1	Дополнительные бонусы	29	41
2	Профессиональный рост	32	46
3	Особые условия работы (гибкий график, лучшая техника, рабочее место и пр.)	31	44
4	Повышенные требования к качеству и количеству выполняемых работ	25	36
5	Приоритетность в финансировании проектов	3	4
6	Вовлечение в работу с молодыми специалистами (кураторства, наставничество)	7	10
7	Дополнительные задания, выходящие за рамки должностных обязанностей	13	19
8	Особое внимание руководства (поздравление с праздниками и успехом, подарки ко дню рождения и пр.)	8	11
9	Повышение статуса в коллективе (приглашение на встречи, совещания, обращение за консультациями и пр.)	14	20
10	Информирование о заслугах в корпоративных СМИ	4	6
11	Корпоративные награды	13	19
12	Финансирование стажировок, обучения и участия в конференциях (вне общего лимита)	5	7
13	Частые ротации	0	0
14	Оплата специализированной литературы, доступа к современным источникам информации	3	4
15	Помощь в получении патентов и грантов	0	0
16	Другое	0	0

Источник: составлено по материалам исследования Е.С. Яхонтовой, Т.А. Нестика, Ш. Каххаровой [Отчет ... 2011].

Source: compiled from the materials from the study by E.S. Yakhontova, T.A. Nestik, Sh. Kakhkharova [Отчет ... 2011].

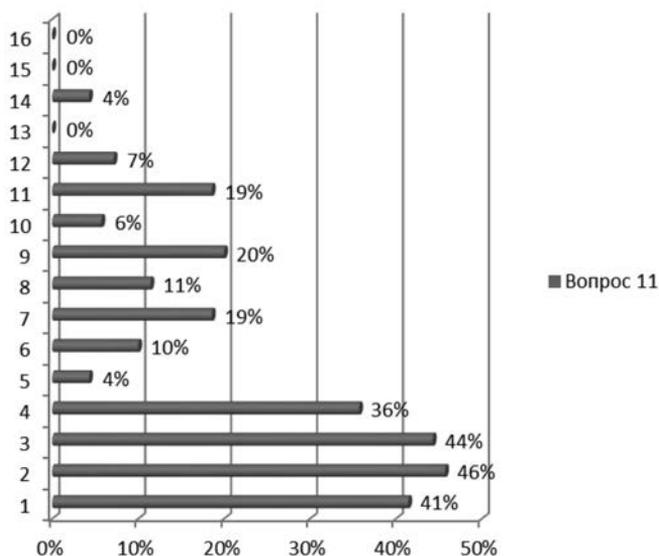

Рисунок 6. Способы признания талантов новаторов
 Figure 6. Methods of recognition of innovators' talents

Изменения инновационной активности предприятий

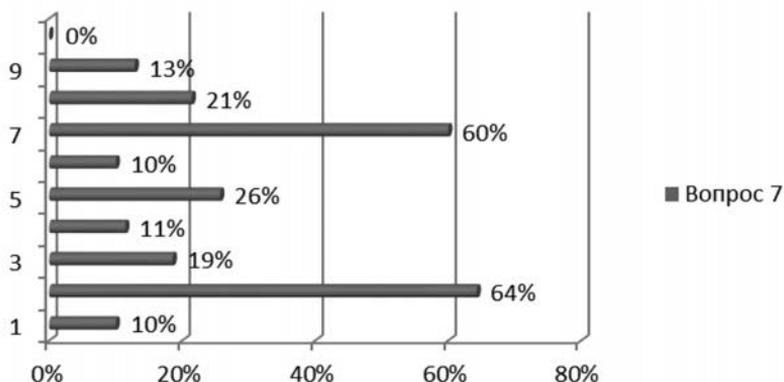
Table 7

Changes in companies' innovation activity

№ п/п	Вопрос 7. Какие изменения в инновационной активности произошли в Вашей компании за последние годы?	Кол-во ответов	%
1	Увеличилась численность новаторов и высококвалифицированных сотрудников	7	10
2	Сократилась численность новаторов и высококвалифицированных сотрудников	45	64
3	Созданы новые высокотехнологичные рабочие места	13	19
4	Увеличилось количество рационализаторских предложений	8	11
5	Уменьшилось количество рационализаторских предложений	18	26
6	Улучшился инновационный климат	7	10
7	Ухудшился инновационный климат	42	60
8	Успешно исполнены инновационные проекты	15	21
9	Свернута инновационная активность, закрыты инновационные проекты	9	13
10	Затрудняюсь ответить	0	0

Источник: составлено по материалам исследования Е.С. Яхонтовой, Т.А. Нестика, Ш. Каххаровой [Отчет ... 2011].

Source: compiled from the materials from the study by E.S. Yakhontova, T.A. Nestik, Sh. Kakhkharova [Отчет ... 2011].

Рисунок 7. Распределение ответов по вопросу изменения инновационной активности предприятий
Figure 7. Distribution of answers to the question about the changes in companies' innovation activity

Результаты исследования показывают значительный дисбаланс между успешными практиками управления инновациями и реальным положением дел на предприятиях. Так, большинство респондентов внедряют технические советы (81%). Далее с большим отрывом идут профессиональные конференции и мероприятия обмена опытом (33%), введение параметров инновационности в состав ключевых показателей эффективности (KPI) (24%). Однако такие формы, как венчурные дочерние предприятия (2%), инкубаторы (центры) инноваций (3%), системы управления знаниями (8%), конкурсы идей (11%), менее популярны. Таким образом, деятельность большинства предприятий по управлению инновациями не соответствует современным представлениям об успешном инновационном развитии (таб. 8, рис. 8).

Формы инновационной деятельности

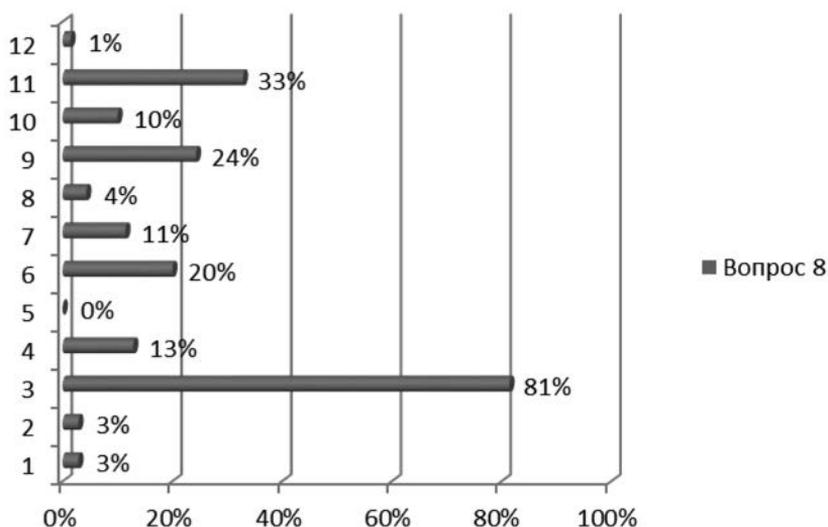
Table 8

Forms of innovative activities

№ п/п	Вопрос 8. В каких формах Ваша компания организует инновационную деятельность персонала? (выделите один или несколько вариантов)	Кол-во ответов	%
1	Инкубаторы (центры) инноваций	2	3
2	Венчурные дочерние предприятия	2	3
3	Технический совет	57	81
4	Подразделения НИОКР	9	13
5	Сетевые (виртуальные) группы новаторов	0	0
6	Центры компетенций	14	20
7	Конкурсы идей	8	11
8	Система управления знаниями / Портал знаний	3	4
9	Введение показателей инновационности в состав KPIs подразделений	17	24
10	Введение показателей инновационности в состав моделей компетенций, по которым оцениваются руководители и специалисты	7	10
11	Профессиональные конференции и другие мероприятия по обмену идеями и опытом	23	33
12	Создание престижного корпоративного сообщества новаторов	1	1

Источник: составлено по материалам исследования Е.С. Яхонтовой, Т.А. Нестика, Ш. Каххаровой [Отчет ... 2011].

Source: compiled from the materials from the study by E.S. Yakhontova, T.A. Nestik, Sh. Kakhkharova [Отчет ... 2011].

Рисунок 8. Формы инновационной деятельности

Figure 8. Forms of innovative activities

Что касается выражения инновационной и творческой активности, наиболее распространены организация и участие в обмене опытом (66%), генерация идей и рационализаторских предложений (34%), инициация организационных изменений (33%). Меньше всего ответов пришлось на привлечение в компанию креативных сотрудников (7%). Лишь четверть указали на то, что в их организациях тестируют инновационные идеи. Полные данные по формам инновационной активности представлены в таблице 9 и на рисунке 9, респонденты могли выбрать несколько вариантов ответов.

Таблица 9

Проявление инновационной активности

Table 9

Manifestation of innovative activity

№ п/п	Вопрос 13. В какой форме выражается Ваша инновационная активность?	Кол-во ответов	%
1	Генерация идей и рационализаторские предложения	24	34
2	Экспертиза идей и предложений	22	31
3	Организация тестирования инновационных идей	18	26
4	Организация и участие в обмене опытом	46	66
5	Инициация организационных изменений	23	33
6	Помощь и поддержка новаторов и креативных коллег	14	20
7	Финансирование инновационных проектов	0	0
8	Создание и поддержка творческого климата	22	31
9	Привлечение в компанию креативных сотрудников	5	7
10	Другое	0	0

Источник: составлено по материалам исследования Е.С. Яхонтовой, Т.А. Нестика, Ш. Какхаровой [Отчет «... 2011].

Source: compiled from the materials from the study by E.S. Yakhontova, T.A. Nestik, Sh. Kakhkharova [Отчет ... 2011].

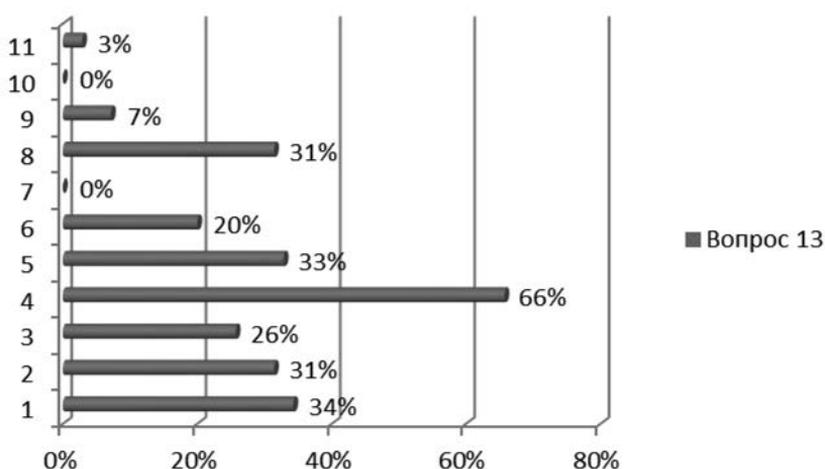

Рисунок 9. Проявление инновационной активности

Figure 9. Manifestation of innovative activity

Информация – ценный ресурс для любого предприятия. Участники исследования в основном получают данные о значимых событиях в своей области из Интернета (81%) и специализированных СМИ (79%), а также на конференциях в РФ (64%). За остальные источники информации проголосовало значительно меньше респондентов.

Обсуждение результатов исследования

Обсуждая результаты настоящего исследования, целесообразно сравнить полученные данные с успешным опытом зарубежных стран, например, Японии и Южной Кореи. Они традиционно занимают первые места в рейтингах инновационных и технологичных стран мира. Экономический рост в ряде азиатских стран во второй половине XX в. сопровождался изменению культуры и преобразованию ключевых ценностей [Бойкова, Салазкин 2007, 52–63].

Л. Моррис указывает на важность менеджера инноваций – человека, который отвечает за инновационную деятельность, поддерживает и осуществляет ее². Ответственность за инновации должна входить в функциональную обязанность конкретного персонала, но в то же время они должны быть заботой каждого. Такие ценности характерны и для компаний Южной Кореи, в частности, для Samsung. Каждый сотрудник Samsung может внести вклад в инновации – а не только разработчики новых продуктов. Все работники понимают, что инновации представляют собой важнейшую составляющую их работы. Каждый сотрудник старается предложить что-либо новое [Эндрю 2008, 207–208]. Один из способов сделать такое мышление частью работы каждого сотрудника – сформировать понятный язык инноваций и использовать его в деятельности предприятия. В таком случае сотрудники начнут «мыслить на одной волне» и придерживаться общих ценностей.

Понимая важность инноваций, руководители предприятий не уделяют должного внимания таким элементам инновационной деятельности, как ротация (6%), стажировки (9%) и обучение (10%). К примеру, для японских компаний характерна стабильность в передаче мастерства из поколения в поколение, что считается ключевым аспектом сохранения квалифицированной рабочей силы в японской промышленности.

Анализ результатов показал, что на подавляющем большинстве представленных в исследовании предприятий практически не интересуются идеями сотрудников. Так, отвечая на вопрос о формах организации инновационной деятельности в компании, лишь 11% респондентов выбрали вариант «Конкурс идей». Лишь на 34% предприятий используют такую форму инновационной деятельности, как генерация идей и рационализаторских предложений, на 31% – экспертизу идей и предложений. Внесение предложений и идей зависит не от творческих способностей работников, а от умения руководства наладить этот процесс. Соответственно, отсутствие идей – проблема менеджмента [Масааки 2006, 130].

Согласно результатам, большинство предприятий не фиксируют цели инновационного развития. Только 14% из них делают акцент на инновационности как составной части корпоративной модели.

Очень важно, что высшее руководство ценит профессионализм сотрудников, однако руководители не уделяют достаточно внимания творчеству и креативности. В то же время креативность высоко оценивают респонденты, большинство из которых являются руково-

² Morris L. Creating the Innovation Culture. Geniuses, Champions and Leaders. Innovation Labs. 2007. (<https://www.innovationlabs.com/CreatingInnovationCulture.pdf>).

дителями среднего звена. Однако они менее заинтересованы в профессиональном и личностном развитии сотрудников.

Противоречивость заметна в ответах на вопрос о том, какие качества руководители высшего звена ценят в подчиненных. Так, 83% отмечают профессионализм, 59% – ответственность, 51% – честность. Также большое количество голосов набрали: неприязнительность (36%), послушание и исполнительность (34%), самостоятельность (31%), умение не доставлять хлопоты и проблемы руководству (30%). В то же время такие важные для инновационной деятельности качества, как творчество и креативность (13%), командность (13%), открытость новому (11%) и лидерские способности (3%) менее востребованы.

Отчетливо прослеживается недостаток в методах развития кадрового инновационного потенциала, которые также не сочетаются со стратегией инновационного развития (в случае ее наличия). Как уже отмечалось, на предприятиях Японии и Южной Кореи в процесс активно вовлекают самые разные категории сотрудников, которые могут привнести интересные и перспективные идеи. Согласно ответам респондентов, в инновационных процессах их предприятий участвует высшее руководство (63%), менеджеры среднего звена (87%), менеджеры нижнего звена (50%), специалисты (50%) и высококвалифицированные рабочие (27%).

Характерными проблемами, с которыми сталкиваются творческие люди и инновационные проекты, выступают бюрократизм (67%), равнодушие и скептицизм коллег (54%), загруженность рутинной работой (51%). 51% опрошенных указали на отсутствие инновационных идей, 47% – на недостаточный уровень компетенций.

Выводы и рекомендации

Важно отметить, что исследования 2011 и 2012 гг. по изучению ценностных ориентаций руководителей и работа, завершенная в 2021 г., показывают сопоставимые результаты – несмотря на то, что в них представлены разные отрасли.

Успех инновационной деятельности обусловлен вниманием к обучению и подготовке персонала, инвестициям в развитие человеческого капитала, организации системы передачи знаний, привлечению и удержанию сотрудников с творческим подходом к делу, вовлечению различных групп работников в инновационные процессы – в том числе при поддержке профсоюзов.

Необходимо развивать корпоративные ценности и выстраивать на их основе принципы управления инновациями, направленные на активность всех сотрудников; формировать «единый язык инноваций», который станет стержнем корпоративной идеологии, декларируемой во всех корпоративных документах. Участие сотрудников в инновационной деятельности должно стать ценностью и ориентиром не только для их самих, но и для руководства компании. Оно должно видеть в этом новые возможности, преодолевая разрозненность и несогласованность ради общих усилий по развитию конкурентных преимуществ предприятий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бойкова М.В., Салазкин М.Г. (2007) Корея: опережающие стратегии // Форсайт. Т. 1. № 4. С. 52–63.
- Журавлева Н.А. (2016) Социально-психологические характеристики системы ценностных ориентаций управленческого персонала // Вестник современной науки. № 16. С. 156–161.
- Инновационные ценности руководителей в экономике знаний. Результаты исследования (2012) Высшая школа международного бизнеса Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ и Институт управления при Президенте Республики Саха (Якутия).
- Капрова Ю.А. (2008) Ценностно-ориентированный подход к формированию организационной культуры российских предприятий // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. № 37. С. 140–144.
- Коваленко А.А. (2014) Исследование мотивации инновационной деятельности // Государственное управление. Электронный вестник. № 47. (http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/47_2014kovalenko.htm).
- Кравченко С.А. (2004) Социологический энциклопедический русско-английский словарь: более 10 000 единиц. М.: ООО «Издательство АСТ».
- Магомедова Э.Ш. (2017) Ценностные ориентации молодых руководителей бизнес-организаций: процесс и механизмы формирования // Вектор Науки ТГУ. № 2. С. 119–123.
- Нугасва О.Г., Криводанова Ю.Е. (2012) Психологическая сущность и соотношение понятий «ценности» и «ценностные ориентации» // Специальное образование. № 2. С. 120–128.
- Отчет «Инновационные ценности руководителей в экономике знаний». Результаты исследования (2011) Высшая школа международного бизнеса Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. (<http://cnt-consult.ru/russia/service/analyses/Report%20Innovation%20Mangerment%20GSIB%20with%20Statistic%2028062011.pdf>).
- Прядко К.В. (2015) Взаимосвязь мотивационных факторов трудовой деятельности и ценностных ориентаций личности работников организации // Перспективы науки и образования. № 3. С. 132–139.
- Ритцер Дж. (2002) Современные социологические теории. 5-е изд. СПб.: Питер.
- Эндрю Дж. П. (2008) Возврат на инновации: практическое руководство по управлению инновациями в бизнесе. Пер. с англ. С.С. Гуринович. Науч. ред. И.В. Лазукова. Минск: Гревцов Паблшер. 304 с.
- Социологический энциклопедический словарь (2000) Ред.: В. Осипов. М.: Издательство НОРМА.
- Khemani A. (2015) Value Orientation of Employees and Its Impact on Performance: An Empirical Study of Selected Higher Education Institutions. Research Scholar. Department of Management. Faculty of Social Sciences, Dayalbagh Educational Institute.

REFERENCES

- Bojkova M.V., Salazkin M.G. (2007) Korea: operezhayushhie strategii [Korea: Forward Strategies]. *Forsajd*. vol. 1, no. 4. pp. 52–63.
- Endryu Dzh. P. (2008) *Vozvrat na innovacii: prakticheskoe rukovodstvo po upravleniyu innovაციyami v biznese* [Return to Innovation: A Practical Guide to Managing Innovation in Business]. Translation from English: S.S. Gurinovich. Ed(s): I.V. Lazukova. Minsk: Grevcov Publisher. 304 p.
- Innovacionnye cennosti rukovoditelej v ekonomike znaniy. Rezul'taty issledovaniya* [Innovative Values of Leaders in the Knowledge Economy. Research Results] (2012) Vysshaya shkola mezhdunarodnogo biznesa Rossijskoj akademii narodnogo hozyajstva i gosudarstvennoj sluzhby pri Prezidente RF i Institut upravleniya pri Prezidente Respubliki Saha (Yakutiya).
- Kapрова YU.A. (2008) Cennostno-orientirovannyj podhod k formirovaniyu organizacionnoj kul'tury rossijskih predpriyatij [Value-oriented Approach to the Formation of the Organizational Culture of Russian

Enterprises]. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena*. no. 37, pp. 140–144.

Khemani A. (2015) *Value Orientation of Employees and Its Impact on Performance: An Empirical Study of Selected Higher Education Institutions*. Research Scholar. Department of Management. Faculty of Social Sciences, Dayalbagh Educational Institute.

Kovalenko A.A. (2014) Issledovanie motivacii innovacionnoj deyatelnosti [Research of Innovation Motivation]. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyj vestnik*. no. 47. (http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/47_2014kovalenko.htm).

Kravchenko S.A. (2004) *Sociologicheskij enciklopedicheskij russko-anglijskij slovar': Bolee 10000 edinic* [Sociological Encyclopedic Russian-English Dictionary: More than 10,000 Units]. Moscow: ООО «Izdatel'stvo AST».

Magomedova E.SH. (2017) Cennostnye orientacii molodyh rukovoditelej biznes-organizacij: process i mekhanizmy formirovaniya [Value Orientations of Young Leaders of Business Organizations: The Process and Mechanisms of Formation]. *Vektor Nauki TGU*. no. 2, pp. 119–123.

Nugaeva O.G., Krivodonova YU.E. (2012) Psihologicheskaya sushchnost' i sootnoshenie ponyatij «cennosti» i «cennostnye orientacii» [Psychological Essence and Correlation of the Concepts of «Values» and «Value Orientations»]. *Special'noe obrazovanie*. no. 2, pp. 120–128.

Otchet «Innovacionnye cennosti rukovoditelej v ekonomike znaniy». Rezul'taty issledovaniya [Report «Innovative Values of Managers in the Knowledge Economy». Research Results] (2011) Vysshaya shkola mezhdunarodnogo biznesa Rossijskoj akademii narodnogo hozyajstva i gosudarstvennoj sluzhby pri Prezidente RF. (<http://cnt-consult.ru/russia/service/analyses/Report%20Innovation%20Mangerment%20GSIB%20with%20Statistic%2028062011.pdf>).

Pryadko K.V. (2015) Vzaimosvyaz' motivacionnyh faktorov trudovoj deyatelnosti i cennostnyh orientacij lichnosti rabotnikov organizacii [The Relationship of Motivational Factors of Labor Activity and Value Orientations of the Personality of Employees of the Organization]. *Perspektivy nauki i obrazovaniya*. no. 3, pp. 132–139.

Ritcer Dzh. (2002) *Sovremennye sociologicheskie teorii* [Modern Sociological Theories]. 5th ed. Saint-Petersburg: Piter.

Sociologicheskij enciklopedicheskij slovar [Sociological Encyclopedic Dictionary] (2000) Ed(s): G.V. Osipov. Moscow: Izdatel'stvo NORMA.

Zhuravleva N.A. (2016) Social'no-psihologicheskie harakteristiki sistemy cennostnyh orientacij upravlencheskogo personala [Socio-psychological Characteristics of the System of Value Orientations of Managerial Personnel]. *Vestnik sovremennoj nauki*. no. 16, pp. 156–161.

Информация об авторах

Коваленко Александр Александрович, соискатель, кафедра управления персоналом факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова. Адрес: 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, д. 1. E-mail: akovalenko777@mail.ru

Малышев Максим Алексеевич, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии управления факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова. Адрес: 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, д. 1. E-mail: malyshevma@my.msu.ru

About the authors

Alexander A. Kovalenko, Applicant, Faculty of Public Administration, Lomonosov Moscow State University. Address: 119991, Russia, Moscow, Leninskie Gory, GSP-1. E-mail: akovalenko777@mail.ru

Maksim A. Malyshev, Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, Faculty of Public Administration, Lomonosov Moscow State University. Address: 119991, Russia, Moscow, Leninskie Gory, GSP-1. E-mail: malyshevma@my.msu.ru

Статья поступила в редакцию/Received: 05.02.2023

Статья поступила после рецензирования и доработки/Revised: 27.03.2023

Статья принята к публикации/Accepted: 15.04.2023